

Институт славяноведения
Российской Академии наук

В.И. Косик

**Балканы: «Порвалась цепь великая...»
(середина XIX – начало XXI вв.)**

Москва
2014

Рецензенты:
Кандидат исторических наук А.В. Карасев
Кандидат исторических наук А.В. Попов

Косик В.И. Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX — начало XXI вв.) М., Институт славяноведения РАН, 2014 г. — 272 стр.

В книге рассматривается цепь проблем, связанных с восприятием России славянами, историей балканских стран и народов, национализмом и национальными движениями на Балканах. Исследуемая проблематика сочетается с авторскими размышлениями о современном положении и судьбе балканских государств, вверяющих свое будущее Европе, Европейскому союзу.

ISBN 978-5-7576-0315-5

@ В. И. Косик

@ Институт славяноведения РАН, 2014

В.И. Косик

**Балканы: «Порвалась цепь великая...»
(середина XIX – начало XXI вв.)**

Подписано в печать 11.08.2014
формат 60x84/16. Объем 15,8 усл. печ.л.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-7576-0315-5

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru

Содержание

Введение	4
От османской до европейской Болгарии:	
О чувствах в политике и просто политике	7
Мусульмане Боснии и Герцеговины, XX век	72
Космет — проблемы мира и национализма	133
(История и современность)	133
Македония или «квартирный вопрос»	167
Дом на песке (Вардарская Македония)	179
Сербия: плюс история минус	213
Черногория: век минувший и посткриптус к началу нынешнего	246
Конец балканской истории: европейские горизонты .	264
Приложение о войне на Балканах в конце прошлого тысячелетия	267

Введение

В книгу включены семь очерков о Болгарии, Боснии и Герцеговине, Косово, Македонии, Сербии, Черногории. В них освещаются и анализируются на основе большого корпуса источников сюжеты, связанные с этнонационализмом, с проблемами построения и сохранения многонационального государства в югославском обличье, с восприятием России на Балканах.

Первая статья «От османской до европейской Болгарии: о чувствах в политике и просто политике» охватывает сложнейший и громадный по времени период отношений Софии и Москвы.

Следующий блок статей органически связан со временем существования Королевства сербов, хорватов и словенцев, Королевства Югославии, затем ФНРЮ, СФРЮ, Республики Сербия. Открывает блок статья Мусульмане Боснии и Герцеговин, XX век», в которой освещается серия разнообразных сюжетов, касающихся бытия мусульман и долгого пути к свободе от Белграда.

Проблеме Косово и Метохии (Космета), вызывающей до сих пор различные оценки, мнения, утверждения, посвящено исследование «Космет — проблемы мира и национализма (История и современность)», доведенное до настоящего времени. В нем на основании многочисленных и разнообразных материалов, свидетельств современников реконструируются сюжеты, связанные с действиями Белграда по закреплению своей власти в этом регионе и борьбой албанского населения с сербской властью.

Две последующих статьи «Македония, или “квартирный вопрос» и «Дом на песке (Вардарская Македония)» на большом временном поле раскрывают драматическую борьбу балканских стран за македонцев, каждая из которых, прежде всего, Болгарии и Сербии, считала их «своими».

Тень Великой Сербии присутствует в очерке «Сербия: плюс история минус». Наряду с сюжетами экономической и политической жизни страны, обрисована колониционная деятельность Белграда в различных землях Королевства. Включен внешнеполитический сюжет об отношениях с Германией Гитлера и Советским Союзом Сталина. Эскизно представлена проблематика славы в прошлом, настоящем и будущем.

Завершает книгу статья «Черногория: век минувший и посткриптим к началу нынешнего» Богатство фактического матери-

ала позволяет во многом впервые представить обширное полотно хозяйственной, политической, культурной жизни черногорского народа, испытавшего сильное влияние коммунистической идеи.

Благодарю всех тех, кто прочитал мою книгу, и задумался над феноменом славян и России в славянском море.

Теперь, прежде чем перейти к самим очеркам хочу дать место удивительным «смыслообразованиям» от Ирины Антанасиевич, преподавателя филологического факультета Белградского университета, изумительного знатока балканской жизни. Надеюсь, что они помогут в освоении балканских реалий, воссоздаваемых здесь.

«... каждая страна для чего-нибудь создана. Балканы же созданы для того, чтобы опровергать привычные тезисы о единстве формы и содержания: (уни) форма пасторальной идиллии и турбо-дзен содержание.

Природа этого территориального образования до конца не понятна и по сей день представляет собой довольно лабильный коллоидный раствор, чьи частицы независимо одна от другой участвуют в интенсивном броуновском движении.

Это приводит к тому, что сербы/хорваты/албанцы/ боснийцы и пр. живут отдельно от Сербии/Хорватии/Боснии/Албании, привычно называя своим любое место, где им удастся закрепиться на более длительное время.

Балканца довольно сложно понять, трудно переспорить и практически невозможно изменить.

Современная психотерриториальная ситуация Балкан такова, что страны проводят большую часть своего времени в поисках тех версий своей истории, которые бы им предоставили наиболее удачный вариант самообмана.

Балканцы своих детей, врагов и друзей создают по своему образу и подобию.

На Балканах любят организованные скопления неорганизованных организмов. Поводы для этого всегда находятся: митинг, праздник, ярмарка, установка баррикад...

Если раньше бытовало наивное представление о том, что выстрел в Сараево был исключением, то последние события на этой территории доказали, что не бывает вещей, которые не могут служить *casus belli*.

Балканы являются символической репрезентацией нашего мира, и человечество тогда выйдет на новые пути в понимании себя, когда задумается о своей собственной имманентной обалканенности».

От османской до европейской Болгарии: О чувствах в политике и просто политике

Памяти академика Христо Христова

По сути дела вся всемирная история человечества представляет собой постоянный взаимообратный процесс перехода от рабства к свободе, вбирающий в себя неисчислимое количество путей, характерных для каждого отдельного освобождения и закрепощения. Такая сентенция применима к любому народу на земле. Не является исключением и Болгария, последовательно переживавшая указанные фазы. Достаточно вспомнить турецкое иго, которое сменило, по мнению некоторых болгар, русское владычество, потом после войн и некоторого роздыха, предоставленного стране Европой, опять наступило время войн и очередного «закрепощения» Болгарии Россией, укрытой под четырехбуквенным обозначением СССР. Потом опять наступило время освобождения от «вечных братушек», страна которых была развалена. Сейчас Болгария встала на путь перехода в Европу. Какие плоды принесет это болгарам, трудно предсказывать, но одно очевидно: любое освобождение всегда связано с закрепощением, и, приобретая свободу в одной сфере, теряешь ее в другой. Однако я не хотел бы заниматься плетением словес. Все же за прошедшие века существования Болгарии в ее истории наблюдался упомянутые процессы, связанные напрямую с Россией — освободительницей и «хозяйкой».

Среди героев этого процесса были многие имена, часто связанные с русофобством и с русофильством. Эти два условных феномена, применяемые мною здесь, весьма удобны для того, чтобы осветить то сложное восприятие России в болгарских головах, да и в русских тоже, которое не раз затрудняло понимание друг друга. Впрочем, и сейчас наши отношения далеки от желаемых.

Русский дипломат К.Н. Леонтьев в известной «Записке о необходимости литературного влияния во Фракии» (1865 г.), рассуждая о влиянии России и имени ее на Балканах, подчеркивал, что молодежь равнодушна к России. Даже тем, кто ее любит, она видится только дружественным государством, обладающим грозной армией свыше полумиллиона штыков. Образование и ум надо искать на Западе, только не в России, которая может пригодиться

балканским народам в кризисных ситуациях, но не более того. Здесь Константин Николаевич и прав и неправ. Безусловно, что прорусские симпатии у болгар были обусловлены надеждой на избавление от османской власти при помощи единой и славянской России. Но «среди балканских народов всегда существовали сильные опасения, что ценой такого освобождения будет их включение в состав Российской империи»¹.

Хотелось бы только заметить, что эти «опасения» были характерны, прежде всего, для самих болгар. Западный либерализм уже пускал свои корни, или, если говорить в духе Леонтьева, — «засорял» самобытную жизнь балканских народов. Разумеется, их исторические корни были далеко не одинаковы, как и отношение к России — этому православному «опекуну» и грозному наследнику Византии, на преемство которой претендовала, кстати, и Болгария.

В то же время, повторю, для болгарского народа имя России было священным. Достаточно сказать, что в 1867 г., после покушения на Александра II, в балканских землях, в том числе и в Болгарии, состоялись многочисленные молебны за здоровье русского царя. Сохранились сведения о том, что после богослужения болгарские мальчишки бегали по улицам и кричали: «Боже, дай здравие царю Александру и убий всех его врагов. Пусть погибнет султан вместе со своими пашами, пусть погибнет Турция и да здравствует Россия».

Великий болгарин П.Р. Славейков (по другим сведениям, И. Вазов) низал следующие строки: «Руский цар е на земята най-велик, над всички пръв; русите са наши братя, наша плът и наша кръв. Кат Русия няма втора тъй могъща на света; тя е нашата опора, тя е нашата висота! Руска сила, руска воля, руска кръв и руский пот ще избавят от неволя наший падналий народ. Бог поддържа крепка мишца и ръка спасителна; той е вложил ней в десница сабя отмъстителна. Нам Русия е надежда, руский цар е наший спас — никой друг не ни поглежда, не помисля зарад нас. Немци, френци, англичани юди наши са враждебници, дружни с нашите тирани, наши са изедници... да смират се интириганти, да живее руский Бог!»²

«Русский царь на земле самый великий, над всеми первый; рус-

¹ *Тодев И.* Граф Игнатиев и принципът за единство на православие // Исторически преглед. София, 1991. Кн. 7. С. 80.

² http://society.actualno.com/Ogromno-zname-pokri-Iskyrskoto-defile-za-Treti-mart-news_17852.html#ixzz2yDiw9m37

ские наши братья, наша плоть и наша кровь. Такой, как Россия нет могущественнее в мире; она наша опора, она наша высота! Русская сила, русская воля, русская кровь и русский пот избавят от неволи наш павший народ. Бог поддерживает крепкую мышцу и руку спасительную; он вложил в ее десницу саблю отмстительную. Нам Россия есть надежда, русский царь — наше спасение, никто другой на нас не взглянет, не позаботится о нас. Немцы, франки, англичане иуды — наши неприятели, дружные с нашими тиранами, наши кровопийцы... Пусть смиряются интриганы и да здравствует русский Бог!»

Были другие мысли о России, принадлежавшие революционерам, например, Г.С. Раковский в 1861 г. в своей брошюре «Преселение в Русия или руската убийствена политика за българите» писал: «Руското правителство, кое досега лъстеше нашите добродушни българии със сякакви лукави и лъжовни обещания, днес вече открива булото си и явно показва убийствената и злобната си политика към тях. То е наумило и труди се с всичките лукави и бесчестни средства да разори и опустоши милото ни Отечество България и... нашата народност, самото нам скъпоценно и свято наследство!... Длъжност свята към милото ни Отечество налага ни да открием простодушному народу какво нещо е тая Русия и нейното мъчителско монголско правителство, и какви вечни мъки ги чакат, ако са тия излъжат и идат да влязат в нейните железни нокти... »¹.

«Русское правительство, которое до сих пор льстит добродушным болгарам всякими лукавыми и лживыми обещаниями, сейчас уже снимает свою маску и явно показывает убийственную и злобную свою к ним политику. Оно надумало и трудится всеми лукавыми и бесчестными средствами разорить и опустошить милое нам отечество Болгарию и... нашу народность, самое нам драгоценное и святое наследие!... Святой долг к нашему милому Отечеству обязывает нас открыть простодушному народу, что такое эта Россия и ее монгольское правительство мучителей, и какие вечные муки их ждут, если они соблазнятся и ... попадутся в ее железные когти...».

Здесь забывается одно, Россия не была в состоянии тогда приступить к освобождению Болгарии, и в Петербурге не желали вступить в открытый конфликт с Европой. Другой революционер З. Стоянов восклицал: «Да бъде проклета оная минута, когато е

¹ <http://forum.aboutbulgaria.biz/viewtopic.php?f=1&t=13988&start=60>. Форум «О Болгарии по русски».

стъпил руски крак в нашата земя, когато се е произнесла за първи път думата освободителка и покровителка!»¹

«Пусть будет проклята та минута, когда ступила русская нога на нашу землю, когда были в первый раз произнесены слова — освободительница и покровительница!»

В болгарских землях вера в мессианское предназначение России обернулась не только формированием образа освободителя «дядо Ивана» (в годы царствования Николая I гораздо чаще можно было услышать — «дядо Никола»), но и возникновением мнения об особом характере болгаро-русских отношений. Эти прорусские симпатии особенно ярко проявились во время русско-турецких войн. Традиционные настроения постепенно меняются после поражения России в Крымской войне. Многие из русофилов уже не хотят таковыми называться. Облегчения участи страны ищут даже в милости султана, в смене религии, в восстании. Вера, надежда и любовь к России пошатнулись — особенно в политизированной интеллигенции, настойчиво искавшей свой путь к национально-церковному освобождению страны и собиранию исторических земель.

Но в то же время Россия оставалась для болгар страной, где они получали образование. Именно болгарские студенты представляли наиболее многочисленный отряд по сравнению с другими учащимися из южнославянских стран. За период от Крымской кампании до Освобождения в российских учебных заведениях получило образование 267 болгар². Известный болгарский историк Н. Генчев писал, что четыре/пятых болгарских учителей были подготовлены в России³.

Тем не менее, все это не означало, что только вместе с Россией болгары видели путь к освобождению. Приведу любопытный монолог одного из болгарских учителей из статьи К.Н. Леонтьева «Панславизм и греки» (1873 г.): «Без турок, в настоящее время и надолго, мы слабее всех на свете, вместе с турками мы сильнее и греков, и сербов, ибо нас *больше*, ибо мы все вместе *райя*, и не разбиты ни, как греки, на *две половины*, турецкую и свободную, ни, как сербы, на *четыре* части: турецкую, австрийскую, черногорскую и белград-

¹ <http://www./Dnevnik.bg/>

² Генчев Н. Франция в българското духовно възраждане. София, 1979. С. 231.

³ Там же. С. 240.

скую. Мы никогда не бунтовали, как греки и сербы, мы *сознательно* не хотели помочь им во время их движений. Поэтому мы имеем право на доверие правительства. У нас нет независимых центров, вроде Цетинья, Афин и Белграда, из которых, при случае, может грозить туркам война; у нас нет *династий* своих, нам *ничего* присоединять к независимому центру; у нас нет ни Крита, ни Боснии, ни Эпира, ни Фессалии, ни Герцеговины. Мы все вместе *райя*. Да здравствует же Абд-Уль-Азис-хан, султан наш и *царь болгарский!*

— Что делать, мы свыклись с турками, — сказал мне, смеясь, однажды, еще третий болгарин. — Как-нибудь проживем. Этнография же говорит, что мы отчасти одной породы с ними»¹.

Подобные настроения нашли и свое документальное подтверждение в известном меморандуме Болгарского тайного центрального комитета султану (1867 г.). Суть этого любопытнейшего письма-обращения заключается в предложении по оформлению турецко-болгарской монархии, «в рамках которой создать болгарское конституционное царство со своим Народным собранием, собственной армией под командованием болгарских офицеров и отдельной болгарской администрацией; во главе дуалистической монархии должен был стоять султан, и к его титулу падишаха прибавлялся титул “царь болгар”»².

Один из великих учителей болгарского народа Любен Каравелов, выпускник Московского университета, как и многие, надеялся, верил, ожидал реальной помощи от России в освобождении от турецкого ига, что, впрочем, не мешало ему и критиковать ее весьма яростно за отсутствие немедленной помощи, даже считать Россию виновницей того, что болгарский народ продолжает страдать, мучиться, быть попраным уже пятьсот лет османликами. Видимо, Каравелов в царской власти видел своеобразную мертвую силу, деспотию, мучающую свой народ и не желающую поспешить с освобождением болгар.

Так, в конце 1870 г. в «Свободе» можно было прочесть и такие строки: «Главная причина, которая держала и держит и до настоящего времени около 30 миллионов славян и других православных христиан под турецким и австрийским игом, без всякого сомнения, есть Россия. Объясним: 1) несчастные турции и австрий-

¹ *Леонтьев К.Н.* Собр. Соч. М., 1912. Т. 5. С. 33–34.

² *Косев Д.* Новая история Болгарии. М., 1952, С. 292.

ские славяне и христиане ждали до сегодняшнего дня, что Россия подаст им братский сигнал и скажет им воскреснете и будете свободны“; 2) Россия была единственной славянской и православной державой, следовательно, только она могла чистосердечно поддерживать и защищать славянство и православие, и юговосточный мир ожидал от нее много и много; 3) русская пресса всегда проповедовала крестовый поход против запада и советовала турецким и австрийским славянам не надеяться ни на кого, а прилепиться к России и только от нее ожидать спасения, поддержку, свободу и счастье, и славяне и православные христиане уважали эти советы и ожидали от России материальной и нравственной помощи; 4) любовь и сочувствие к России были такими большими, что вооружили весь Запад против турецких и австрийских славян...»¹.

В 1873 г. в «Независимости» он же писал: «Единственное добро, которое в состоянии нам сделать сегодня наши русские братья, состоит в их сочувствии к нашей политической свободе и к нашей племенной особости. Помогите нам свалить с шеи турецкое и немецкое иго; развяжите нам руки и дайте нам возможность добиться своей собственной воли, докажите Европе, что не имеете задних мыслей и что руководствуетесь чистыми побуждениями; а потом, докажите нам свое сочувствие и свое братство практически — и вы тогда найдете неллицемерных братьев и яростных союзников»². «Мы, болгары, любим русских, но еще больше любим самих себя; мы радуемся русским успехам и русскому величию, но в то же время желаем стать свободными и независимыми; только потом, мы готовы защищать общеславянские интересы, но желали бы, прежде всего, защитить самих себя. Наше настоящее положение таково, что народ не может думать ни о племенном родстве, ни о славянофильстве; а если все это так, то он (народ) готов броситься на шею всякому, который готов оказать какую-либо помощь и который пожелает облегчить его горькое существование»³.

Думаю, что здесь Любен Каравелов несколько увлекся. Не было «всякого», готового выступить с оружием за освобождение православных болгар, помнящих свое родство с единоверным русским народом.

¹ Каравелов Л. Събрани съчинения. София. 1967. Т. 7. С. 247–248.

² Там же. С. 610.

³ Там же. С. 611.

Из великих держав все же наиболее близкой продолжала оставаться Россия. И, критикуя Россию, Каравелов вновь обращался к ней.

В 1874 г. в «Независимости» Каравелов подчеркивал, что нет такого русского, который поднимет свою руку на православного славянина, страдающего под турецким игом, что нет такого русского, который пожертвовал бы славянскими интересами в пользу габсбургской династии, что нет такого русского, который отказался бы от своих братьев в пользу «паршивого монгола». «Мы твердо уверены, что Россия не может быть нам быть врагом и что русско-турецкая дружба не может просуществовать долго... Россия никогда не откажется от нас и никогда не позволит другим народностям погрязнуть славянское имя»¹.

Все было очень сложно у интеллигентов и революционеров, требовавших от России все и сразу.

Повторю, далеко не все болгары мыслили будущее своей страны в единстве с иноверцами.

Здесь стоит привести отрывок из написанного в 1876 г. стихотворения болгарского классика Ивана Вазова:

О, здравствуй Русь, в красе и мощи,
Мир вздрогнет, услышав тебя;
Приди, царица полуночи,
Зовем тебя, зовем любя.

Народ зовет единокровный,
И час настал — к своим приди,
Что предназначено, исполни,
Завет великий воплоти.

...

И, как сыны, тебя мы любим,
И ждем тебя мы, как Мессию,—
Ждем, потому что ты Россия!

Достаточно вспомнить Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. (на памятнике медицинским чинам в Докторском саду в Софии она названа Турецкой, надо помнить, что в ней сражались с турками не только «московцы», вынесшие на своих плечах всю тяжесть вой-

¹ Каравелов Л. Събрани съчинения. София. 1967. Т. 8. С. 107.

ны), когда русские воины сражались вместе с болгарскими братьями, когда русские участвовали в строительстве новой, освобожденной Болгарии.

Были и «бесчувственные прагматики» — видевшие «выгодность» подобного «предприятия» для самой России с ее мечтой о Царьграде.

В княжестве, во главе которого был русский ставленник немецких кровей — князь Александр I Баттенберг, была принята довольно демократическая конституция с набором таких прав и свобод, о которых могли только мечтать российские либералы. В России, где разрабатывался ее проект, желали тем самым показать болгарам, уверить их, что она уважает и принимает в расчет их мнения, пожелания относительно государственного устройства Болгарского княжества.

Эти мысли обязательно должны были присутствовать в головах болгарских патриотов — консерваторов, либералов и прочих политических деятелей.

Само деятельное участие России в государствообразующей деятельности в Болгарском княжестве, ее помощь в военном деле в Южной Болгарии, русский ставленник на престоле, русский офицер на посту военного министра, русский генерал в кресле премьер-министра в 1882—1883 гг. — все это служило наглядным доказательством не только для болгар, но и для всех интересующихся международной политикой, что Россия рано или поздно, но «закроет» Восточный вопрос и объединит болгарский народ. Дело было только во времени.

Здесь Россия явно не спешила, дожидаясь удобного момента, когда в обширных все еще владениях Османской империи произойдет что-либо экстраординарное, например, мятеж в какой-либо ее части. В этой ситуации можно было «пожизниться» и добиться раздела османских владений, отобрав у Стамбула Болгарию.

От русской дипломатии во многом зависела форма протекания «детской болезни» национализма. В болгарском варианте это было и сложно и легко, если учитывать тогдашнюю неразрешенность вопроса объединения с Восточной Румелией (Южной Болгарией) и Македонией.

Тут надо было принимать во внимание и то обстоятельство, что многие болгарские политики прошли турецкую, европейскую, русскую школу макиавеллизма и отлично понимали, что Россия хотела стать своеобразной мамкой для Болгарии — этого «славянско-

го аванпоста» на пути к Проливам, к Царьграду.

Однако «ребенок» оказался на редкость капризным и лукавым, прекрасно осведомленным о «слабостях» своей благодетельницы. Он явно не хотел держаться за подол русского сарафана.

И в то же время болгарские государственные мужи, лидеры политических партий понимали, что только Россия может помочь стране в реализации плана по воссоединению вначале с Южной Болгарией, потом — с македонскими землями. Во власти, в политике, в государстве жили два течения — русофильское и русофобское.

И здесь немного о государственности: это — власть, а таковой в Болгарии не было. Была страна Болгария, управление которой, но не власть, переходило из рук в руки, не всегда чистые. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать прессу того времени. Общественно-политическая жизнь Княжества была взбаламученным морем, где можно было с успехом «половить рыбку» и для себя и для партии.

Добавлю, что и сам принцип монархической власти плохо приживался в стране после пятисот лет турецкого владычества, тем более что ее носитель не был болгариним. «Владелец трона» был, в сущности, «пешкой» в политических играх русских и болгарских деятелей. При этом «неспособность» князя быть простым исполнителем воли Петербурга или хотя бы следовать «советам-приказам» отдельных русских представителей, каждый из которых имел свое видение ситуации в стране, вела к его плохой «приживаемости» на троне и, в конечном счете, — удалению из Болгарии.

Методом проб и ошибок страна все же накапливала опыт управления, но, пока, не власти. Свою отрицательную роль играли здесь и такие факторы, как отсутствие опыта, традиций, кадров, но, прежде всего, — опекунов России. Это парадоксально, но, тем не менее, так. Освободить «задунайскую» территорию было гораздо легче, нежели неявно руководить в стране, где от России ожидали «воплощения Сан-Стефано» в жизнь.

И еще одно замечание: и русофильство и русофобство характерны для страны, только встающей на путь своего государственного развития, когда молодая государственность нуждается в помощи и опекунах, когда набирающий силы национализм с его лозунгом «Болгария для болгар» ищет опору для освобождения от плотного опекуна бывших освободителей.

Русофильство было особенно популярно в доосвободительное время Болгарии, когда на Россию возлагались надежды освобождения братского болгарского народа от турецкого владычества, т. е. с ожиданиями.

Русофобство, его проявления характерны для времени, наступившего после долгожданного избавления от османов, и связано с процессом становления болгарской государственности, когда русские только «мешали» этому процессу, т. е. с разочарованием.

В то же время хочу тут же подчеркнуть следующее: что оба этих феномена связаны не только с любовью или нелюбовью к России, но и с самим политическим курсом, дипломатией Российской империи. В ней видели силу, которая должна была быть поставлена на службу интересов братского болгарского народа, всего славянства. Если этого не наблюдалось — усиливалось русофобство, скорее, «исчезала» надежда, что Россия «все устроит».

В сущности, феномен русофильства в его политическом значении был характерен для правления царского родственника и ставленника Александра Баттенберга примерно до провокационного для официальной России воссоединения в 1885 г. Софии с Пловдивом.

Тогда новую ситуацию можно было сравнить с той, в которой оказалась Россия, подписавшая Сан-Стефанский договор. Теперь Болгария с князем оказались в положении стороны, вынужденной «исправлять» ситуацию. Но история, если и повторяется, то вероятно, в «кривом зеркале», что и произошло.

Впрочем, ему, не желавшему становиться откровенной русской марионеткой, можно приписать и русофобство, например, в сюжете, связанном с прекращением в 1883 г. властных полномочий генерала Леонида Соболева, а также генерала Александра Каульбарса¹. Можно «вспомнить» и «неумение» или «нежелание» князя «ладить» с многими русскими представителями в княжестве. В итоге, у царя для своего родственника, не сумевшего ни «укротить» Болгарию», ни вести нужный курс, остались лишь бранные эпитеты. В этом он сходиллся с такими болгарскими политическими деятелями, как Стефан Стамболов и его «сотоварищи». Они то называли князя «мерзавцем, вором, изменником», то становились

¹ См.: *Косик В.И.* Русская политика в Болгарии 1879–1886. М., 1991. С. 50–68.

его верными приверженцами после его «отторжения» императором¹.

Безусловно, в этом сложнейшем времени строительства болгарской государственности действовали и политики, которых можно отнести, хотя и с натяжкой, к русофобам. Например, так называемые консерваторы, случалось, меняли жесткую критику русской политики в княжестве на предложения сотрудничества с ними, как это было осенью 1883 г.

Или еще один известный пример с «метаниями» выдающегося болгарского политического и государственного деятеля Драгана Цанкова. В 1881 г. после разгона князем либерального правительства и составления им нового, в котором важнейшие посты сосредотачивались у русского генерала Казимира Густавовича Эрнрота, Цанков произнес знаменитую фразу: «мы не хотим ни русского меда, ни жала». Однако менее известны его действия в 1887 г., когда он «перешел» на русскую сторону, занявшись подготовкой восстания против антирусской власти в Софии и возвращения с помощью «русских штыков» в Болгарию².

Эта своеобразная игра на качелях была свойственна и русской дипломатии, политика которой в княжестве должна быть признана неудачной. Более того, некоторые ее действия, например, связанные с приостановкой конституции в 1881 г., только расширяли базу для болгарских оппозиционеров русской политики. И если с освобождением у России все получалось хорошо, то с опекуном плохо. Именно из «плохого опекунства», «держания» Болгарии на коротком поводке, ширились явления русофобства.

Повторю, что если русофильство имело более мощную корневую базу, связанную с культурой, этносом, традицией, то русофобство возникало на политической почве, когда, как писал один из русских дипломатов, все хорошее приписывалось болгарским властям, а все плохое — России.

Осторожность Петербурга в вопросе о создании Сан-Стефанской Болгарии служила дополнительным импульсом к расширению рядов недовольных своей бывшей освободительницей. Политика «кнута и пряника», проводимая русскими дипломатами

¹ *Генерал Анастас Бендерев* Спомени Писма. Б. м. 1999. С. 161

² См.: *Косик В.И.* Время разрыва Политика России в болгарском вопросе 1886–1894 гг. М., 1993. С. 36–39.

после воссоединения в 1885 г. Болгарского княжества с Южной Болгарией, проведенного без знания Петербурга, соответственно, без одобрения царя, ненавидевшего ее князя Александра Батенберга, подняла к власти Ст. Стамболова. Его имя прочно вошло в историю Болгарии как видного политического и государственного деятеля, который был и болгарским Гладстоном и диктатором, тираном и освободителем, апостолом и главным полицейским. При этом, судя по многим документам, всюду он был искренен в своих действиях, всегда направленных на благо своего отечества. Стамболов, этот «болгарский Бисмарк», решил побороться с Россией за «Болгарию для болгар», громивший русофилов и прочих оппозиционеров, имевших отличное от него мнение о России.

Естественно, для русофилов он входил в ряд «мерзавцев» и «честолюбцев», которые для удовлетворения своего честолюбия готовы разорить болгарский народ¹.

Но не все так просто.

В своей дневниковой записи от 6 декабря 1886 г. Стамболов писал: «В нашей борьбе с турками Россия была для нас святая, мы на нее смотрели с полным и беспредельным доверием, от нее мы ожидали, что она нам поможет и нас освободит, и, действительно, наши надежды оправдались! Тогда мы глядели с ненавистью и отвращением не только на турков, но и на австрийцев, на немцев, а больше всего на англичан, потому что они поддержали сторону турков и... кричали, что Россия не идет освобождать христиан от турков, но идет их поработать и со временем завладеть и поглотить. Какой болгарин верил этим немецко-английским бессмыслицам? Кто не относился к ним с презрением и даже с отвращением как к подлым и бесчестным интригам?... Сейчас многие болгарские деятели, которые 10—12 лет назад отдали бы жизнь под русскими знаменами в войне с Германией, Австрией и Англией, не подумали бы помогать русским, и даже желали бы, чтобы русские были... побеждены, чтобы Болгария могла свободно вздохнуть и укрепиться внешне и внутренне как государство. Одно время турки душили болгарскую свободу и народность, сейчас то же самое хотят делать наши братья освободители. Одно время всякое зло для болгар шло из Цариграда, сейчас идет из Петербурга. Одно время мы боролись и сторожились турков, сейчас то же самое с

¹ *Генерал Анастас Бендерев* Спомени. С. 161.

русскими. О, как изменились дела: поэтому не странно, что изменились и симпатии болгар. Послушные до вчерашнего времени русским, мы сегодня боимся их как огня и чумы... Когда мы поняли, что Россия хочет уничтожить Царство наше, захватить нашу землю, погубить народность нашу и усесться в нашем доме, мы... собрали силы, и началась между Россией и нами страшная и непримиримая дипломатическая война, война между освободителями, сейчас превращенными в грабителей, и освобожденными, между маленьким и слабым Давидом и исполином Голиафом»¹.

Здесь соседствует правда со страхом, представление России как абсолютного зла для Болгарии, не желающей стать своеобразным ягненком для «русского волка». Могу сказать здесь лишь одно: Россия не собиралась оккупировать Болгарию, чего так опасались Стамболов и его окружение.

И еще: тогдашняя обстановка в стране воспринималась русской и болгарской сторонами в своеобразном кривом зеркале, где каждая видела другого в превратном виде.

Сами русофилы не ограничивались бранью. Группа офицеров, верных заветам единства с Россией, 9 августа 1886 г. вынудили покинуть трон Александра Баттенберга, чей уход должен был послужить первым шагом к восстановлению прежних отношений с освободительницей.

Один из руководителей заговора Р. Дмитриев в своем заявлении для русской прессы отмечал: «Мы, болгары, всегда видели в России державу, которой мы обязаны всем и которая одна может обеспечить нашу национальную независимость и объединение... Наши мечты были... достигнуть славянской федерации в форме объединения вооруженных наших сил под общим управлением Великого Царя. Мы сознавали, что к достижению этого идеала было много политических препятствий, и мы стремились к тому, чтоб если не формально, то, по крайней мере, фактически установилось это объединение. Вначале все шло как следует, и в лице Баттенберга мы видели только представителя Русского императора. Но, не имея ничего общего с нами, немецкий принц не захотел служить великой идее, связующей нас с Россией. Но каково было наше удивление, когда мы, вместо ожидаемого сближения, прочли турецко-болгарское соглашение, по которому в случае нужды Бат-

¹ Стамболов Ст. Дневник. София, 1991. С. 106–107.

тенберг был готов преподнести болгарский контингент султану для борьбы против внешних врагов, следовательно, и России. Терпению нашему пришел конец, мы видели, что отечество находится на краю гибели... Спасти его, по нашим понятиям, можно было, только удалив из страны принца Баттенберга»¹.

Однако таких людей, как Дмитриев, позднее служившего верой и правдой в рядах русской армии в годы первой мировой войны, было немного. Верхушечный переворот провалился. Власть перешла в руки Стамболова, организовавшего разгром заговорщиков.

Вернувшийся в страну князь, чувствуя всю шаткость своего положения, обратился за поддержкой к Александру III. Но тщетно. Получив холодный, высокомерный ответ, он отрекся от престола вторично, на этот раз окончательно.

Наступало время очередного «варяга» князя Фердинанда Кобургского.

Само его появление в 1887 г. в полунезависимой Болгарии было вызвано, повторю, «освобождением» болгарского престола Александром Баттенбергом, ставшим одиозной личностью в глазах Александра III, впрочем, и Фердинанда Кобургского. Об этом сюжете написано уже достаточно много, чтобы повторять сказанное. Могу лишь напомнить, что в Санкт-Петербурге после разрыва с Софией отношений в ноябре 1886 г. считали, что в обстановке, когда вопрос о кандидатуре на вакантный княжеский престол мог быть решен только при одобрении русской дипломатии, болгары будут вынуждены пойти на поклон к русским.

Однако МИД явно просчитался, рассчитывая на быстрый успех. И как ни странно это звучит на первый взгляд, болгарам в этой сложнейшей ситуации помогал вассальный статус. Они могли тянуть дипломатическую игру очень долго с помощью Европы, называвшей русского царя своим «страшилищем», а Болгарию — «балканской Пруссией». К этому стоит добавить, что действия России лишь усилили русофобские настроения в стране. В такой ситуации вспыхнувшее в феврале 1887 г. восстание офицеров-русофилов в Русе и Силистре было жестоко подавлено. Память о нем и сейчас хранит город Русе. Во время своего посещения этого красивого города я видел мемориальную доску на доме, где жил Тома Кърджи-

¹ Новое время. 1 октября 1886 г.

ев, тамошний руководитель восстания. Не забыты имена и других офицеров, участников восстания, как например, Атанаса Узунова и Олимпия Паницы, расстрелянных новой властью, несмотря на все их заслуги перед Болгарией.

В качестве иллюстрации тогдашних нравов можно привести пример, когда Андрей Ляпчев, будущий видный государственный деятель, примкнувший тогда к русофобскому лагерю, в котором выделялись З. Стоянов, Д. Петков, Д. Ризов, организовал банду, которая подстерегла около Пловдива первого премьер-министра свободной Болгарии Т. Бурмова и нанесла ему побои за то, что он якобы «ходил в Россию продавать Болгарию»¹.

Тогда именно Европа, точнее, Вена, «подарила» болгарам нового князя Фердинанда из дома Кобургов. Для Болгарии и Австро-Венгрии Фердинанд был гораздо более приемлемой фигурой, нежели навязываемая Петербургом фигура русского подданного князя Н.Д. Мингрели, проваленного в Софии, по-прежнему, опасавшейся превращения страны в «Задунайскую губернию» России. Выступая своеобразным спасителем от «русской угрозы», Фердинанд надеялся, что болгары будут отстаивать его, защищая свой суверенитет.

Именно «русская опасность» заставила Софию поспешить с возведением на трон самовыдвиженца Фердинанда.

Замечу, что болгарский монарх «мешал» не только царю. Он начинал действовать на нервы и фактическому властителю страны Стамболову, который ради «независимости» страны от той же России, жертвовал «свободой», свирепо подавляя инакомыслие, преследуя русофилов.

Здесь особенно отличалась своим ярко выраженным русофобством проправительственная газета «Свобода». В связи с рядом бедствий, обрушившихся на Россию в 1892 г., на ее страницах допускались и такие фразы, как: «в прошлом году — голод, в этом — холера, в следующем — дай Бог и чуму в Россию!»².

В прессе встречались и выпады против императора и его семьи. В воспоминаниях английского дипломата Е. Пирса есть объ-

¹ *Божинов В.* Земното кълбо не престава да се върти, ако ние и да спим Разказ за живота на Андрей Ляпчев. София, 2006. С. 32.

² *Цит. по: Ризов Д.* Разлагающа се и възраждающа се България. София, 1894. С. 34.

яснение этой газетной травли. Так, в ответ на реплику Пирса о неблагоприятности подобной кампании в печати Стамболов резко отвечал, что, имея дело с Россией, нужно держать в руках дубину, которой следует наносить удары везде и повсюду¹. При этом отмечу, что все это не мешало болгарской дипломатии зондировать почву для примирения².

И здесь мне необходимо все же процитировать одну приписываемую ему максиму: «Винаги с Германия и никога срещу Русия» («Всегда с Германией и никогда против России»). Это утверждение чрезвычайно сложно толковать, если предполагать с большим основанием, что авторство этой фразы принадлежит царю Борису III. Но если считать, что именно «болгарский Бисмарк» (так называли Стамболова) произнес эти слова, нельзя не учитывать, что они были связаны с некоей политической ситуацией, возможно, с желанием «освободить» страну от князя Фердинанда.

Гораздо более понятно его никем не оспариваемое изречение: «Русия ни освободи, кой ще ни освободи от Русия?!» («Россия нас освободила, кто нас освободит от России?!»). И здесь Стефан Стамболов сам прилагал к этому «освобождению» немалые усилия.

И в то же время политическое русофобство Стамболова могло закончиться гораздо раньше. Будучи умным политиком, он не мог не понимать, что рано или поздно Фердинанд постарается избавиться от него. И в начале 1888 г. русофоб Стамболов захотел превратиться в русофила Стамболова, обещавшим России выдворить князя из страны в обмен на определенные гарантии, в том числе материального характера (письмо Ст. Стамболова в МИД России от 25 февраля 1888 г.). Тогда Фердинанда спасло, скорее всего, недоверие русской дипломатии к Стамболову и уверенность в том, что выдворение князя устроится без особых денежных затрат.

Но что было возможно в легенде о Давиде и Голиафе, не подтверждалось течением болгаро-русских отношений. Надо думать, что сама государственность страны была не более чем фикцией при наличии прежнего статуса вассальности и не признанном великими державами князе.

¹ *Pears E.* Forty years in Constantinople (1873–1915). London. 1916. P. 193.

² *Косик В.И.* Время разрыва. С. 67.

Болгария стала государством для болгар, но для своих соседей и Европы она как бы не и существовала. Ни в Стамбуле, ни в европейских столицах не желали помогать русской дипломатии в «горючем» болгарском деле, чреватом очередным военным пожаром. Помочь «восстановлению» Болгарии из государственного небытия, появлению ее на международной арене могла только Россия.

В этой ситуации, в стране, очевидно, были и те, кто, зная историю, предвидел конец диктатуры Стамболова и расценивал ее как необходимый, но преходящий этап по переходу власти в руки «доброего и справедливого» Фердинанда в отличие от «злого и несправедливого» Стамболова. Такой вариант проигрывался и самим болгарским диктатором, обещавшим России выдворить князя из страны в обмен на определенные гарантии.

Тогда Фердинанда спасло, скорее всего, недоверие русской дипломатии к Стамболову и уверенность в том, что освобождение престола князем устроится без каких-либо действий с ее стороны. Действительно, София, оказавшись в изоляции, терпела неудачи одна за другой. Все это весьма ясно просматривается в сюжете, связанном с болгарской тактикой по привлечению на свою сторону Турции, когда София страдала ее объявлением своей независимости в случае отказа в официальном признании князя Фердинанда. Авантюрный прием Болгарии был рассчитан на страх Стамбула перед политическими осложнениями, которые могли втянуть Турцию в войну.

Расчет, казалось, оправдывал себя. Встревоженная Порта в 1889 г. провела ряд чрезвычайных совещаний и была готова уступить, но не могла, как и прежде, решиться на самостоятельную акцию. Турецкое правительство с Абдул-Гамидом II предприняли ряд попыток склонить русскую дипломатию к совместному признанию законности пребывания князя Фердинанда на престоле.

Султан, объясняя русскому послу в Стамбуле А.И. Нелидову всю вынужденность предполагавшегося шага, обуславливал его интересами европейского мира. Однако собеседник Абдул-Гамида II был непреклонен, заявляя, что, угождая «честолюбцам», поставившим Фердинанда в Болгарию, султан забывает, что «Россия есть самая близкая и мощная соседка Турции».

После столь недвусмысленной угрозы Нелидов теперь уже «по-дружески» уверял султана, что уступка болгарам отнюдь не прекратит дальнейших притязаний, а наоборот, вызовет их рост: пре-

бование независимости, присоединение македонских земель, а также территориальные претензии со стороны соседних с Османской империей стран.

В конечном итоге, как заключал российский дипломат, эта уступка явится толчком к «окончательному разложению Турции».

В сущности, время показывало правоту царского тезиса, что если Россия может обойтись без Болгарии, то последняя не в состоянии обойтись без России.

Итак, освободитель Болгарии от России Стамболов оказывался ее «крепостником» вместе с Фердинандом. Даже отстранение от власти Стамболова весной 1894 г. Фердинандом не поколебало позицию русского царя.

Подчеркну, что устраивая отставку «спасителю» Болгарии, оппозиционные силы надеялись, что она положит начало процессу нормализации отношений с Россией. На это рассчитывал и сам Фердинанд, охотно пожертвовав своим «надзирателем».

Тут же следует заметить, что на первых порах своего княжения Фердинанд был для болгар своего рода символом болгарской независимости, для русских «узурпатором» болгарского престола, для турков — фигурой, вносившей помехи и сложности в международной сфере, прежде всего в русско — турецкие отношения.

Можно сказать по-другому: Фердинанд был своеобразным заложником в сложной игре между Софией и Петербургом. Он все же тогда больше был объектом, нежели субъектом в международных отношениях и только начинал вести свою игру. И попытка отнести его к лагерю русофилов или русофобов была бы некорректной, хотя для Петербурга, не признававшего князя, он был русофобом, захватившим болгарский престол.

Несмотря на негласную поддержку Вены и Стамбула, все попытки Фердинанда добиться какого-либо ощутимого продвижения в вопросе узаконения своих прав на престол великими державами терпели неудачу.

Болгария не могла обойтись без России.

В итоге во главе нового правительства встал К. Стоилов, понимавший необходимость отмены русофобского курса и недопущения грубого произвола во внутренней политике.

Долгожданная победа князя была результатом многих факторов, прежде всего осознания необходимости многими видными политическими деятелями Болгарии примирения с Петербургом,

невозможности дальше выдерживать «внешнеполитический террор» и внутренний террор русофобства.

А что же Стамболов? В чем была его роль? Чему он научил своих соотечественников? Была ли его деятельность напрасной жертвой или нет?

Судя по мемориальной табличке, укрепленной на месте покушения на Стамболова, не снимавшейся при всех властях, а также по памятнику, воздвигнутому в центре Софии, болгары чтят память своего государственного деятеля, посмевшегося побороться с Россией.

Для многих из них фигура Стамболова есть олицетворение стремления своей страны к свободе и независимости, правда, добавлю, через насилие. И любовь к свободе Болгарии «воспитывалась» зачастую «палкой». Было ли это эффективным средством? Вероятно, нет. А может быть, да?

Тем временем бывший русофоб Андрей Ляпчев становится одним из активных пропагандистов болгаро-русского сближения. По его мнению, без примирения с Россией Болгария не могла зажить нормальной жизнью страны, в которой есть конституция. Для него, как пишет видный болгарский историк В. Божинов, Россия стала представлять единственную искреннюю заступницу прав христианского населения в Турции (читай в Македонии — *В.К.*), уже потому, что «только она так гуманна (некоторые бы сказали — наивна; *В.К.*)», что за освобождение чуждых народов проливала кровь «своих избранных сыновей»¹.

Для русской дипломатии, сломившей упорство молодого императора Николая II, вознамерившегося было продолжать политику своего отца, примирение означало путь к восстановлению влияния в славянской стране, играющей отведенную ей роль в стратегических планах России.

Сам князь Фердинанд ради сохранения своей династии дал свое согласие на крещение 2 февраля 1896 г. своего первенца Бориса Клеменса Роберта Марию Пия Людвига Станислава Хавьера (1894–1943), принца Саксен-Кобург Гота по православному обряду (крестным отцом Бориса стал русский царь).

Вслед за восстановлением русско-болгарских отношений остальные великие державы поспешили признать законность Фердинанда Кобургского на престоле.

¹ *Бозинов В.* Указ. соч. С. 41.

Наступали новые времена и для Болгарии и ее князя, награжденного новым императором орденом Св. Владимира I степени. Русофобство уходило в тень. Стремясь «ублаготворить» Россию и «утешить» Болгарию, князь в одном из своих выступлений того времени заговорил об «оживляющих лучах восточной зари в противоположность мертвящему зною западного союза»¹.

Из «русофоба» он стал «русофилом». Эта перемена еще раз подчеркивает политическую составляющую этих двух феноменов — русофобства и русофильства.

«Русофильство» князя было своеобразным. Здесь можно назвать любопытный договор, заключенный им втайне от своего правительства в Вене в августе 1897 г. с Австро-Венгрией. Согласно ему, если это не фальшивка, Франц-Иосиф среди прочего обещался поддерживать в будущем «признание болгарской независимости великими державами», помочь овладеть «Адрианонопольским вилайетом до Царьграда, вместе с портом Каваллой и границей на Эгейском море и отобрать у сербов гг. Ниш, Пирот, Вранье, Лесковац»².

Думаю, что в Петербурге были бы резко против такого договора, нарушавшего хрупкий славянский мир на Балканах.

Фердинанд, как верно подметил один из современников, «пускал корни», работая над их укреплением в болгарской почве. Любое серьезное недовольство правительством, его политикой он стремился вовремя и искусно погасить, не допуская ни расшатывания страны, ни ослабления власти своего имени.

Однако не следует представлять себе, что министры были только «куклами» в руках Фердинанда. У них с князем было много общего, прежде всего в стремлении европеизации страны, в решении общегосударственной политической задачи по объединению болгар. И здесь хорошие отношения с Россией были просто необходимы.

Так, в 1899 г. один из видных политических деятелей Ст. Данев в отношениях с Россией видел «выражение государственной идеи, будучи убежден в том, что только благодаря им» Болгария «в один прекрасный день получит свои естественные границы».

¹ Цит. по: *Мартыненко А.К.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг., Киев, 1967. С. 129.

² *Бербенко К.* Балканский полуостров // Славянские известия. № 1, СПб, 1909. С. 116.

Наступление этого «дня» и решение македонского вопроса Данев связывал с политикой великих держав и выступал против засылки чет в Македонию¹.

Видимо, такая позиция премьер-министра с ориентацией на «прекрасный день» и «бесплодные» переговоры Данева с Петербургом по обеспечению «слепой» поддержки России в деле «национального объединения» вызвали неудовольствие Фердинанда.

Касаясь восприятия официальной Россией, ее дипломатами князя, а потом царя, Фердинанда, сразу следует отметить, что после 1896 г., Петербург проявлял редкостные терпеливость и доброжелательность к нему, выступая неким «главноуговаривающим» в македонском вопросе.

В декабре 1902 г. В.Н. Ламздорф в личной беседе с «его королевским высочеством», как назвал князя Николай II, и главой правительства С. Даневым предупредил их, чтобы болгары «не обостряли обстановку на Балканах, поскольку в течение ближайших нескольких лет Россия ... не сможет принять активного участия в этих событиях, а без участия России интересы Болгарии будут ущемлены». При этом высокопоставленный русский дипломат исключал любую возможность добиваться улучшения положения «народа Македонии» революционными методами².

Так, в заключенной в том же году в русско-болгарской военной конвенции говорилось только о том, что Россия обещает «всеми своими силами содействовать сохранению целостности и неприкосновенности территории Болгарии». Но там не было ни слова о сохранении династии Кобургов, ни фраз о поддержке Софии в случае вторжения Австро-Венгрии в Македонию или вследствие начала той же болгаро-турецкой войны из-за высвобождения македонских братьев³.

Но в целом русская дипломатия поддерживала болгарского монарха. Русский дипломатический представитель в Софии Г.П. Бахмеев

¹ *Бербенко К.* Политические партии в Болгарии. Прогрессивно-либеральная партия // Славянские известия. № 3, СПб, 1910. С. 222.

² *Мартыненко А.К.* Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905–1907 гг., Киев, 1974. С. 19.

³ *Мартыненко А.К.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. С. 285.

тев все время «демонстративно выказывал высокое благоволение “единственному фактору в Болгарии” князю Фердинанду»¹.

Ответ на вопрос о причинах такового довольно прост: вместе с императорами меняется и политика, но политические расчеты остаются, не забываются и мечты. Болгария была нужна России, царь которой не мог не питать надежд на водружение креста над Святой Софией. Хотя не следует забывать, что для многих в России Болгария была падчерицей, а Сербия — дочерью. (Впрочем, такого мнения держались и в Софии.)

Оглядка князя на Вену, дистанцирование Болгарии от России — предопределяло осторожность Северной Пальмиры в болгарских делах.

Фердинанду «прощалось» многое, даже провозглашение независимости, предварительное известие о которой было встречено русским дипломатическим представителем в Софии весьма неодобрительно.

Однако все русские уговоры отложить задуманное «до более удобного времени» и обещания «полного содействия России» закончились крахом². (Замечу, что история учила Фердинанда, он знал, если бы болгары следовали советам «ожидания дядо Ивана», то известное воссоединение Южной Болгарии и Северной Болгарии могло совершиться гораздо позднее и на других условиях.)

Петербург, молча «проглотивший» аннексию Боснии и Герцеговины Веной, Петербург, сделавший первый шаг в 1896 г., должен был сделать второй в 1908 г., пойдя на признание независимости Болгарии и царского титула Фердинанда.

Название Третьего Болгарского царства обязывало ко многому: прежде всего к великим делам, к воссозданию Великой Болгарии, к делу «национального объединения», к решению македонского вопроса, решавшегося оружием в Балканских войнах и за столом переговоров.

Итоги Второй балканской, или межсоюзнической войны, начатой Софией в июне 1913 г. и проигранной, были подведены

¹ *Бербенко К.Д.* Политические партии в Болгарии // Славянские известия. № 1, СПб, 1910. С. 54.

² *К. Д. Б.* Болгарское царство // Славянские известия. № 2, СПб, 1909. С. 214.

29 июля/10 августа Бухарестским договором, по которому территориальные претензии Сербии и Греции были удовлетворены за счет Болгарии, ее бывших македонских приобретений.

С.Д. Сазонов писал в своих воспоминаниях: «Бухарестский мир был только пластырем, наклепленным на незалеченные балканские язвы, которым было суждено снова вскрыться не далее как через год. Для Болгарии Бухарестский мир запечатлевал крушение честолюбивой мечты Фердинанда Кобургского о создании болгарского царства от пределов Албании и до Мраморного моря. Горечь обманутых надежд и затаенная злоба против тех, кого они считали виновниками испытанных ими разочарований, поставили судьбы болгарской политики в тесную связь с венским кабинетом, как это наглядно доказала мировая война 1914 года»¹.

Несколько по-иному на эту тему говорил П.Н. Милюков, давая показания 4 августа 1917 г. Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. В частности, он подчеркивал следующее: «... мы поддались, уступив требованиям Сербии, потворствовали соглашению Сербии с Грецией за счет болгар, затем, вследствие чувств личной обиды царя на политику Фердинанда, мы толкнули Болгарию в лагерь наших противников, затем мы науськали на нее Румынию и, наконец, привели к этому злосчастному Бухарестскому договору, оставшемуся искрой, которая всегда могла привести к общеевропейскому пожару. Я всегда это говорил, резко осуждал наше поведение при подписке договора, полную потерю нашего влияния, неумение утилизировать наши силы. Я считаю, что Бухарестский договор создал ту обстановку, которая вызвала нынешняя война»².

Для наследников хана Аспаруха виновницей такого Бухарестского исхода была также Россия. Апофеозом русофобских настроений стало стихотворение, каждая строфа которого заканчивалась проклятием на голову «братской России»³.

¹ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 120.

² Падение царского режима. Стенографический отчет допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Под ред. П.Е. Щеголева. Т. VI. М., — Л., 1926. С. 366.

³ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1351. Л. 123 об.

И хотя номер газеты «Дневник», где оно было помещено, был конфискован и правительство выразило свое сожаление Неклюдову, тем не менее, эти зарифмованные проклятия можно было считать горькими плодами нестроений в славянстве, результатом «игры на качелях», уже принесшей немало бед в русско — болгарских отношениях.

И если говорить о болгарских националистах, то их неприязнь, недоверие к России, ее политике могла бы быть сконцентрирована, как я понимаю, в следующих словах — объяснениях.

1. Я люблю Россию, но ненавижу русскую политику.

2. Я люблю Россию, но только когда она не решает свои дела за меня.

3. Я люблю Россию, но ненавижу самодержавие.

4. А за что я должен любить Россию, если после 1878 г. моя родина оказалась под двойным русско — турецким игом?

5. А за что я должен любить Россию, если она всегда была для меня мачехой?

6. А за что я должен любить Россию, если освобождение ею моей страны связано с оккупацией?

7. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию Македонии.

8. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию ее первого князя.

9. Я ненавижу Россию, потому что я всегда «меньший брат» для нее.

Сама «проза русофобства» образца 1913 г. дает достаточно примеров для такой «нелюбви». Здесь и распространение слухов в печати, что Россия высадила десант в Варне и Бургасе и претендует на часть Болгарии¹. Тут и тиражирование властью вытасченного, казалось, из небытия «мнения, что виновницей болгарских несчастий является Россия, проводившая политику превращения Болгарии в Задунайскую губернию»².

Газета «Народни права» писала: «Поведение русского правительства в болгаро-сербском споре отняло у всего болгарского

¹ Гусев Н.С. Падение престижа России в болгарском обществе: год 1913//Славянский мир профессора Матвеева. Историки-слависты МГУ. Кн. 10. М., 2013. С. 189–190.

² Там же. С. 191.

общества, в том числе у самых безоглядных русофилов, любую веру в справедливость с ее стороны по отношению к Болгарии»¹.

Можно понять настроение болгарских патриотов, но как-то забывается, что справедливость в политике никогда или почти никогда не бывает бесспорной, особенно балканской. И русофилы отнюдь не исчезали в Болгарии, несмотря на все злоключения военного времени.

В непростой ситуации, сложившейся в результате минувшей войны, для Фердинанда было два варианта дальнейшей политики: отречение от престола или продолжение борьбы за дело «национального объединения» в ходе грядущей войны.

По мнению экзарха Йосифа, он должен был покинуть престол. Убеждение экзарха в необходимости отречения Фердинанда, сеющего только зло в Болгарии, было подкреплено информацией о готовящейся царем церковной унии с Римом и о подготовке союза с Центральными державами и Турцией².

Экзарх, глубоко переживавший болгарскую драму, прямо заявил потерявшему, по его мнению, все моральные права оставаться на троне Фердинанду: «Если Вы любите Болгарию, если Вы дорожите династией, Вы должны отречься от престола». Однако Фердинанд не собирался уходить на покой. Он готовился к реваншу. Сам же экзарх умер со славой: «Болгарский престол занят иностранцем. Он покинет несчастную Болгарию после того как опозорит и погубит болгарские чаяния и идеалы... Храните Болгарию, которая находится на страшном распутье»³.

«Чаяния и идеалы» были присущи и Фердинанду и пришедшему к власти летом 1913 г. правительству «либеральной концентрации», в котором руководящая роль принадлежала авторам известного «письма от 23 июля», отправленного царю.

В этом письме, полном неприятных и резких высказываний в адрес русской политики в Болгарии, настойчиво «рекомендовалось единственно спасительная политика сближения с Австрией».

¹ Цит. по: *Гусев Н.С.* Падение престижа России в болгарском обществе: год 1913//Славянский мир профессора Матвеева. Историкислависты МГУ. Кн. 10. М., 2013. С. 196.

² Экзарх Стефан I Български. Документален сборник. София. 2003. С. 15–16.

³ Там же. С. 19–20.

Само письмо было написано «в момент, когда сам Данев, шеф болгарских русофилов, признал свою русофильскую политику “обанкротившеюся”; когда все в Болгарии винули Россию и в отказе Сербии от договора... Авторы письма лишь придали, — как подчеркивал русский корреспондент в Болгарии, — положительно австрофильскую форму этому отрицательному русофильскому настроению, и сделали они это не столько потому, что повиновались глубокому внутреннему убеждению, сколько потому, что такое выступление сулило им власть»¹.

Одно замечание: эта «власть» давала им возможность «поправить» курс болгарской политики.

Конечно, в России знали о царящих настроениях в Болгарии, равно как и признавали желательность привлечения Болгарии на свою сторону.

Так, в июле 1914 г. А.В. Неклюдов, как он писал позднее в своих воспоминаниях, подал записку на имя Сазонова о высадке мощного десанта в Варне или в Бургасе с одновременным изданием «прокламации, обращенной к местному населению и убеждающей его, что целью прихода русских войск является возвращение Адрианополя и потерянной во Второй Балканской войне территории, а также защита от турок». «Все это, — по мнению Неклюдова, — могло поставить на русскую сторону и народ, и армию, а, в конечном счете, и Фердинанда»².

Однако это предложение не прошло. Достаточно сказать, что против выступил начальник штаба Ставки М.В. Алексеев, считавший, что Россия не обладает необходимыми силами для организации десанта³.

Началась Первая мировая война. Власти в Софии делали самые успокоительные заявления о том, что «Болгария никогда и ни при каких условиях не присоединится к лагерю, воюющему против России, и не займет Македонию или Добруджу», не сговорившись предварительно с Петербургом. Однако в это трудно было пове-

¹ *Калина И.* Из Болгарии (Болгарский нейтралитет) // Вестник Европы, № 2, 1915. С. 299.

² Цит. по: *Айрапетов О.Р.* Балканы в стратегии Антанты и ее противников (1914—1918 гг.) // Новая и новейшая история, № 5, 2003. С. 204.

³ Там же.

ритель, пока в правительстве заседали лица, не раз заявлявшие о необходимости отхода от России и союза с Австро-Венгрией¹.

Можно напомнить, что в начале августа 1914 г. русское правительство запросило Софию относительно ее планов. И что же? Как писал позднее Р. Пуанкаре, «король не принял на себя никаких обязательств. Он сослался на свое правительство, с которым он, однако, обычно мало считается. В свою очередь председатель совета министров сослался на короля. Фердинанд и его соратники остаются верны себе. Их двуличие, несомненно, сулит нам сюрпризы»².

И в то же время ситуация была слишком сложной, чтобы упрекать только Софию и короля Фердинанда. Так, 1 сентября 1915 г. Россия с союзниками заявили в последний раз Софии, что они готовы гарантировать после победоносной для них войны уступку ей Сербией македонских земель, отошедших Белграду по договору 1912 г. Эта гарантия обуславливалась бы ручательством Болгарии заключить с державами Антанты военную конвенцию относительно вступления в войну с Османской империей³.

Однако эти обещания рассчитаться после войны, в которую надо вступать сейчас, не устраивали Софию, особенно на фоне побед немецкого оружия. Болгарскую позицию можно понять, если знать, что одну из главных причин своих несчастий болгарские националисты видели в «злокозненности русской дипломатии»: «Россия, — говорят они, — была арбитром между нами и сербами. Ее подпись скрепляла наш договор с ними. И, однако, что сделала она, когда сербы отказались от этого договора и предъявили нам свои ни на чем не основанные требования? Одного ее слова было бы достаточно, чтобы образумить сербов, но она не только не сказала этого слова, но, напротив, устами покойного Гартвига, как будто поощряла сербские претензии. И когда в результате этих претензий разразилась война, Россия не сделала ничего, чтобы остановить набросившихся на нас турок и молчаливым свидетелем присутствовала при нашем ограблении в Бухаресте и Царьграде. Нас карали за “непослушание”, но самая беспощадность кары доказывала, что дело было не только в непослушании. Нам мстили за

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1353. Л. 227 об, 232.

² Цит. по: *Айранетов О.Р.* Балканы в стратегии Антанты. С. 194.

³ Иностранное обозрение // Вестник Европы, № 11, 1915. С. 349.

дерзкое поползновение на независимость, за Родосто и Адрианополь, за наши мечты о “великой Болгарии”, создание которой не входило более в планы русской дипломатии. Нас приносили в жертву “великой Сербии”... Можем ли мы после этого горького опыта доверять России, когда она обещает нам какие-то неопределенные “компенсации, широко отвечающие нашим национальным aspirations?”»¹

Итак, были национал-патриоты, готовые ради успеха дела «национального объединения» пойти в «объятия» Тройственного союза. И здесь, безусловно, играло свою роль то обстоятельство, что Россия в войне поддерживала Сербию, соперницу и «обидчицу» болгар в македонском вопросе. Как писал в начале 1915 г. русский корреспондент И. Калина в «Вестнике Европы», «чаще всего и категоричнее всего болгары объясняют свой нейтралитет и свое безучастие в бушующей вокруг них борьбе своею «ненавистью» к Сербии»².

Но это эмоции. Сама политика выжидания может быть объяснена тем, что король «надеялся захватить Македонию в ходе локальной австро-сербской войны, но в сложившихся обстоятельствах хотел выяснить позицию Румынии и Греции»³.

Безусловно, политика выжидания увязывалась и с более-менее четким определением будущего победителя. Таким в 1915 г. представлялась Германия со своими союзниками: Россия терпела неудачи в Галиции и в Польше, не блистала успехами и ее «друзья по оружию».

И как итог, 24 августа 1915 г. в Софии был подписан германо-болгарский договор о денежной помощи Софии в размере 200 млн левов; в его секретной части предусматривалась передача Болгарии желанных македонских земель, а также часть пограничной сербской территории⁴.

На следующий день, благодаря стараниям Берлина, была достигнута договоренность между Стамбулом и Софией о передаче Болгарии Фракии с частью Адрианополя⁵.

В хмурых донесениях российских дипломатов из Болгарии

¹ *Калина И.* Из Болгарии // Вестник Европы, № 2. С. 295–296.

² Там же. С. 293.

³ *Айратов О.Р.* Балканы в стратегии Антанты. С. 196.

⁴ Там же. С. 197.

⁵ Там же. С. 350.

лишь изредка встречалась информация, которая могла хоть как-то скрасить тяжелое настроение.

К числу таких можно отнести сообщение А.А. Савинского о речи Александра Стамболийского на встрече руководителей оппозиционных партий с царем Фердинандом (4 сентября 1915 г.).

В ней лидер земледельцев четко и грозно заявил: «Меня лично нельзя упрекнуть в пристрастии к России, но, к сожалению, мы видим и знаем, что в народе нашем чувства благодарности к своей освободительнице бесконечно сильны и никто и ничто не может их вытравить. Вы и ваше правительство хотите вести народ к новым авантюрам, идущих вразрез с его чувствами, стремлениями и идеалами. В 1913 году Вы с вашим правительством довели страну до катастрофы, и народ хотел идти на Софию, чтобы потребовать к ответу виновных. Мы остановили его тогда... Но теперь мы вас торжественно предупреждаем, что если вы осмелитесь повести страну к новым авантюрам, то мы станем во главе народа и поведем его сюда за вашей головой! ... народ наш не хочет войны, но если в силу политических обстоятельств, он вынужден будет поднять оружие, то он охотно пойдет с Россией и никогда против нее»¹.

Такая позиция могла радовать Петербург, но Болгарией руководили другие, увидевшие в словах Стамболийского лишь красивую фразу. Князь и его окружение предпочитали дело слову. «Все болгарские злоключения в 1913 году приписывались вине исключительно России. Деятельность Фердинанда, — писал в Петроград военный агент в Софии Г.Д. Романовский, — поддерживалась Австрией и Германией, субсидировавших в широких размерах всю болгарскую прессу. В армии с разрешения Фердинанда была образована особая офицерская военная лига, поставившая себе целью якобы возрождение военной мощи Болгарии, но на деле энергично занимавшаяся антирусской пропагандой и ратовавшая за тесное сближение с Австрией и Турцией. Одной из обязанностей членов этой лиги было следить за настроением офицеров вообще и бороться с теми из них, кои оставались верными идее сближения с Россией»².

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1335. Л. 148.

² Записка бывшего военного агента в Софии Г.Д. Романовского о деятельности Фердинанда Кобурга, 1916 год. Публ. В.Б. Каширина // Вопросы истории, № 7. 2004. С. 7.

Сюда же следует добавить и то обстоятельство, что именно в Австрии хранились многомиллионные средства болгарского монарха, что значительно уменьшало шансы на вовлечение его в орбиту Антанты¹.

Более того, судя по донесению Романовского, вся семья болгарского царя не питала какого-либо чувства уважения к России. Так, описывая его вторую жену Элеонору Каролину Гаспарину Луизу (1860—1917), принцессу Ройс цу Костриц, он зло напоминал: «Не могу также не отметить крайне враждебного отношения ко всему русскому и королевы Элеоноры. Особенно ярко это выразилось во время балканской войны в ее пренебрежительном отношении к отрядам русского Красного Креста. Между тем без русской помощи, благодаря крайней бедности болгар в медицинском персонале и средствах, положение болгарских раненых было бы отчаянное. Еще хуже поступила королева Элеонора с теми значительными денежными суммами и пожертвованными вещами, кои поступали на ее имя из России. Все это выдавалось раненым якобы от ее имени. Откуда прибыли пожертвования — тщательно скрывалось. В своей слепой неприязни к России Элеонора дошла до того, что однажды на выраженное прибывшими в Болгарию русскими отрядами Красного Креста желание поскорее приступить к работе, сказала, не стесняясь присутствия русских; “Эти русские всегда и всюду суют свой нос; мало их били японцы, надо, чтобы их побили еще и китайцы”»².

Можно еще привести один довод софийских авторитетов. Так, командующий болгарскими войсками в Балканской и первой мировой войнах генерал Н. Жеков утверждал, что «Сан-Стефанская Болгария была разделена не в Берлине, а напротив, разделена в Лондоне»³.

Прогерманские настроения Софии, подогреваемые победами немецкого оружия, гонения русских подданных, отказ идти на союз с Антантой — все это, в конечном счете, вынудило российского самодержца пойти на решительный шаг. 11 сентября 1915 года в 21 час 37 минут он телеграфировал Сазонову: «С крайним прискор-

¹ Айрапетов О.Р. Балканы в стратегии Антанты. С. 210.

² Записка бывшего военного агента в Софии Г.Д. Романовского. С. 7. Примечания. С. 9.

³ Цит. по: *Kolanoviћ N.K. Zagreb-Sofia Prijateljstvo po mjeri ratnog vremena 1941–1945. Zagreb, 2003. S. 28.*

бием уполномочиваю Вас отозвать из Болгарии посланника с миссией и консульствами»¹.

В свою очередь министр предпринял последнюю попытку «образумить» Софию. Через Савинского он извещал болгарского премьера В. Радославова: «События, происходящие теперь в Болгарии, свидетельствуют об окончательном решении правительства короля Фердинанда отдать судьбу страны в руки Германии. Присутствие германских и австрийских офицеров в Военном министерстве и Штабах армии, сосредоточение войск в пограничной с Сербией области, широкая финансовая помощь, принимаемая Софийским кабинетом от наших врагов, не оставляют сомнения в том, против кого направлены нынешние военные приготовления болгарского правительства. Державы Согласия, принявшие близко к сердцу обеспечение чаяний болгарского народа, неоднократно предостерегали г. Радославова, что всякое враждебное действие против Сербии будет сочтено ими как направленное и против них самих... Представитель России... не может оставаться в стране, в которой готовится братоубийственное нападение на союзный славянский народ. Императорский посланник получил предписание покинуть Болгарию... если в 24-часовой срок болгарское правительство не порвет открыто с врагами славянства и России, и не примет мер к немедленному удалению из армии офицеров государств, воюющих с державами Согласия»².

Ультиматум не был принят. Благо Болгарии требовало возвращения отторгнутых Сербией македонских земель — «нам чужого не надо, но и своего не отдадим». Эта старинная форма с одинаковым успехом использовалась воюющими сторонами. 21 сентября 1915 г. отношения были разорваны.

6 октября Манифестом Николая II Болгарии объявлялась война.

Сам Фердинанд при отъезде нашего посланника из Софии Савинского сказал: «Даже если меня не будет в Болгарии, надо будет немало времени, чтобы построить мост через пропасть, образовавшуюся между Россией и Болгарией»³.

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3781. Л. 7.

² Там же. Л. 15.

³ Записка бывшего военного агента в Софии Г.Д. Романовского. С. 7.

На Балканах болгарские и сербские мужики, одетые в солдатские шинели, в очередной раз были брошены в патриотическую мясорубку войны, где успех сопутствовал наследникам царя Самуила. В газете «Мир» в декабре 1915 г. можно было прочесть такие строки: «Болгарский народ теперь сражается не за какой-нибудь далекий идеал; он не ищет завоеваний в чужих землях. Если он начал войну, то лишь затем, чтобы осуществить свое единство, собрать в границах одного государства всех сынов одной крови, одного племени, одной веры. В Заечаре и в Пироте, в Нише и в Лешковце (правильно — Лесковац. — В.К.), в Скопле (совр. Скопье.— В.К.) и в Куманове, в Велесе и в Прилепе, в Битоле и в Охриде, во всех этих только что освобожденных местностях бьется болгарское сердце, живут сыны болгарского народа»¹.

Эйфория побед настолько охватила Софию, что было решено переименовать храм-памятник св. Александра Невского (воздвигнут на средства болгарского народа в память царя-освободителя Александра II и всех сложивших свои головы на поле брани русских солдат за освобождение Болгарии) в собор свв. Кирилла и Мефодия. В то же время говорить о каком-то «девятом вале» русофобства нельзя. Так, 17-й пехотный полк Доростольский Его Императорского Величества Великого князя Владимира Александровича и 3 конный полк Ее Императорского Величества Великой княгини Марии Павловны (жены младшего брата императора, находившейся в близких отношениях с матерью князя Клементиной) продолжали сохранять свои наименования. Болгарская пресса, резко нападая на царское правительство, высказывала «наилучшие чувства» русскому народу.

Народ — это святыня. Его нельзя трогать, он никогда и ни в чем не бывает виноват?

Лейтмотив многочисленных выступлений и заявлений был таков: «Болгария не желает воевать ни с кем... ни даже с Сербией, а только берет у Сербии то, что принадлежит болгарам по праву»².

Но право на компенсацию — именно это слово было в ходу у России и ее союзников — не отрицалось ими. В августе 1916 г. на-

¹ Цит. по: *Соболевский А.И.* Славянство перед лицом войны // Славянские известия. № 2, СПб, 1916. С. 26.

² АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3779. Л. 68—79.

чальник штаба Главковерха генерал М.В. Алексеев склонялся к тому, чтобы начать переговорный процесс с Болгарией и заключить с нею — втайне от Сербии и Греции — соглашение. В нем предусматривались такие пункты, как передача Болгарии Македонии до р. Вардар, а также Каваллы и, возможно, Салоник в обмен на детрониацию царя Фердинанда, отставку правительства, разрыв с Центральными державами. Однако против такого плана выступала Франция, где считали, что переговоры могут быть начаты только по инициативе Софии и не ранее нанесения Болгарии мощного удара¹.

В том же 1916 г. о судьбе послевоенной Болгарии писал интересные строки Г.Д. Романовский, подчеркивавший, что «первой и важнейшей задачей нашей дипломатии должно явиться удаление из страны Фердинанда... наиболее отвечающим нашим интересам было бы учреждение там республики. При политиканстве болгар, весь избыток сил этого живучего по природе народа направится на внутреннюю политику, и внешняя политика отойдет на второй план. В заключение приемлю на себя смелость высказать свое мнение на тот случай, если в Болгарии произойдет в ближайшем будущем переворот и страна, свергнув Фердинанда, перейдет на нашу сторону. Насколько мне известно, до предательского выступления Болгарии, наша дипломатия, стремясь привлечь ее на нашу сторону, обещала ей приращения в Восточной Фракии. Мне представляется, что теперь это едва ли отвечает нашим интересам. С переходом Царьграда в наши руки нам необходимо иметь для обеспечения его со стороны балканских государств достаточно широкую защитную зону. С этой стороны желательно задержать за нами всю теперешнюю Турецкую Фракию вместе с Адрианополем. Помимо стратегической выгоды, занятие Фракии поможет нам придать Царьграду, населенному главным образом греками, евреями и турками, хоть немного русский характер... Колонизация же Фракии русскими оживит Царьград, а связь его с Империей станет теснее»².

А что же общественное мнение России? С чем оно выступало в те годы? Известный А.И. Веселовский говорил: «Мы, русские... будучи просто славянофилами, имеем одно искреннее желание, чтобы славяне, все без исключения, нашли себе политическое счастье и приблизились сколько можно к своему политическому идеалу.

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3779. Л. 31.

² Записка бывшего военного агента в Софии Г.Д. Романовского. С. 7–8.

Нам безразлично, как устроятся у себя свободные славянские народы... нам желательно видеть всех славян, живущих в мире между собою и блюдущими интересы славянства. Русский царь не ищет новых подданных, а русский народ не нуждается в новых землях. Мы можем взять себе только почти родной нам Царьград и то лишь затем, чтобы никто не мог запирать перед нами созданные Богом ворота в свободное море. Но, будучи старшими братьями в славянской семье, мы, русские, требуем, чтобы остальные славяне имели нас, говоря по-старому, в отца место, и держали русское имя честно и грозно»¹.

Но прекраснодушие плохо уживалось с кровью. 5 сентября 1916 г. в районе Татар Пазарджика «произошло первое столкновение русских войск и частей 3-й болгарской армии. Шедшая в атаку казачья конница, отмечал видный отечественный исследователь Г.Д. Шкундин, была расстреляна в упор орудийным и картечным огнем. На следующий день после ожесточенного штыкового боя болгары заставили отступить воинов 61-й российской пехотной дивизии»².

После этого, как писал болгарский коллега академик Г. Марков в статье «Голямата война и Българската стража между Средна Европа и Ориента 1916–1919 г. (София, 2006), «командующий 3-й болгарской армией, генерал-лейтенант Стефан Тошев — русский воспитанник, подозреваемый (как выяснилось, необоснованно) в русофильстве — с явным облегчением и не без гордости заметил: “В этот день раз и навсегда была погребена легенда о том, что болгарские войска не будут биться против своих русских освободителей”»³.

История, как пишет далее Г.Д. Шкундин, сохранила множество сюжетов о храбрости и русских и болгар, о хорошем отношении к пленным русским солдатам, о предреволюционных «штыках в землю» и добровольном переходе болгар к русским и наоборот.

¹ *Соболевский А.И.* Славянство перед лицом войны. С. 27.

² *Шкундин Г.Д.* Морально-психологические аспекты русско-болгарского вооруженного противостояния в Добрудже // Първата световна война и събитията на Добруджанския фронт. Тутракан, 2011. С. 73.

³ Цит. по: там же.

Можно ли здесь говорить о русофобстве? Тяжелый вопрос. Можно ответить, что оно не относится к болгарскому солдату, а только к политикам, «устроившим» братоубийственную войну, или что болгары воевали за «свое».

Здесь лучше всего привести еще одно стихотворение Ивана Вазова «К русским воинам» от 7 сентября 1916 г. с подзаголовком «Написано при первом появлении русских в Добрудже как союзников румын» (Мир. XXV. № 5005. 11. XI. 1916).

О, руси, о, братя славянски,
защо сте вий тука? Защо сте
дошле на полята балкански
немили, неканени гости?

Желали би вас възхитени
да срещнем со сълзи и с китки...
Но идете вий настървени,
на грозни зовете ни битки!

Желали би вас да прегърнем
и тоз път сърдечно, горещо.
Но взорът ви свети зловещо...
Как ръце сега да разгърнем?
...

Вий някога знаме Христово
развахте за благо човешко -
строшихте ни игото тежко,
а днеска ни носите ново!

И пак не ви мразим (не крия:
обича ви още народа);
но любим и свойта свобода,
стократно по любим я ния.

За тоз кумир ния се бием
и с чужд, и със близък упорно
и няма ний врат да превием
пред никакво иго позорно!

О, колко ви, братя, желая!
О, как би желал, братя кмети,
свобода и вам, и за нея,
кат нас да живеите и мрете!

О, русские, братья славянские,
зачем вы здесь?
Почему пришли на поля балканские
немилыми, незванными гостями?

Желали бы вас восхищенными
встретить со слезами и с цветами...
Но вы идете к нам ожесточенными,
На грозные зовете нас сражения!

Желали бы вас обнять
и в этот раз сердечно, горячо.
Но взор ваш не сулит добра...
Как объятья тогда нам распахнуть?
...

Вы некогда знамя Христа
развернули за благо человека –
сбросили с нас тяжкое иго,
А сейчас нам носите новое!

И все же не ненавижим вас (не скрывая,
любовь жива еще у нашего народа);
но любим и свою свободу,
ее мы любим больше в сотню раз.

За этот кумир мы бьемся
с чужими и с близкими упорно
и не склоним мы покорно шеи
перед любым позорным игом!

О, как я вам, братья, желаю!
О, как бы желал Вам, угнетенным
братьям,
свободы вам и для нее,
как у нас и жить и умирать!

Здесь поэт, не теряя любви к своим русским братьям, заявляет о себе, прежде всего, как о болгарине.

И немного прозы. Как пишет профессор Михаил Константинов, болгарский генерал Иван Колев перед битвой с русскими войсками произнес свои знаменитые слова: «Кавалеристы! Бог мне свидетель, что я признателен России за наше освобождение. Но что ищут сейчас казаки в нашей Добрудже? Будем биться и прогоним, как любого врага, который препятствует объединению Болгарии!» Бились и победили. Сам генерал по вполне объяснимым, читай политическим, причинам был «забыт» болгарской историей¹.

После февраля 1917 г. в планах дипломатии Временного правительства появлялись новые варианты, связанные с появлением в Швейцарии некоего болгарского комитета, замышлявшего переворот в Болгарии. Его руководители — архимандрит Стефан (будущий болгарский экзарх) и г-н Цоков — согласие на переход к Антанте ставили в зависимость от передачи всей болгарской Македонии «в ее этнографических границах»².

Разрозненность депеш, отрывочность информации, напечатанной на скверной, чуть ли не оберточной, бумаге разных цветов и в не менее скверной обстановке разваленной и преданной империи не позволяют представить целостную картину судьбы Болгарии и ее монарха. Последние разведанные на сентябрь 1917 г. позволяют узнать следующее. Болгары собирались потребовать: Фракию с Родосто, автономию Македонии с Салониками и «Большую Добруджу». Не исключалась возможность сохранения династии Кобургов и даже сохранения короля Фердинанда. Сама форма организации переворота представлялась заговорщикам весьма туманной: и идея революции и разрыв монарха с Германией, и создание заграничного революционного правительства, к которому, по видимому, должна была перейти власть после удара союзнических войск на заранее подготовленном для прорыва участке³. Однако революции в противоборствующих странах смешали карты.

Король Фердинанд отрекся от престола 3 октября 1918 г. в пользу своего сына Бориса, князя Тырновского. Сам он умер в Бава-

¹ <http://www.investor.bg/forum/archive/index.php>

² АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 3806. Л. 98, 106.

³ Там же. Д. 3794. Л. 9.

рии в родовом замке Кобургов. Время его царствования пришлось на трудное время решения проблемы «национального объединения», волновавшей болгарское общество, не забывавшее свою величественную историю, помнившее Сан-Стефанскую Болгарию. Он оказался в числе побежденных, виновников поражения, даже катастрофы. Однако ему удалось, может быть, главное — оставить на троне своего сына. И прошлое забылось гораздо быстрее, чем пытался пророчествовать Фердинанд. А с уничтожением самодержавия в России русофильство и русофобство утрачивали, казалось бы, свое политическое содержание. Но время показало и показывает, что они имеют право на существование, пока живет великая Россия.

Замечу только; с уничтожением самодержавия русофобство «сжеживается» — нет больше русской угрозы, да и сама Болгария после поражения в первой мировой войне стала занята другими делами.

Хотя мелькнуло одно русофильское «дело», которое могло бы вернуть Болгарию в случае успеха в «русский лагерь». В марте 1919 г., болгарское правительство сообщало А.И. Деникину о своем решении об отправке в Россию 60 000-го корпуса для борьбы с Красной армией и отправке оружия¹. Здесь большую активность проявлял А. Бендерев, участник детронации князя Александра I Баттенберга в 1886 г. Перебравшись позднее в Россию, он дослужился до звания генерала, командовал дивизией в годы Первой мировой войны. После революций 1917 г. приехал в Болгарию, где зарекомендовал себя последовательным сторонником союза с Россией через оказание военной помощи деникинской армии, представителем которой он стал в Болгарии. Но, по принятому вскоре Нейскому договору (27 ноября 1919 г.), Болгария этого не могла сделать. И хотя Бендерев прилагал все условия для того, чтобы добиться от Антанты согласия на посылку двух дивизий против большевиков, но желаемого достичь не удалось². Кроме амуниции (винтовок и патронов), разумеется. На 11 декабря из Варны было отправлено около 50 тысяч винтовок и 33 миллиона патронов деникинской армии³.

¹ *Игов Н.* Ратник в бой и с перо // Генерал Бендерев А. Спомени Писма. Б. м. 1999. С. 15.

² Там же. С. 15–16.

³ Там же. С. 15.

Однако все было тщетно.

Сам «русский вопрос» в его двух обличьях все больше превращался в «русский фактор».

Скажу коротко: были случаи гонений, о которых говорит А. Бендерев в письме от 8 мая 1920 г. к И. Сарафову¹. Здесь можно напомнить и врангелевский заговор (1922 г.): тогда болгарские демократы установили контакт с врангелевцами, намереваясь привлечь их к борьбе с «земледельцами» (БЗНС) и коммунистами. Когда же заговор провалился, то именно А. Ляпчев выступил в защиту русских эмигрантов, заявив, что за свою политику репрессий против врангелевцев Ал. Стамболийский будет нести ответственность перед болгарским обществом². Однако решало не «общество», а политики: в 1923 г. лидер БЗНС, пробовавший наладить контакты с советской Россией, был зверски убит.

Если говорит о последующей истории Болгарии и русском вопросе/факторе, то надо сказать здесь о царе Борисе III.

Монтень как-то заметил, что самая трудная профессия — быть царем, причем достойным. Пожалуй, здесь можно оспорить эту мысль, утверждая, что «хороших царей» не бывает. Но дело не в споре, а в самой сути мысли француза. Как говорил сам Борис, он «воцарился, когда пушки революции гремели перед Софией», и он знал, что такое «иметь недовольный народ»³. В наследство ему достались разоренная войнами страна, ненависть к своему отцу как одному из виновников национальной катастрофы, иллюзорность самой царской власти. Недаром бывший тюремный сиделец С. Стамболийский, а тогда фактический властитель Болгарии, звал Бориса просто «царчик».

И еще. Вступить на болгарский престол нужна была храбрость, равно как и отстаивать потом интересы своей страны в годы Второй мировой войны. Достаточно назвать защиту своих евреев.

Теперь немного из истории брака. Свою невесту, принцессу Джованну (ставшей известной в Болгарии под именем царицы Йоханны), царь Борис нашел в Италии. В 1930 г. тридцатилетний болгарский монарх совершил двойной (православный и като-

¹ Игов Н. Ратник в бой и с перо//Генерал Бендерев А. Спомени Писма. Б. м. 1999. С. 183.

² *Божинев В.* Земното кълбо не престава да се върти. С. 117–118.

³ Цит. по: *Леверсон А.* Цар Борис III. Щрихи към портрета. София. 1995. С. 26.

лический) обряд венчания с дочерью итальянского короля Виктора-Эммануила.

Любил ли он кого ранее, неизвестно. Есть сведения, что царь питал чувства к русской княжне Кире Кирилловне Романовой (1909–1967), живущей в Германии¹. Однако помолвка не состоялась. Можно лишь предположить, что брак не состоялся по «политическим причинам». Болгарии нужно было упрочение своего положения через царственный брак, и княжна, утратившая империю, не была нужна Софии.

И только Италия оказалась «счастливой» для болгарского царя и его державы, установившей династические связи со страной-победительницей в Первой мировой войне, позднее, союзницей во время второй мировой войны.

Кстати, когда свадебный кортеж подъезжал к кафедральному собору св. Александра Невского, то царя и его невесту принцессу Йоанну встречали колокольным звоном на мотив русской песни «Ах вы сени, мои сени». За свою выдумку русский звонарь был награжден орденом свв. Кирилла и Мефодия². Тоже свидетельство отношения Бориса III к русской культуре.

И немного «политики»: царь не хотел возвращать страну на старый путь болгаро-русского союзничества, даже если бы за это высказался и парламент³.

Причины этой позиции крылись в убежденности царя, что Россия, например, в свое время «играла» на стороне Сербии в македонском вопросе, не дала утвердиться в южной Добрудже⁴. Да и Россия стала большевистской.

В то же время Борис III не хотел разрывать дипломатические отношения с СССР, по крайней мере, до окончательного поражения русских под Сталинградом и на Кавказе⁵.

Был царь Борис «русофилом» или «русофобом», сложно сказать. Он мог иметь свои претензии к Петербургу, к императору Николаю II, но не к народу, к культуре России. Но и здесь встре-

¹ *Божинов В.* Земното кълбо не престава да се върти. С. 181.

² *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие (история глазами очевидца) Династия Тининых и иже с ними Воспоминания. Волгоград, 2001. С. 88.

³ *Kolanović N.K.* Zagreb-Sofia Prijateljstvo po mjeri ratnog vremena. S. 19.

⁴ *Ibid.* S. 40.

⁵ *Ibid.* S. 20.

чались свои сложности. Один пример, в 1941 г. в столичном Народном театре отмечалась столетняя годовщина со дня гибели Михаила Лермонтова. В зале присутствовали царь, его двор, министры, писатели, ученые. В программе была и декламация стихотворений поэта великой актрисой Мартой Поповой. Восторженная публика бисировала! Захваченная общим воодушевлением, актриса прочла не заявленное в программе стихотворение «На смерть поэта». Слова о «страшном суде» заставили замереть зал. Реакция последовала незамедлительно: актриса была арестована на следующий день и интернирована в провинцию¹.

Добавлю, что, судя по воспоминаниям И. Тинина, что царь Борис знал, видимо, многих софийских русских².

Здесь надо заметить, что Россия была связана в болгарской памяти не только с ее позицией в македонском вопросе, но и с русским Сан-Стефанским договором, обеспечивавшим создание Великой Болгарии. Причем, не только в памяти, но и в политической мысли интереснейшего Союза «Болгарская народная защита», действовавшего в начале 1920-х гг. Эта крайне правая организация, возглавляемая генералом Иваном Шкойновым, пользовалась немалым влиянием среди националистов, защитников целостности болгарского народа, разделенного Нейским договором. Поэтому прямыми виновниками в «Болгарской народной защите», подчеркивается исследователем этой проблематики В. Божиновым, считали болгарских делегатов, подписавших договор и преклонивших колени перед победителями³.

Не обладая политической властью, Союз основной упор делал на контрпропаганде, т. е. на противопоставлении «европейского диктата» Сан-Стефанской Болгарии. Сам этот исторический договор, подписанный в пригороде Царьграда, отвечавший болгарским чаяниям, воспринимался с благодарностью к «большому славянскому народу и Великому императору»⁴.

¹ См. *Колевски В.* В часа на синята мъгла. София, 1994. С. 94–95.

² *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 86.

³ *Божинев В.* Съюзът «Българска родна защита» в светлината на националния въпрос // Военноисторически сборник № 4, 2011. С. 130–131.

⁴ Цит. по: Там же. С. 131.

Соответственно, как пишет В. Божинов, границы Сан-Стефанской Болгарии превращались в национальную программу Союза. Отсюда шли и «поучения» царю о необходимости защиты «болгарщины» в Македонии и Фракии». Иными словами, идеологи Союза выступали за реванш, пересмотр границ¹.

Поэтому Россия, ее Сан-Стефано, навечно вошли в историю Болгарии, в ее будущее, в мечты и планы. Царская Россия в 1917 г. была сожжена в революционном угаре и в пожарах гражданской войны. Многие из ее «белых детей» нашли убежище в «русофильской» Болгарии царя Бориса.

Профессор В. Ренненкампф так вспоминал то время. «В Татьянин день, 12 января (25 января по новому стилю), праздник Московского университета, который по традиции объединяет всех учившихся в России болгар... я был приглашен живущими в Софии болгарам, бывшими воспитанниками русской науки, на товарищеский ужин. Вечером того дня я чувствовал себя очень уставшим и едва плелся от расположенного на краю города Военного училища по мокрым и грязным софийским улицам... на душе было отвратительно. Уставшее тело нуждалось в отдыхе. Но после того как я вошел в блестящий огнями зал ресторана, где был заказан ужин, меня охватило праздничное настроение, излучаемое собравшимися. Состояние души резко переменялось, усталость прошла. С разных сторон ко мне начали подходить знакомые и даже незнакомые, забытые мною лица. Эти последние, как оказалось, были когда-то моими слушателями в Новороссийском университете. Уже посевшие, они сейчас занимали более или менее видное положение в Софии или в провинции. С добрым чувством они вспоминали прошедшее, что меня особенно радовало. Точно так же здесь я встретил отца двух болгарок, недавних моих учениц, которые вскоре после этого посетили нас в общежитии. Мне предложили занять заранее отведенное место, рядом с другим русским профессором, напротив С.С. Бобчева. В небольшом зале было многолюдно, тесно и шумно... На этом памятном вечере собрались множество болгарских интеллигентов, охваченных одинаковыми чувствами, мыслями, верованиями, надеждами, хотя и различались между собой и возрастом, общественным положением, званием, профессией. Тут были болгарский архимандрит Стефан

¹ *Божинев В.* Съюзът «Българска родна защита». С. 131–132.

(русский воспитанник) [будущий Экзарх Болгарской Православной Церкви — В.К.], бывший болгарский премьер-министр г. Т. Тодоров, представители профессуры и адвокатуры, военные, инженеры, политические и общественные деятели, литераторы, поэты и художники. Все слились в одном порыве — славянство, в одной мысли — Россия, с ее наукой и просвещением, университетами и академиями, с ее оригинальной и глубокой художественной литературой, с ее мистическим стремлением к высшим идеалам человеческого духа, с ее широкими полями, звонкой песней, со звучной гармонией ее стихотворения, с ее кровавым и грозным настоящим, с ее будущим возрождением и с ее будущей мощью — силой всего славянства... Кроме болгар говорили и русские гости, выражая признательность приютившей их стране, и непоколебимо веря в возрождение России и ее тесные связи с Болгарией на благо всему славянству... Поздно ночью я покинул праздник, уставший телесно, но полный радости...»¹

Однако следует помнить, что не для всех новая земля стала «матерью». «Признательная Болгария», как было написано на пьедестале софийского памятника Александру II, больше ценила не «русскую национальность», а талант, профессионализм.

И здесь чрезвычайно трудно говорить о русофильстве и русофобстве, уже потому, что прежней России не стало, вины в том, что произошло в Нейи, тоже не было. Строилась новая Россия уже в коммунистическом обличье, неприемлемом для Бориса III. Оставалась только память, прежде всего о роли России в Освобождении Болгарии. Однако «русофильской памяти» было недостаточно для того, чтобы устроить всех русских (от десяти до тридцати тысяч). Не для всех находилась «чистая работа». Были и шахты, и опасный труд по разминированию, труд в строительстве...

Успешно, в целом, встраивались в новую жизнь врачи, педагоги, люди искусства...

Многие из них внесли громадный вклад в развитие, в культуру Болгарии. Хотя были и трудности. Так, если затронуть тему бол-

¹ *Ренненкамф Вл.* Моята първата среща със С.С. Бобчев и моите първи впечатления във София // Юбилеен сборник издаден по инициативата на юридическия факултет при Софийския университет във чест на С.С. Бобчев по случай петдесетгодишната му научна, публицистична и обществена дейност. София, 1921 С. 11.

гарского национализма в искусстве, то ее можно проиллюстрировать на примере художника Н.Б. Глинского. С одной стороны, он получал регулярные заказы из королевского дворца, на протяжении долгих лет успешно работал в столичном Народном театре с болгарскими коллегами, прежде всего с Христо Поповым, получал хорошие отзывы у театрального критика Л.М. Шишмановой. Но, с другой, случались и неприятные «курьезы». В частности, в 1939 г. работы Глинского были вне конкуренции на конкурсе плакатов об открытии художественно-ремесленной выставки Союза дружеств болгарских художников. Однако когда обнаружилось, что предстоящий победитель — «руснак Глинский», возникло замешательство, вызванное тем, что для болгарской выставки выбраны плакаты русского. В итоге, конкурс вообще отменили!¹

В «русофильскую память» болгар вошло имя и русского художника Вадима Лазаркевича. Сказки с его иллюстрациями переиздаются, быстро расходятся и в XXI веке, как например «Мыльные пузыри» (текст Светослава Минкова). Чтобы представить его объем работы, скажу, что он проиллюстрировал 36 детских периодических изданий и свыше 200 книг, в основном болгарских авторов. Его талант не был «подобен флюсу», Вадим Лазаркевич мог делать все — от иллюстрации изданного в 1930-х гг. учебника Хр. Спасовски и Т. Близнакова по религиозному обучению и воспитанию до обложки книги Любена Антонова «Лик Македонии», изданной в 1943 г.

Вадим Лазаркевич иллюстрировал рассказы Ивана Вазова, Льва Толстого, Джека Лондона. Оставил свой след в болгарском эротическом изобразительном искусстве².

Можно здесь и вспомнить и грустную историю с Дедом Морозом. Вадим Лазаркевич был автором последней серии открыток с болгарским «Дядо Коледа». После 1944 г. новые власти уничтожили ее почти полностью как наследие буржуазного прошлого. Его место на открытках занял советский Дед Мороз³.

¹ *Глинский Н.* Моя жизнь — весь XX век. // Волга, 1997, № 5/6. С. 194.

² *Ангелов В.* Българско еротично изкуство (http://www.knigibg.com/book_inside.php?book_id=3615)

³ *Минеева А., Игнатова Г.* Дядо Коледа е патриарх, ходи на кокили // Янтра днес — областен всекидневник (<http://www.dnesbg.com/showNews.php?id=3136>)

Сейчас детские руки опять перелистывают страницы сказок, украшенных волшебными рисунками руснака Лазаркевича.

Пожалуй, самым известным русским в болгарском театральном мире слыл Николай Осипович Массалитинов, ставший с 1925 г. главным режиссером Софийского Народного театра. Причем перед министерством просвещения он первым условием своей работы поставил открытие драматической школы при театре, которую должны были посещать все молодые артисты и учащаяся молодежь театра¹.

В итоге, вместе с женой Екатериной Краснопольской и театральным критиком Петром Ярцевым он за небольшое время создал необходимую школу, в которой воспитал новое театральное поколение — П. Герганова, Г. Стаматова, В. Трендафилова, М. Попову, З. Йорданову, К. Кисимова и др. Более того, его школу, где Массалитинов вместе с женой вели занятия по актерскому мастерству и ставили «этюды» по системе Станиславского, посещали и другие актеры, как например, известнейший Кр. Сарафов, участвовавший в «этюдах» наравне с молодежью².

Его первый спектакль «Двенадцатая ночь» (12 января 1926 г.) был примером единства «молодых» и «старых», но исключительно талантливых Кр. Сарафова, И. Димова, С. Бычварова, Т. Танеева и др. Он заорожил болгарских зрителей и вызвал невероятный «бум» в театральной критике (17 отзывов). Это было новым словом в болгарском театре. Критики определили его как «торжество», как «награду за неугасшую веру в театральную магию».

За 20 лет — с 1926 по 1946 г. — Массалитинов представил на болгарской сцене не только пьесы «иностранцев» — Шекспира, Ибсена, Гольдони, Метерлинка, Пиранделло, Островского, Грибоедова, Чехова, Горького, но и болгарских авторов, например, Р. Стоянова, Й. Йовкова, Ст. Л. Костова и др.³

Ася Дертлиева, известная болгарская исследовательница жизни и творчества Николая Масалитинова в одной из своих студий приводит мнение Николая Лилиева о том, что нет такого театра в

¹ *Дертлиева А.Н.О.* Масалитинов (1880–1961): “Бих искал да работя и да творя докато дишам” // Родина. 1997. Кн. III — IV. София. С. 193.

² *Дертлиева А.Н.О.* Масалитинов (1880–1961). С. 193.

³ *Каназирска М.* Вклад русской эмиграции в духовную жизнь в Болгарии // Бялата емиграция в България. София, 2001. С. 210, 211.

Болгарии, где не побывал бы Массалитинов как исполнитель или режиссер, равно как и нет ни одного молодого актера, не прошедшего театральные курсы в Варне или Софии, руководимые им или при его непосредственном участии¹.

Всего Массалитинов поставил свыше 130 пьес, из которых 36 болгарских. Приведу только две истории, связанные с национальными постановками. Итак, первая болгарская пьеса, поставленная Массалитиновым, была «Майстори» Рачо Стоянова (премьера 10 сентября 1927 г.), «открытая» Ярцевым среди «забракованных» болгарских пьес. И не было потом ни одного театра в Болгарии, где бы ни шло эта талантливейшее произведение. Правда, когда Николай Осипович попросил автора убрать длиноты в его второй пьесе «Ратай», тот попросту сжег свое произведение, чего потом не мог простить себе Массалитинов, ставившей эту пьесу гораздо выше других, идущих на сцене Народного театра, хотя и считавшим, что она уступает «Майсторам». Вторая история связана с постановкой всеизвестного «Големанова» Ст. Л. Костова. Как рассказывал сам Массалитинов, министр народного просвещения Найденов пытался запретить репетировать эту пьесу, в которой смеются над министрами. И только угроза Николаю Осиповичу немедленно подать в отставку, возымела свое действие. Премьера спектакля, в которой главную роль сыграл блестяще Кр. Сарафов, состоялась 3 января 1928 г. и до конца сезона выдержала свыше 50 показов, чего не случалось ни с одной пьесой².

Что еще? Характер? Как мне рассказывала Таня Массалитинова, отец был вспыльчивым человеком, но быстро отходил. Отношения в театре? Помогал всем, кто обращался к нему за помощью. Великолепно «разбирал» роли. Только одна зарисовка. В 1947 г. новым главрежем стал Боян Дановский. По словам Тани, он, «как режиссер, отличался умозрительностью и не все актеры могли его понять». И сам Кр. Сарафов, звезда болгарского театра, приходил к Николаю Осиповичу, чтобы «прогнать» свою роль (он играл Достигаева). В итоге актер сыграл блестяще³.

¹ Дертлиева А.Н.О. Массалитинов (1880–1961). С. 196.

² Там же. С. 197.

³ Запись беседы автора с Таней Массалитиновой 1 ноября 2009 г. (Архив автора.)

Самому Массалитинову его болгарские коллеги и друзья неоднократно предлагали самому появиться на сцене, например, в «Дяде Ване», роль которого он блестяще играл еще на русской сцене. И вообще, не «тоскует» ли он по сцене? Ответ был скор и остроумен: «Чувствую себя как человек, который любит поесть, но принужден блюсти вегетарианский режим»¹. Но все же тоска по сцене пересилила «вегетарианство». В 1928 г. Массалитинов с женой играли в пьесе Ибсена «Мастер Сольнес», шедшей на русском языке. В ней Массалитинов, по отзывам критики, блестяще сыграл заглавную роль. В 1930-х гг. мастер стал играть и на болгарском языке, например, в 1934 г., в спектакле «Правдата е хубава, но щастието — по хубаво» («Правда — хорошо, а счастье лучше») ². Другой формой самовыражения для Массалитинова была декламация, чтение произведений русских и болгарских поэтов и писателей, а после 1944 г. — и советских.

Из тех времен о Николае Осиповиче сохранилась забавная зарисовка: он «страшно не любил поэзию Маяковского, но его стихи были обязательными для репертуара артиста. Однажды он читал стихотворение «Советский паспорт» и вдохновенно произносил такие строки: «Я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза. Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза!» Прочитал он стихотворение великолепно, но когда зашел за кулисы, то, вытирая пот со лба, сказал:

— Никогда такого дерьма еще не читал.

Может быть, другому за такие слова и влетело бы, но Николай Осипович был настолько знаменит в Болгарии, что ему прощалось все. За свое творчество он получил Димитровскую премию. Его именем был назван театр в Пловдиве»³. В самом театральном цехе его любовно называли «дедушкой»⁴. Правда, не все было так гладко в его отношениях с новой властью, с театром. Некоторые смотрели косо: эмигрант! Так, после его ухода с поста главного режиссера у него отобрали роскошный кабинет в театре, в котором «воцарился» новый главреж. Массалитинову же предоставили каморку около туалета. Но все же ошибка ли, глупость ли, «революционная ли мера» была исправлена комму-

¹ Цит. по: *Дертлиева А.Н.О. Массалитинов (1880–1961)*. С. 198.

² Цит. по: там же. С. 199.

³ *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 200–201.

⁴ Запись беседы автора с Таней Массалитиновой.

нистом Вылко Червенковым, занимавшим пост председателя Комитета по культуре Болгарии. Во время одного из своих регулярных «обходов» театров он посетил Народный театр. Его провели по театру, показали кабинет директора, главного режиссера. После этого парадного обхода Червенков заинтересовался, где же кабинет Николая Осиповича Массалитинова. Пришлось показать ту конуру, куда втиснули «славу болгарского театра». Был большой разнос. В итоге Массалитинову вернули его привычный кабинет. Более того, Червенков предоставил ему хорошую квартиру, делал все, как говорила мне Таня, для отца¹. В 1948 г. ему было присвоено звание народного артиста Народной Республики Болгарии. Сам Массалитинов продолжал трудиться: ставить пьесы, читать лекции по актерскому мастерству. И сейчас, в XXI в., его имя сохранила благодарная память болгар.

И все же я не хотел бы завершить здесь сюжеты, связанные с четой Массалитиновых. Остается еще дочь — Татьяна Николаевна Массалитинова, по-болгарски, — просто Таня Массалитинова (02.09.1921), продолжившая семейную традицию актерского ремесла. В 1945 г. после двухлетнего обучения Таня выдержала конкурс: ее приняли в Народный театр. В 1946 г. она сыграла трудную роль Людмилы в спектакле «Васса Железнова» и получила хорошую критику. Казалось бы, отец должен был быть доволен. Но Николай Осипович поверил окончательно в талант дочери только тогда, когда Таня сыграла роль Ирины в «Трех сестрах»².

Из череды ролей Таня назвала мне несколько этапных. В 1950-х гг., примерно в лет 35, она сыграла Ксению Михайловну в драме Б.С. Ромашова «Огненный мост». В 1960-х гг. поставила и сыграла на сцене модного софийского театра «199» моноспектакль «Воспоминания Эдит Пиаф», имевшего огромный успех. Последняя роль, которую исполняла Таня в этом театре, была в 1991 г. в спектакле «Самая древняя профессия», где она играла мадам Мэй, хозяйку уличных проституток. В начале XXI века Таня стала играть в малом городском театре. В нем она и завершила свою сценическую деятельность, сыграв 7 июня 2005 г. роль старой актрисы, ставшей гардеробщицей, в спектакле «Солнечная погода с громом» Р.Г. Арм-

¹ Запись беседы автора с Таней Массалитиновой.

² Там же.

стронга¹. Если говорить о признании, то Таня, как и отец, народная артистка Болгарии, знаменитая и любимая.

Были русские голоса, русские дирижеры, русские художники и — само собой — русские оперы, органически вошедшие в репертуар софийской оперы. Начиналось с «Демона», «Евгения Онегина», «Пиковой дамы», «Жизни за царя», в 1920-е гг. оперная афиша включала уже «Князя Игоря», «Царскую невесту», «Майскую ночь», «Снегурочку», «Бориса Годунова», а в следующее десятилетие на сцене можно было услышать и увидеть «Хованщину», «Сорочинскую ярмарку», «Сказку о царе Салтане», «Садко», «Мазепу», «Русалку», т. е. как замечает болгарская исследовательница Р. Бикс, весь русский классический репертуар. И следует согласиться с ее предположением, что отличная постановка всех шести основных опер Римского-Корсакова объясняется стараниями русских дирижеров, особенно Златина, в русских солистах, для которых он был «самый родной, самый дорогой, самый русский среди русских композиторов ушедшего века»².

Автор прекрасной книги о болгарской опере в Софии Р. Бикс, говоря об «иностранцах» в болгарском оперном театре, о сложности такой темы, о проблемах, связанных с эстетикой национального театра, констатирует, что до середины 1940-х гг. певцы-иностранцы, в основном из русских эмигрантов, благотворно влияли на национальную оперу³. Иными словами, «русофильство» и здесь давало свои плоды.

Именно «укорененное русофильство»⁴ в народе, по признанию монарха, не позволяло ему послать своих солдат на Восточный фронт. Тем более, что «дележка» территорий была проведена, и София была довольна новыми/старыми землями. Хотя и здесь были свои правила по отношению к русским. Ярчайшим примером может служить ситуация с их мобилизацией в Русский охранный корпус. Тогда болгарские власти, желая, видимо, «подсластить» свое нежелание послать своих солдат на Восточный фронт, разрешили проводить вербовку туда одному из генералов корпуса.

¹ Запись беседы автора с Таней Массалитиновой.

² Бикс Р. На опера в стара София. 2000, С. 141, 142.

³ Там же. С. 87.

⁴ Kolanoviĥ N.K. Zagreb-Sofia Prijateljstvo po mjeri ratnog vremena. S.

Отказ мог послужить основанием для отправки в лагерь, на работы. Во всяком случае, именно эту причину называет С.Н. Богослова, описывая отpravку туда болгарскими властями своего отца, дробившего камень в карьере⁵.

Было ли это проявлением «русофильства» или «русофобства» со стороны болгарских властей судить трудно, даже невозможно. Здесь важно другое — отказ идти сражаться с русскими, даже если они и носят советские гимнастерки.

Именно Красная армия в 1944 г. начала освобождение болгарской земли от немецких солдат. Этому предшествовало объявление 5 сентября Болгарией войны Германии и Японии, в тот же день СССР — Болгарии, чтобы иметь повод для ввода войск и изгнания бывших болгарских союзников. «Софийское радио тут же прекратило все передачи и дрожащим тенорком какого-то эмигранта сообщало: “Господин, товарищ, маршал Советского Союза Толбухин, сообщите, где ваш штаб, чтобы прислать парламентаров для подписания перемирия. После этого сообщения звучала музыка “Очи черные, очи глужие... .. Наконец, через два часа перемирие было подписано»⁶.

Потом была Парижская мирная конференция (от 29 июля до 15 октября 1946 г.). Болгарская сторона поставила вопрос о признании Болгарии «совоюющей стороной», учитывая многочисленные жертвы и громадные деньги, ушедшие на войну, однако СССР (есть такое мнение) сказал «нет». Этот акт тоже был вписан в реестр русских вин. Но здесь явная фальсификация: «нет» сказал Запад, несмотря на сопротивление СССР. Но чего «иные» не сделают, чтобы «зачернить» Россию/СССР.

Тем временем наступали новые времена не только для болгарского народа, но и для русских.

Вначале небольшое отступление.

На обломке огромного камня, помещенного между собором св. Александра Невского и Народным собранием высечена надпись: «В период от 14 ноября 1943 г. до 17 апреля 1944 г. София была подвергнута сильным бомбардировкам, погибло 852 мирных жителя и было разрушено свыше 12000 домов. Пусть Бог даст покой невинным жертвам и разум будущим поколениям.

⁵ *Богослова С.Н.* Руската следа във Варна. Варна, 2009. С. 77.

⁶ *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 113–114.

Мать Болгария»

Но разум во многих случаях стал классовым.

Вначале о болгарском восприятии «старшего брата» с партийным билетом. Было бы глупо отрицать, что все болгарское население радостно встречало все нововведения властей, их политику, было готово воспринимать все, что идет из СССР. Только два материала.

Первый. В январе 1949 г. И.В. Сталину был отослан доклад главного военного советника в Болгарии генерал-лейтенанта А.В. Петрушевского, который на фоне доброжелательного отношения к СССР все же отметил определенные попытки «некоторых лиц» уменьшить роль СССР при освобождении Болгарии. «Эти настроения, — писал он, — идут в основном в основном по следующим линиям:

1. Роль Советского Союза в освобождении Болгарии не велика. Болгария своими силами совершила переворот 9.9. 1944 г., опираясь на партизанское движение и на свои подпольные организации.

2. Дальнейшая экономическая помощь Советского Союза обходится Болгарии дорого и не всегда товары, получаемые из СССР, высокого качества.

3. Особенно учиться у Советского Союза нечему.

Из этого может напроситься вывод о том, что Болгария, освобожденная своими силами, не особенно нуждается в помощи Советского Союза, может идти по своему «особому пути»¹.

Второй. Летом 1949 г. советский консул в Бургасе Симонов в своем донесении об итогах выборов в народные советы писал, что «внутренняя реакция» начала свою «низовую агитацию» с такими лозунгами, как «Болгарский народ будет вечным мостом большевистской России», «... да здравствует частная собственность, да здравствует фашизм», «Народ не желает социализма...»². В примечаниях составителей отмечено, что «... Много злостных слухов и выпадов было также и по адресу Советского Союза»³.

¹ Советский фактор в Восточной Европе. В 2-х т. Т. 2. 1949–1953. Документы. М., 2002. С. 14.

² Там же. С. 110.

³ Там же. Прим. С. 112–113.

Теперь об оставшихся русских и отношении к ним.

В сентябре 1944 г. новые власти наложили запрет на все эмигрантские организации, пронизанные «фашистской и националистической идеологией». Здесь были и Русский академический союз, Объединение русских художников, Объединение русских педагогов, Союз русских инвалидов и др. Прямого отношения к фашизму все эти общества, как пишет видная исследовательница русской эмиграции Ц. Кьосева, не имели, за исключением Союза галлиполийцев и Союза русской национальной молодежи.

В своих воспоминаниях о том времени Иван Тинин писал, что многие эмигранты «выжили только потому, что сами болгары в это время также оказались не в лучшем положении, сочувствовали нам и относились к нам очень хорошо вопреки болгарским властям»¹.

Но судьба не была благосклонна ко всем, так не бывает, особенно в моменты потрясений. Так, певец Евгений Ждановский после прихода Красной армии в Софию, был вывезен в СССР. Вся его вина, по мнению одного из его знакомых, заключалась в знакомстве с жившими в Софии братьями Солоневичами, известными своими антисоветскими выступлениями. Ему было разрешено жить в г. Йошкар-Ола, где он 8 августа 1949 г. умер на сцене,.

В 1946 г. только «в болгарских лагерях оказалось 424 русских», обвиненных в сотрудничестве с немцами. В то же время болгарское правительство в соответствии с требованиями СКК (Союзной контрольной комиссии) выделяло с 1945 по 1948 гг. 72 млн левов «на содержание бедных и больных русских беженцев». Все «несоветские» граждане автоматически попадали в поле зрения органов безопасности. Для наблюдения за высланными из Югославии в 1949–1952 гг. 777-ю русскими в министерстве внутренних дел НРБ была создана специальная секция «Белогвардейцы»².

Депортированный из Белграда Константин Михайлович Григоров, потомок древнего рода, верно и славно служившего России, отме-

¹ Тинин И. Бытие Исход Второзаконие. С. 170.

² Кьосева Цв. Документы о жизни русских эмигрантов в Болгарии 1945// Русская газета № 52/2004 (<http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/emigr>)

чал в своих воспоминаниях, что повсюду «висели транспаранты со словами благодарности русским, которых они называли «двойните освободители» (двойные освободители). Между тем это всё носило скорее казенный характер, так как со стороны населения не чувствовалось ко всем русским ни особой теплоты, ни дружеского отношения»¹

Его сын Никита Константинович писал, что «возможно, этому была причина обилие казенного любвеобилия (извините за каламбур) к СССР и к “братьям освободителям”, что набило оскомину, ущемляло национальную гордость болгар». В то же время Н.К. Григоров подчеркивал, что он «от пребывания в Болгарии сохранил самые лучшие воспоминания, всегда встречал хорошее отношение со стороны болгар, не чувствовал себя чужим»².

То же самое могут сказать все те, кто когда-либо бывал в Болгарии, особенно если они представляли сами себя.

Тогда, в первые годы стремление подчеркнуть свою приверженность ко всему советскому, коммунистическому доходила до смешного. Так, в Софии, «была бозаджийница «Ленин». «Это была крошечная лавчонка, — вспоминал Н.К. Григоров, — приютившаяся в какой-то подворотне, где продавали традиционный, очень вкусный и питательный напиток — бозу»³, приготовленный из проса или кукурузной муки.

Но для многих память родины обернулась нерадостным лицом...

Но, несмотря на «классовый разум», приобретавший иногда уродливый характер, нельзя полагать, что для русского эмигранта, да еще из «бывших» были закрыты все пути.

Только одна судьба.

В своем интервью председателю «Русского Академического союза в Болгарии» С.А. Рожкову профессор Чумаченко говорил:

«... надо мной, и над братом висел как “дамоклов меч” эпитет “белогвардейские подонки”. Во всех документах и характеристиках, которые издавали организации Отечественного фронта или БКП, такие формулировки неизменно присутствовали. Это же

¹ Григоров К.М. Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех // Григоров Н.К. Воспоминания; сборник. Редакция 2008. Госрегистрация федерального депозитария электронных изданий № 0320801701

² Григоров Н.К. Заметки о себе и о времени. Болгария // Воспоминания.

³ Там же.

“пятно” не позволило мне стать с самого начала и студентом. В 1953 г. я кандидатствовал на геологический факультет Софийского университета. Я к тому времени закончил хорошее столичное училище — им. Ивана Вазова в Павлово, у меня был довольно высокий балл после окончания школы — 5, 95 (при шестибальной системе). Но на первом же экзамене — сочинении по болгарскому языку и литературе, я получил двойку и выбыл из конкурса. Это было довольно странно, т. к. сочинение я написал хорошее с точки зрения содержания, а и всегда отличался довольно приличной грамотностью. Поэтому уверен, что мой “белогвардейский происход” был тому причиной... на следующий год я опять кандидатствовал в Софийский университет, но теперь уже как рабочий... и необходимая характеристика была получена от местной партийной организации. Это если не “замаскировало” мой белогвардейский происход, то немного его “сгладило”... В Софийский университет я поступил в 1954 году... и в 1959 г. становлюсь профессиональным геологом... Через два года... я поступаю в Геологический институт БАН (Болгарской Академии наук — В.К.) ... В этом институте прошла вся моя творческая научная жизнь вплоть до пенсии... Нужно отдать должное моим коллегам, и даже и партийным работникам, которые закрывали глаза на мое “белогвардейское” прошлое. На первый выходят качества человеческие и профессиональные... В 1972 г. я защитил кандидатскую, а в 1989 г. — докторскую диссертацию. У меня более 200 публикаций в самых престижных международных геологических изданиях... в конце 80-х годов заведующая кадрами стала перебирать досье сотрудников Геологического института БАН и попала на мои бумаги. Она начала расспрашивать меня, действительно ли мой отец служил в белой армии, а потом — имел ли противообщественную деятельность, тем более, что она видела, что я не из рабочей, а из буржуазной семьи — сын врача! Но поскольку в моей работе я не занимался “секретными” делами, оставили меня заниматься своей наукой, которая никому не могла мешать!»¹

И еще одно свидетельство о «новых русских». Н.К. Григоров писал: «Наша семья никакими привилегиями не пользовалась:

¹ Династии Русского зарубежья: семейство Чумаченко в Болгарии. Интервью проф. Чумаченко председателю Русского Академического союза в Болгарии С.А. Рожкову. Представлено С.А. Рожковым автору.

комнату снимали, мама сдала экзамен на право работать учительницей русского языка. Отец пахал (в прямом и переносном смысле) землю... Я сдавал экзамены на аттестат зрелости и вступительный в ВУЗ на общих основаниях»¹.

Из церковнослужителей упомяну протоиерея Всеволода Дмитриевича Шпиллера, человека с неординарной биографией. В декабре 1921 г. он из Галлиполи переехал в Болгарию. Работы не было: одно время зарабатывал тем, что разряжал вместе с другими русскими «охотниками» на черноморском побережье снаряды — среди местного населения таких охотников не находилось. Потом, в 1927 г., поступил на Богословский факультет Софийского университета.

В 1934 г. о. Всеволод стал приходским священником церкви Успения Божией Матери в г. Пазарджике Пловдивской епархии Болгарской Православной Церкви. Известен тем, что отказался отслужить панихиду по немцам, погибшим в Сталинграде.

Осенью 1944 г. он принял предложение министра иностранных дел и исповеданий правительства Отечественного Фронта Петко Стайнова переехать в Софию и войти в министерскую комиссию по выработке проекта отделения Церкви от государства. После двухлетнего труда проект был одобрен, став основой последовавшего вскоре соответствующего закона. Вплоть до своего отъезда на Родину был негласным советником по представлявшим взаимный интерес церковно-государственным вопросам, касавшимся Русской Православной Церкви.

Не могу не назвать еще одно — болгарское имя. Это экзарх Стефан I Болгарский (Стоян Попгеоргиев Шоков), для кого Россия, ее народ были «братскими». Когда она была «красной», он, находясь на посту председателя Комиссариата по русским беженцам, много сделал для облегчения их участи, ежедневно «моля Господа укрепить и возвысить мощь русского народа». О себе он говорил так: «Я не меньший русский патриот по сравнению с любым русским человеком»².

Сюда добавлю, что в годы второй мировой войны Болгарская церковь финансово многое сделала для облегчения тяжелых усло-

¹ Григоров Н.К. Заметки о себе и о времени.

² Цит. по: Любенова Л. Исследования по църковна история. София, 2014. С. 171–172.

вий жизни многих русских людей в Болгарии, оказала помощь Русской Православной Церкви за рубежом (РПЦЗ), ее религиозным институтам, действовавшим и в других странах Русского зарубежья¹.

Деление на «русофилов» и «русофобов» исчезало в новых условиях, когда новой освободительницей стала опять Россия, но уже советская. Новые советские граждане активно включались в строительство новой Болгарии. Например, Н.К. Григоров писал, что на стройке железной дороги Враца — Оряхово трудилась сформированная из русской/советской молодежи бригада имени героя Советского Союза Александра Матросова, а сам он работал в отряде имени адмирала Нахимова².

Да и Болгария активно включилась в строительство нового общества под руководством коммунистов, точнее, Москвы. В сложившейся ситуации многие решали вернуться на Родину. И все же было немало тех (примерно 5000 человек, по мнению Н.К. Григорова), которые оставались в ставшей родной Болгарии, в Софии. Назову здесь только два имени, прочно вошедших в историю Болгарии.

Валя (Валентина Петровна) Вербева, лауреат Димитровской премии (1952 г.), заслуженная артистка Народной Республики Болгарии (1966 г.). Искусство Терпсихоры она постигала у русских балерин Веры Лукашевич-Александровой и Анны Воробьевой-Занковой, ученицы Б. Нижинской. До начала второй мировой войны танцевала в Русской опере у Агренева-Славянского. С «Борисом Годуновым», «Сорочинской ярмаркой», «Князем Игорем» пропутешествовала по Франции, Швейцарии, Бельгии, Люксембургу, Голландии, Тунису. Потом была принята в английскую труппу, с которой опять гастролировала по Франции. Затем танцевала в Руанском театре: балет «Сильвия», балетные партии в таких операх, как «Самсон и Далила», «Таис», «Кармен», «Манон», «Фауст», «Князь Игорь»³.

После освобождения Болгарии была назначена прима-балериной! Она танцевала в таких спектаклях, как «Лебединое озеро»,

¹ Цит. по: *Любенова Л.* Изследвания по църковна история. София, 2014. С. 294—316.

² *Григоров Н.К.* Заметки о себе и о времени.

³ *Балканска Р.* Живот в движение и красота. Балерина Валя Вербева // Музикални хоризонти, 1999, № 4/5. С. 48.

Жизель», «Гаянэ», «Бахчисарайский фонтан», «Дон Кихот», «Спящая красавица», «Раймонда», «Жар-птица», «Карнавал», «Соперницы», «Красный мак», исполняет балетные партии в ряде оперных спектаклей, например, в «Фаусте», «Иване Сусанине», «Аиде», выступает в разнообразных миниатюрах — «Весенняя встреча» (Владигеров), «Детская игра» (Дебюсси), «Куклы» (Лядов), «Армянский танец» (Хачатурян) и других¹.

Валя Вербева чаровала не только ценителей балетного искусства, но и людей, возможно, видящих первый раз балет в своей жизни. Она стремилась научить танцу, вернее, вдохнуть любовь к сцене своим ученицам в государственном среднем балетном училище, где она начала преподавать в 1950-х гг. Среди ее выпускниц были Вера Лазарова Кирова, Елена Борисова Игнатова, Елисавета Симеонова Груева, Эмилия Василева Драгостинова, Павлина Костадинова Иванова, Снежана Славова Дескова, ставшая прима-балериной в Старой Загоре².

В сущности, вся ее жизнь — это сплошная самоотдача любви и балету, людям, можно и наоборот!

Славист Николай Михайлович Дылевский, выпускник Крестовоздвиженской гимназии в г. Пещера. С 1928 г. он стал одним из двух русских правительственных стипендиатов, которые должны были в будущем трудиться над развитием болгаро-русских связей. После окончания Софийского университета он учительствовал три года в Неврокопе (Гоце Делчев), где преподавал болгарский язык и литературу. В 1934 г. начался отсчет его преподавательской и научной деятельности в alma mater. В 1946 г. Дылевский стал одним из инициаторов создания специальности «русская филология» и, соответственно, кафедры по русскому языку. С 1951 г. по 1972 г. он возглавил кафедру русского языка. В 1955 г. был избран профессором. С 1934 г. по 1984 г. преподавал русский язык на богословском факультете в Университете, а также в Духовной академии. Его студенты стали основателями кафедр русского языка во многих высших учебных заведениях Народной Республики Болга-

¹ Балканска Р. Живот в движение и красота. Балерина Валя Вербева // Музикални хоризонти, 1999, № 4/5. С. 47.

² Воспоминания Е.В. Бесчастной. Концерт на първия випуск на държавното средно училище 1957–1958 г. Народна опера, 1958, 30 мая. С. 9, 10, 12.

рии — Пловдиве, Велико Тырнове, Шумене, Благоевграде. Он стал дуаиеном не только болгаристики, русистики, славистики, но и всей русской эмиграции в Болгарии.

Да, были те, кто врос в Болгарию, породнился с ней, стал ей служить. И случалось, что после отъезда из Софии на родину, казалось навсегда, следовало возвращение.

Я утверждал, что русофильство больше связано с культурой, а русофобство с политикой. Но, случается, что оба этих феномена меняются местами. В качестве примера можно привести сюжет о том, как Болгария хотела стать шестнадцатой советской республикой. 4 декабря 1963 г. на Пленуме ЦК БКП обсуждался вопрос о сближении, в перспективе слияния Народной Республики Болгарии с Советским Союзом. По сути, обсуждения не было, все присутствующие горячо поддержали выдвинутую идею. Форма объединения, федерация или конфедерация, должна была, по словам Н.С. Хрущева, определиться позднее. Автор публикации протокола заседания в сети клеймит позором БКП, называя произошедшее «национальным предательством»¹.

И кто здесь «русофил», и кто «русофоб», мне трудно понять.

Но можно привлечь следующие слова Сталина от 28 марта 1945 г.: «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе с друг другом против нашего общего врага — немцев. Вся история жизни славян учит, что этот Союз нам необходим для защиты славянства... Как в первую, так и во вторую мировую войну больше всех пострадали славянские народы... мы, славяне, должны быть готовы к тому, что немцы могут вновь подняться на ноги и выступить против славян. Поэтому мы, новые славянофилы-ленинцы, так настойчиво и призываем к союзу славянских народов. Есть разговоры, что мы хотим навязать советский строй славянским народам. Это пустые разговоры. Мы этого не хотим, т. к. знаем, что советский строй не вывозится по желанию за границу, для этого требуются соответствующие условия... В дружественных нам славянских странах мы хотим иметь подлинно демократические правительства. Заключив

¹ <http://www.investor.bg/forum/archive/index.php/t-8400.html>

союз, славянские страны могут оказывать друг другу хозяйственную и военную помощь. Мы можем это делать теперь с большим успехом»¹.

Известно, что «соответствующие условия» были созданы для создания славянского блока на коммунистической основе. Однако он «рассыпался», не выдержав «звукоподражательной бездарности» «слуг народа». Вопрос в другом: сможет ли он возникнуть вновь, но на иной основе? Может, но только в том случае, если Россия обретет былую мощь. Только какой она будет и на чем она будет построена?

И еще одна выдержка из статьи главы действовавшей в межвоенный период партии младороссов А.Л. Казем-Бека, который в 1939 г. писал: «Помимо чисто принципиальных соображений, мы не можем забывать, что славянские народы в Европе должны быть ограждены нами — и вовсе не из сентиментальности... от германского засилья. Западные и южные славяне так уж расселены, что они могут увеличивать “потенциал” либо нашей империи, либо германской...»².

Более того, — продолжал Казем-Бек, — сама борьба с Германией должна будет помочь обрести славянское единство в форме федерации «во всяком случае, культурной, — вероятно экономической — может быть государственно-политической... Из будущего единения славян возникнет великая мировая сила. Она нужна всему человечеству. Она позволит утвердить мир всего мира»³.

В сущности, здесь то, о чем писал русский философ К.Н. Леонтьев и напишет И.В. Сталин. Исходя из этого, возможно, следует и подходить к вопросу так и не состоявшегося «слияния» Болгарии с Россией, укрывшейся под четырехбуквенной аббревиатурой СССР. Можно и по другому: «Нам чужого не надо, но и свое не отдадим».

Все смешала ликвидация социалистической системы.

Настали времена болгарской «перестройки», когда все «русско/советское» на волне антикоммунистической истерии хотели отправить на свалку истории. Началась «охота на ведьм», на

¹ 1945. Шум времени 1953. Из дневника сталинского наркома Малышева В.А.// Независимая газета. 29 сентября 1999 г. С. 3.

² Бодрость. 5 ноября 1939. № 250. С. 1

³ Там же. 1 февраля 1940. № 258. С. 2.

памятники, борьба против пресловутого тоталитаризма, советского, коммунистического. Русофильство стало подозрительным.

Одной из жертв стал директор Института истории БАН Христо Христов, наши прогулки с разговорами по улицам Софии я до сих пор помню.

Памятник маршалу Толбухину, войска которого освобождали Болгарию, был в начале 1990-х гг. демонтирован и отправлен «на постоянное место жительства» в Россию. Город Добрич, переименованный в 1949 г. в город Толбухин, вновь вернул в 1990 г. свое старое название.

Здесь может стоит напомнить, что именно «... Под диктатом маршала Толбухина в 1945 г. схизма (в 1872 г. Константинопольский Патриарший Синод объявил Болгарскую церковь, «посмевающую» провозгласить свою независимость, схизматической — В.К.) была снята при неблагоприятных для Болгарии условиях — отказ от всяких национальных, вероисповедных и политических интересов в Македонии, Фракии, западных краев и Добруджи»¹.

Мемориал советским воинам в Софии, связанный с освобождением Болгарии Красной армией, с борьбой болгарского народа, время от времени «украшается» граффити, на его барельефах в 2013 г. я видел «модные балаклавы».

Но время массового хуления уже миновало. Так, в 2013 г. в центре Софии был торжественно открыт памятник генералу Иосифу Гурко.

Но самое страшное было в том, что была предпринята атака против России, против «дядо Ивана» в душах болгарского народа!

Именно русских обвиняли во всех бедах Болгарии². Рецепт спасения был, судя по всему, один — ликвидировать «Дядо Ивана» в болгарской душе. И все будет тогда хорошо.

Однако «блицкрига» не получилось: мощная корневая система нашего братства не дала себя сразу уничтожить. В Болгарии, подавляющее количество населения можно отнести к русофилам. На болгарской земле действует около десятка организаций, которые можно отнести к русофильским, как например, общество друзей России имени Александра Невского, Форум «Болгария-Россия»,

¹ Любенова Л. Изследвания по църковна история. С. 240.

² Колевски В. В часа на синята мъгла. С. 18.

Федерация дружбы с народами России стран СНГ, фонд «Устойчивое развитие Болгарии».

С 2003 г. в стране действует Национальное движение русофилов. Оно сравнительно небольшое, но активно работает; есть своя газета «Дума» («Слово»). В конце апреля 2014 г. во время моего приезда в Болгарию, в город Русе на конференцию, посвященную Любене Каравелову, мне повезло встретиться с руководителем Русенского отделения движения «Русофилы» Анатолием Паришковым, профинансировавшего, кстати, и мою поездку на конференцию. После ее завершения я был приглашен на национальный фестиваль русской поэзии, песни и танца «Пусть всегда будет солнце», в организацию которого много труда, энергии, любви «к русскому» вложил Анатолий Паришков. Я никогда не был на подобном концерте, где участники, от дошколят до вполне взрослых особ, так самозабвенно, ярко, празднично знакомят присутствующих с русским искусством. И этот праздник я никогда не забуду.

А потом был разговор с Анатолием Паришковым и его коллегами. По его словам, в Национальном движении русофилов задействовано около 40 тысяч человек. Его русенское отделение прилагает все усилия, чтобы расширить базу движения, прежде всего через просвещение, через русский язык, его преподавание, столь стремительно сократившегося за почти четверть века. По словам моего собеседника и его коллег, есть положительные подвижки в этой сфере — от фестивалей до получения разрешения преподавать русский язык в некоторых детских садах.

Безусловно, как подчеркивалось в ходе беседы, можно было бы достичь большего, но недостаточно средств. Анатолий Паришков горько говорил о своих неоправдавшихся надеждах на действенную помощь со стороны российских организаций, начиная от знаменитого «Русского мира» до министерства образования РФ и Российского культурно-информационного центра в Софии к нуждам движения. Оно как бы почти забыто. Да и нет достаточной «стыковки» между собой действий русофильских организаций, как и внимания к ним ответственных лиц, например, работающих в Русском консульстве в Русе.

Все страны, аргументированно говорил мне Анатолий Паришков, заботятся о распространении своей культуры через школьное образование, кроме России. Видимо, чиновники считают, что сама магия слова «Россия» сделает все бесплатно и без всякого труда.

Напрасно.

Мы теряем славянство.

Разумеется, есть организации, и даже ярко национальная партия «Атака», поддерживающие русское имя, Россию. «Атака», имеющая свое представительство в здании, что рядом с памятником Александру Стамболийскому декларирует свою поддержку Москве в современном «Крымском деле. Однако необходимо напомнить слова лидера партии Волена Сидерова, сказанные им на партийном совещании от 17 апреля 2014 г.: «Один германский журналист спрашивает, почему я, болгарский националист, стою на такой прорусской позиции. Ответил ему, что во первых, то, которое называется Россия и Украина, создано болгариним. Я объяснил ему, докуда простиралась Старая Великая Болгария, и что это исконно болгарская территория, которую мы заселили. И нас не может не интересовать, что возникло там.

Второе, вне этих исторических эмоций мы имеем чисто практические интересы. И эти интересы в том, чтобы Болгария стала бы частью евразийского пространства, а не евроатлантического»¹. Уже отсюда видно, насколько широк круг тех, кто прорусски настроен или в целом, или в отдельных акциях.

А пока идет тихий процесс исчезновения русского языка из числа наиболее востребованных болгарской молодежью. Разумеется, причина этого лежит в глобальном политико-экономическом процессе европеизации стран, народов, языков.

Да и сама история пишется все более «правильнее и правильнее».

Так, по утверждению историка В. Станева, преподавателя в Софийском университете «Св. Климента Охридского», «Турецкого ига не было, как это вдалбливают болгарам». Как ядовито замечает профессор Пламен Георгиев, «Турецкая империя оказывается чем — то вроде “прото-ЕС », сами русские, судя по высказываниям некоторых историков, «оккупировали, а не освободили болгарские земли»².

¹ *Сидеров В.* Европа на отечествата, не на Вашингтон! Мисията на Атака в Европарламента е Ес да се освободи от американското господство // Атака, 25–30 апреля 2014 г., С. 9.

² *Георгиев П.* Избелват историческата ни памет // Дума. 6 марта 2014 г. София, № 56.

Некоторые болгарские интеллектуалы, или считающие себя таковыми, станут употреблять словосочетание «османское присутствие» вместо «османского ига».

Однако, оставляя в стороне «глобальность» таких высказываний, хотелось бы верить, что культура все же будет доминировать в сознании и деятельности государственных деятелей, если они хорошо учились в школе по истории. Впрочем, было бы наивно полагать, что политику можно оставить в стороне, и она всего лишь производная от культуры.

Только вот от какой?! Западной, восточной, всевропейской, всемирной?!

Позволю себе здесь небольшое отступление с постановкой вопроса о «великой всеславянской империи». Да, конечно, по результатам войны 1877–1878 гг. свою программу-минимум по Восточному вопросу Россия выполнила. В туманном будущем рисовалась заманчивая картина формирования восточноправославной политической, религиозной, культурной — но не административной — конфедерации славянских стран.

Именно эта конфедерация под гегемонией самой не славянской и в то же время самой славянской России должна была обеспечить «*новое разнообразие в единстве*, все славянское цветение».

Время не оправдало надежд. Потуги славянского мира к гармонизации отношений были безнадежно испорчены самими славянами. Можно даже сказать в запальчивости, что славяне «сожрали» императорскую Россию, чтобы потом, заплатив долг соцлагерем, уйти на Запад.

И, тем не менее, Россия остается в Болгарии, в душах, в памяти ее народа, в истории, в русофобстве и русофильстве.

Причем, любопытно отметить здесь суждения культуролога Ивана Дичева, который утверждает, что раз у болгар не сложилась, как он говорит, «политическая идентичность», то продолжает функционировать «схема» «русофилы-русофобы». Для него представляется странным, что болгарские русофилы, выступая как «левые», защищают империю, которая на протяжении двухсот лет «последовательно давят революции и национально-освободительные движения» (!!! — *В.К.*). По И. Дичеву, чтобы оказаться в глазах других «правым», нужно «ругать Россию», если «левым», то «необходимо ее хвалить», даже если это и «идиотство». Русофиль-

ство и русофобство, по его мнению, суть часть «стратегии» «ряда болгарских партий, которые таким способом пытаются заполнить вакуум идеологии и собственной идентичности»¹. Здесь все смешалось, и, может быть, в этом и был замысел Ивана Дичева?

В сущности, наше время может быть охарактеризовано как век подмен, прежде всего, в сфере самосознания, растворения национального в общечеловеческом, в решении проблем с использованием военной машины как «единственного» средства для эффективного урегулирования горячей ситуации и последующей политики «миротворчества», нередко в военном мундире.

И само становление, а для некоторых государств — выживание, зависит прежде всего от определения верной пропорции национального и европейского. Этот труднейший вопрос каждое государство решает на свой манер, исходя из своей истории и часто о тупиках. Здесь следует вспомнить, что «закат» страны, империи может отсрочить только культура в единстве оригинальных начал. Но для нашего времени характерна резкая поляризация культуры элиты и культуры масс, что не внушает особого оптимизма при взгляде на будущее. Далее. Процесс деления и разделения институтов власти продолжается до сих пор и будет длиться до тех пор, пока «славянин» не превратится в «европейца». Конечно, это потребует больших инвестиций самого различного характера. Здесь и обычное вливание денежной евромассы, «раздача» денег остальным балканским славянским странам, отношения между которыми далеко не безоблачны. Тут — напряженная и трудоемкая работа по «промывке мозгов» с обязательным стиранием в памяти всего отрицательного, что должно быть уничтожено. На выходе должен получиться средний европеец. Будет ли он хорошим судить трудно. Плохо одно — он средний. Иными словами он будет опять-таки той самой массой, почвой, на которой или не вырастет ничего, или история пойдет по своему кругу.

Или есть еще один путь для «новых европейцев». Здесь можно назвать имя американского мыслителя, одного из лидеров леворадикального обществоведения И. Валлерстайна. Известна его знаменитая фраза, что «Если нет негров, то создадим белых негров».

Добавлю для ищущих правду. Разве бегущие от «проклятого советского тоталитаризма» в Европейский Союз не попадут в тотали-

¹ <http://www.dw.de/двете-лица-на-русия-в-българия/a-17520300>

таризм европейский?! Причем худшего порядка уже потому, что, возможно, будут там маргиналами.

Более того, в построениях и лозунгах о равенстве в обществе, государстве лиц, сословий, наций, экономическом и умственном равенстве полов можно, вслед за многими философами, увидеть все тот же грозный процесс уравнивания, упрощения и, соответственно, разрушения культурного мира с его своеобразием. Наш русский мыслитель К.Н. Леонтьев шел дальше и, как мне представляется, говорил и предупреждал об упрощении Бога, приспособлении идеи Бога к человеческим нуждам и интересам. Эта угроза воплотилась в массовой культуре, в том числе и политической, государственной. Собственно говоря, эта философская сентенция может быть с одинаковым правом отнесена к нашей эпохе и соотносима с практикой общегосударственной жизни в мире, где «свобода есть осознанная необходимость», а иное «рабство» обосновано наукой и «ходом исторического развития». Казалось бы, что зависимость очевидна и идея всеобщего блага может быть реализована. Но сам ход человеческой истории указывает на идеальность, вернее, на иллюзорность такой идеи. Практически же она осуществляется лишь в Боге.

В свое время «певец британского колониализма» Редьярд Киплинг написал знаменитые строчки «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, // Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд, // Но нет Востока и Запада нет, что — племя, родина, род, \\ Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встанет?».

Время и сейчас все больше подтверждает эти мысли, и «солнце» для многих всходит на Западе.

Но такая «аномалия» может ассоциироваться с всемирным «потопом» или, если угодно, «очищением», вследствие чего человек обретет свободу и одновременно, можно допустить, он станет и ее рабом.

И вместо заключения. В современных условиях, когда история все больше походит на бордель, в котором «герои-клиенты» меняются с «приличествующей быстротой», мы все еще держимся благодаря памяти, в том числе и о тех жертвах, принесенных в освободительной войне, о солдатах, положивших сознательно, подчеркиваю, жизнь «за други своя». Они шли и воевали за освобождение болгарских братьев, а не за Проливы, и умирали они за правое де-

ло. Можно всегда найти какие-либо спорные моменты в событиях времени освобождения, но бесспорным будет одно — подвиг России. И я надеюсь, что «нельзя потушить то, что не гаснет».

Надежды внушает то обстоятельство, что из 240 депутатов нынешнего парламента 131 входит в возглавляемую Николаем Малиновым «группу за дружбу с Россией»¹. Более того, русофильство, можно сказать, все больше ассоциируется с антиевропейскими настроениями, с национализмом, пример — болгарская партия «Атака».

Заканчивая небольшой экскурс, хочу подчеркнуть, что феномены русофильства и русофобства (любви и ненависти) органичны для всего славянства, ищущего и находящего свои пути по обретению себя в будущем. Вопрос только в каком, и какова цена? Но здесь каждый решает сам или как будто сам.

P.S. На территории храма Всех святых, расположенного у метро Сокол, есть целый ряд памятников, посвященных сражавшимся в противоположных лагерях в мировых войнах двадцатого столетия, убиенным в прошедших и длящихся войнах. Земля и слова о мире примиряют всех. Будем надеяться, что памятником наших стран не станет Европа.

¹ <http://www.dw.de/софийските-приятели-на-москва/a-17562874>

Мусульмане Боснии и Герцеговины, XX век

Памяти Ибрахима Тетича

«Иностранец, которому сказали, что здешнее население чувствительно к языку общения, очутился где-то в Боснии, где не мог определить этническую „окрашенность“ языка официанта Заказывает „кафу“. Нет. Тогда „каву“. Опять нет. Ну, „кахву“. А официант, весь уже на нервах, отвечает: „мне все равно, как заказываешь, — нет воды!“»

«Bosno moja, ljerša si od raja» «Босна моя, ты красивей рая»
Alija Isaković Алия Исакович

Боснийцы. Для них, когда-то бывших хозяев в Боснии и Герцеговине (БиГ), в 1919 г. настали тяжелые времена. Роли переменялись: теперь сербы могли беспрепятственно творить свой суд и волю. По данным одного из боснийских историков, в период с 1918 по 1921 гг., т. е. до принятия Конституции, было убито 2000 боснийцев¹. Шел «передел земли», сербы теперь ее захватывали, как раньше мусульмане, с молчаливого одобрения властей, введших новых хозяев в законные права. Джамии переустраивались в православные церкви. Случалось, что боснийцы были вынуждены, чтобы сохранить себе жизнь, переселяться в другие края. Теперь они испытывали на себе все то, что ранее они устраивали сербам. Во многих местах стало действовать правило: хочешь жить — плати выкуп. Но иногда и деньги не спасали мусульман от нападений сербов даже во время молитвы в мечетях. Вся ярость, долго скрываемая за время турецкого господства, теперь выплеснулась наружу. Частым, почти повседневным явлением, стали убийства, грабежи, случались изнасилования солдатней мусульманок. Реис-улема (Духовный глава мусульман) в Боснии и Герцеговине Чаушевич в интервью французскому журналисту весной 1919 г. говорил: «Тысячи людей убиты, 6 женщин сожжены, 270 сел ограблены и уничтожены — для нас, мусульман, это следствие создания

¹ *Filandra Š.* Bošnjačka politika u XX stoljeću/ Sarajevo, 1998. S. 57.

нового государства Югославии, которой мы готовились служить всей душой. Мы все же славяне, но сербы не желают считать нас такими. Считают нас пришельцами-чужаками... После того как сербы стали хозяевами ситуации, нас никогда не звали участвовать в политических встречах и держать совет»¹.

В сущности, Босния и Герцеговина должны были стать территорией сербского господства, где не было бы неприятностей, чинимых недовольными агами и бегами. Однако бывшие хозяева также считали Боснию и Герцеговину своей родиной и вотчиной и не собирались покидать ее, хотя причин для этого было более чем достаточно. Здесь следует упомянуть закон, сыгравший огромную роль в переустройстве аграрных отношений и позволивший массе сербских арендаторов стать владельцами земельных участков, когда-то захваченных по праву силы теми же мусульманами. Несмотря на то, что Белград выплатил огромную сумму бывшим крупным держателям, они были более чем недовольны. Тем не менее, складывающаяся ситуация не переросла границ политической лояльности.

Мусульманские политические деятели, объединенные, прежде всего, в 1919 г. Югославскую мусульманскую организацию (ЮМО), имеющую свой национальный «рупор» газету «Правда», поддерживали идею югославянства, делая ставку на постепенный процесс сближения народов.

В то же время они декларировали тезис о том, что их соплеменники сначала мусульмане, а потом — югославы. Выступая за федеративное устройство Королевства, ЮМО выдвигала требование автономии «мусульманских» Боснии и Герцеговины и, соответственно, формирования своего правительства.

Однако тезис автономизации был воспринят Белградом, имевшим давние споры по этой проблеме с хорватами, резко отрицательно. В подобных заявлениях обычно видели, прежде всего, антигосударственный курс, открытие фронта против сербства².

Декларируя себя как (вне) национальную партию, ее лидеры монополизировали право быть представителями боснийских мусульман³.

¹ *Purivatra A.* Jugoslovenska muslimanska organizacija u politickom životu Kraljevine srba, hrvata i slovenaca. Sarajevo, 1977. S. 63.

² *Filandra Š.* Bošnjačka politika. S. 93–94.

³ *Donia R.J.* Sarajevo: biografija grada, Sarajevo, 2006. S. 160.

Именно требование мусульманами Боснии и Герцеговины автономизации, нежелание идти «в ногу» под охраной сербов, создавали трудности для Белграда, для сербских националистов, видевших в уступках мусульманам «пропасть» для своих соплеменников, живущих в Боснии и Герцеговине. Урегулирование всех спорных проблем, отягченных тяжелым прошлым, политизированных настоящим, требовало времени, но его не было.

В сущности, если говорить грубо, то в любой империи есть только одна история — имперской нации. Остальные лишь этнографический материал, варвары, дикари, язычники, иноверцы, жертвы колеса фортуны. Одним словом — турки воспринимались «европейской христианской улицей» с ее бессознательным чувством превосходства над всеми, кто не мыслит ее ценностями, как символ невежественного и непонятого. Именно такими «турками» для сербов были мусульмане Боснии и Герцеговины. Теперь настал «час мщения» им, растянувшийся во времени на десятилетия, может, на века, возможно навсегда, и с обратным ходом. В Королевстве трех христианских народов — сербов, хорватов и словенцев — не нашлось места мусульманам Боснии и Герцеговины. Оставалась территория, заселенная недавними угнетателями, постепенно приобретающими черты Муьо и Хасо — символических фигур, олицетворявших невежество в сербских анекдотах. Тут же замечу, что сами боснийцы, в основном городские, сами были не прочь посмеяться над «сельскими простаками», не теряя уважения к себе и своей многовековой истории и культуре.

И, конечно, следует продолжить, что культура заключается, прежде всего, в мифологии, точнее, в памяти будущего, обозначенного через историю в ее многоликости. И здесь можно вспомнить национализм: для одних — лик, для других — оскал, для одних — национализм, для других — национальное движение. Сам национализм/национальное движение можно назвать стадийным только в схематичной форме. Здесь нет ни начала ни конца. В прошлом столетии — веке национальных движений — сербский национализм достиг апогея во время правления короля Александра. Закат его связан с событиями Второй мировой войны, а также такими разновеликими факторами как правление Тито, накат югославских национализмов/национальных движений после его смерти. Средства националистов-сербов — самые различные: от административного ресурса до убийств, от просвещения для себя до на-

смешливого презрения для других. Фигуры Муйо и Хасо наглядно свидетельствуют о том, что национализм может не только строить себя, но и служить в определенных ситуациях горючим материалом для разгорания иных «национализмов», «не ведающих, что творят» свое же растворение зачастую в чужой идентичности. Пример — Босния и Герцеговина: мусульманский мир всплывает в европейской культуре в окружении тех, кого называют «*господари рата*», *по русски, хозяева войны*. Стремление к идентичности можно увидеть с одной стороны в этнических чистках, с другой — в появлении в мире югославы. Та же картина угадывается у «православных хорватов» и «сербских мусульман». Список можно продолжать долго, учитывая ту бурю национализмов/национальных движений, разрушивших Югославию.

Дух национальных движений витал над Европой. Шла «балканизация» Балкан. И если многие идеи, установки, постулаты не получили своего развития или провалились, то объяснение случившегося следует искать, иронически говоря, в «свободе воли».

Борьба за реальную власть, посты, право представлять истину в последней инстанции — непреходящий атрибут начального этапа строительства государственности, в том числе и в Боснии и Герцеговине, включенных в состав Сербии. Можно возразить, что этот период мог бы быть значительно короче, а восседавший тогда на княжеском престоле Александр I Карагеоргиевич мог бы сплотить противоборствующих политиков если не монархическим обаянием, то силой своей власти. Да, такая власть была продемонстрирована через провозглашение Королевства Югославии. Что в итоге получил князь? — пулю от террориста македонца в Марселе в 1934 г.

Можно поставить вопрос по-другому: представим, что государственное строительство будущего югославского общества осуществляется в обстановке политического согласия и терпимости. Возможен ли такой вариант? В принципе — да. Однако существует лишь одно большое «но» — национализм.

Рассмотрим еще одну альтернативу: движение вместе с Сербией. Вероятно, это был бы самый реальный вариант. В сущности, он предполагался обеими сторонами. И в случае его осуществления в выигрыше оказались бы и Сербия, и Босния с Герцеговиной. Однако Хорватия считала иначе, и ее сопротивление, ее сила, авторитет, умение сплотить вокруг себя недовольных сербским Бел-

градом — все это обуславливало продолжение мучительной и кровавой борьбы за освобождение от сербского господства.

И, тем не менее, представляется, что если король Александр остался бы жив, история Сербии и Боснии с Герцеговиной была бы куда менее драматичной. Более того, сама Сербия получила бы дополнительные козыри в своей политической игре на Балканах. Однако личностный фактор — нетерпимость балканских политиков — сыграл свою негативную роль. Это самое простое объяснение, лежащее на поверхности. Возможен и другой вариант: поддержка югославизма вела бы к упрощению самой истории. Именно интересы славянской Сербии требовали подчинения ей тех же боснийских интересов.

Причем для Сербии приоритетным становится политическое начало, для Боснии с Герцеговиной — национальное. Это все, конечно, весьма искусственно и схематично, тем не менее, заслуживает внимания один вопрос: можно ли было избежать этого своеобразного раздвоения? В принципе это не исключено при соблюдении нескольких условий, главное из которых — создание югославской общности.

Итак, судьба Боснии и Герцеговины, сохранившихся в своих прежних границах, после Первой мировой войны, внешне выглядит более «удачной», нежели разделенной Македонии.

Сербский характер Боснии и Герцеговины доказывался через доминирование сербства, что ясно видно из материалов переписи 1931 г.: православных — 1028139 человек, мусульман — 732082, католиков — 547949¹.

При этом из 53 районов в Боснии и Герцеговине православные обладали абсолютным большинством в 28 районах, мусульмане в 13, католики в шести, имея относительное большинство еще в таком же количестве районов. Далее, в 1931 г. в городах проживало 360 255 человек: православных — 81 494 (22, 34%), мусульман — 18 1254 (50, 43%), католиков — 85 682 (23, 38%), остальных — 13 825 (3, 85%). Соотношение городского и сельского населения было таково: православное — 7, 93% горожан, 92, 07% селян, мусульманское — 25, 30% и, соответственно, 74, 70%, католическое — 15, 38% и 84, 70%².

¹ *Димић Љ.* Културна политика Краљевине Југославије 1918–1941. Први део. Београд, 1996. С. 512.

² *Purivatra A.* Jugoslovenska muslimanska organizacija. S. 460–461.

К этому следует добавить, что регион Боснии и Герцеговины, согласно закону от 3 октября 1929 г по административно-территориальному принципу входил, в основном, в Врбаскую, Дринскую бановины и частично захватывал земли Зетской и Приморской бановин. В Врбаской бановине (западная Босния и ряд др. территорий) по переписи 1931 г. проживало 1 037 382 человека, из них православных 600 529 человек (57, 9%), мусульман — 250 265 (24, 1%) человек, католиков — 172 787 (16, 6%). В Дринской бановине, охватывающей самую большую часть западной Сербии, проживало 850 934 человек, из них мусульман — 353 190 (41, 5%), православных — 316 548 (19, 5%), католиков — 165 935 (1, 8%). В состав Зетской бановины входили такие земли, как юго-восточная часть Боснии, восточная часть Герцеговины. Всего бановина насчитывала 139 454 человека, из них православных — 86 410 (62%), мусульман — 45 569 (32, 7%), 7 393 (5,3%) — католика. В Приморской бановине, охватывающей в основном, часть юго-западной Боснии и часть Герцеговины по обе стороны р. Неретвы, проживало 322 364 человека, из них 204 907 (63, 6%) — католики, 69 062 (21, 4%) — мусульмане, 48 104 (14, 9%) — православные¹.

Как уже подчеркивалось, в первые годы после образования Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) был решен аграрный вопрос. В Боснии и Герцеговине крестьяне освобождались от прежних земельных повинностей. В 1919 г. свыше ста тысяч крестьян стали владельцами обрабатываемых ими земель. Спустя год крестьянству была передана и большая часть белгукских (помещичьих) земель, некоторые — бесплатно. В распоряжение населения были предоставлены государственные и общинные земли — 330 000 дунумов (примерно — 165 000 га)².

В 90% случаев хозяевами земли стали сербы. Боснийцы, как подчеркивает боснийский историк Ш. Филандра, были «ограблены» в пользу сербов³.

¹ *Радојевић М.* Споразум Цветковић-Мачек и Босна и Херцеговина С. 123–124 // Босна и Херцеговина од средњег века до новијег времена. Међународни научни скуп 13–15 децембар 1994. Београд, 1995. С. 123–124.

² *Благојевић О.* Економска мисао у Босни и Херцеговини (до другог светског рата). Београд, 1993. С. 127.

³ *Filandra Š.* Вошњајска политика. С. 65.

Хотя есть и другие цифры. Исследователь О. Пильевич в статье о межвоенной Герцеговине пишет, что за время реформ там было перераспределено только 2, 4% всей обрабатываемой земли в Боснии и Герцеговине или 807 га пашни в пользу бедных и безземельных крестьян (751 человек)¹.

Видимо, здесь нужно проводить еще исследования. Так или иначе, но под ударом были мусульмане.

Народный представитель Х. Алич иронически замечал, что «в аграрной реформе нет никакой программы... аграрная реформа в Боснии и Герцеговине проводится как борьба креста против полу-месяца... Как только дело дошло до народного единства, как только мы пришли к нашему единому государству, сразу у всех землевладельцев в Боснии и Герцеговине была отнята земля, кметовская (кмет — испољщик) ли, частная ли, которая с полным правом зовется беглукской... Сколько было пастбищ в Боснии и Герцеговине, которые принадлежали мусульманским селам ... которыми многие земледельцы пользовались сотни лет, все эти пастбища отняты у мусульман»².

И, тем не менее, земельная реформа состоялась, хотя и за счет мусульманского землевладения, в основном крупного. Однако решение аграрного вопроса еще не обеспечивало стабильного развития сельского хозяйства. Разумеется, в Королевство СХС Босния и Герцеговина вошла, имея огромные природные богатства, экономически активное население и хозяйственный опыт, накопленный за время австро-венгерского управления. Но все это не было в надлежащей мере использовано властями.

Здесь необходимо уточнить, что в стране на каждое крестьянское хозяйство приходилось в среднем 5, 5 га обрабатываемой земли³.

При этом отмечу, что в Боснии и Герцеговине горы и леса занимали около 42%, каменная поверхность — около 30%, равнинная часть — примерно 5%. Три четверти пашни шло под пшеницу⁴.

В 1939 г. на пахотные земли приходилось только 24%, на луга

¹ *Пильевич О.* Херцеговина између два светска рата // Босна и Херцеговина од средњег века до новијег времена. S. 111.

² *Димић Љ.* Културна политика. Први део. С. 181.

³ *Благојевић О.* Економска мисао у Босни и Херцеговини. С. 149.

⁴ Там же. С. 127.

и выгоны — 26%, на плодовые сады — 1%, а остальные 49% были заняты лесами и кустарниками¹.

Нужно заметить, что коллективная собственность, в отличие от личной, находилась в запущенном состоянии. Само село еще не вышло из средневековья. Мусульманин больше верил в личный свой труд, нежели в результаты труда совместного.

В герцеговинском селе в торговле практиковался натуральный обмен. Недостаток денег у крестьянства «порождал» долги. Герцеговинский крестьянин питался кукурузой и картошкой с луком. Масло, сыр, молоко, мед, овощи, фрукты он нес на рынок, чтобы разжиться деньгами и уплатить налоги, купить керосина, мыла и пр. Кредитная политика не удовлетворяла потребностям в торговле и ремеслах, не говоря уже о долгосрочном кредите в промышленности и сельском хозяйстве. Финансовая политика руководствовалась чисто фискальными интересами в ущерб экономическому развитию².

В 1925 г. наступил кризис сельскохозяйственного производства. В 1926 г. — наводнение в Посавине, в 1927 и 1928 гг. — засуха. Филлоксера уничтожила более половины винограда в Герцеговине³.

«Вечная» торговля сливами в Боснии находилась в упадке, вследствие начавшегося экономического кризиса. Среди негативных факторов, влиявших на регресс в сельском хозяйстве, была и монопольная политика государства в производстве табака в Герцеговине: низкие откупные цены разрушали эту многовековую культуру. Тогда на заседании скупщины созыва 1926/1927 г. один из парламентариев, Дервиш Хаджи Осман, всю свою критику обратил на министерство финансов, монопольная политика которого в сфере табаководства в Герцеговине довела до нищенства население (герцеговинцы высаживали примерно 130–140 млн стеблей и производили 4–5 млн кг первоклассного табака. До Первой мировой войны из него делали 42 сорта отличных экспортных сигарет)⁴.

¹ *Благојевић О.* Економска мисао у Босни и Херцеговини. С. 201.

² Напор Босне и Херцеговине за ослобођење и ујединење. Сарајево, 1929. С. 339.

³ Там же. С. 302.

⁴ *Благојевић О.* Економска мисао у Босни и Херцеговини. С. 182.

Относительно других сфер хозяйствования статистика показывала, что в 1927 г. количество различных мастерских, магазинов и прочих заведений осталось на уровне 1913 г. Однако в два раза выросло число питейных заведений. Из 62946 разнообразных предприятий число питейных заведений (каваны и механы) составляло 12 199, т.е. около 20%¹.

Торговля представляла собой конгломерат мелких организаций с мизерным оборотным капиталом. Их хозяева едва могли сводить концы с концами. Приведу одну цифру. В 1921 г. из 271 предприятия (если их можно так называть) всего 28 принадлежали мусульманам. Из 1378 торговых лавок мусульманам принадлежали 324².

Сами ремесла издавна были разделены между мусульманами и христианами. Последние занимались ювелирным делом, трудились скорняками, портными, плотниками, выделывали опанки, седла, одеяла, держали трактиры. Мусульмане были шорниками, мясниками, делали ножи, ружья, содержали харчевни, кофейни³.

Относительно религиозной терпимости следует заметить, что пословица «Брат је мио, које вере био» лукав, но тем не менее нужно подчеркнуть, что преступления на чисто религиозной почве, по утверждению исследователя С. Бокича, были весьма редки. Обосновывая свое мнение, он приводит примеры паломничества мусульман к христианским святыням в Острожский монастырь, к Богородице Чайничской, а влюбленные всех конфессий зажигали свечи в католической церкви св. Анте в Сараево. И еще одно стихотворное подтверждение: Тузлак Алверич «Завешание деда», 1898:

U dolafu moga deda
s desne strane u pretincu,
kad još bijah grješno d'jete
viđah malu ikonicu.
Prikradoh se da razgledam,
Kakva li je na njoj slika,
Vješe srebrom optočena
Slika Đurđa mučenika.

На чердаке у деда
с правой стороны на полке
я, когда был еще ребенком,
Видел малую иконку.
Подошел поближе, чтобы ее рассмотреть,
Какая там картинка
В серебряной рамке.
И увидел мученика Георгия.

¹ Напор Босне и Херцеговине. С. 338.

² *Purivatra* A. Jugoslovenska muslimanska organizacija. S. 365.

³ Напор Босне и Херцеговине. С. 362.

Ja to onda nisam znao.
Zazir'o sam od aždaje,
Al' s aždajom ko se bori,
Osjeć'o sam, junak da je.
Samo zato, samo zato,
Ja poljubih tog čovjeka.
Đed uniđe — ja se zbunih
A on reče: 'Neka, neka!
Istog Đurđa, ljubili su
Naši preci ko svečari,
Pa zar da jađunah ljubnut
Što ljubljahu naši stari.
Al' ti n'jesi poljubio
Samo hader — ilijaza,
I poljupce si poljubio
Svojih rahmet praotaca'.
Tako đedo, al' on ode
Već odavno s ovog sv'jeta,
A ja čuvam ikonicu
Pored drugih amaneta.
Al' ja zato, Alah-ikber,
Čvrsto s držim svog mezheba,
A mezheb mi ništ' ne smeta
Da srbujem kako treba

Я еще не знал, кто это,
Но испугался дракона,
И понимал, что тот, кто
С драконом битву водит — герой.
Поэтому, и только поэтому
Я поцеловал этого человека
Дед вошел и я растерялся
А он сказал: Ладно, ладно!
Этого Георгия целовали
Наши предки, когда еще свечи зажигали,
Не стыдно разок поцеловать
То, что наши старики целовали.
И ты не только поцеловал
Богатыря-героя
Но и те их поцелуи,
Рахмет поцелуи наших праотцов.
Так говорил дед,
Который давно уже покинул этот мир,
А я иконку храню
Вместе с другими заветными вещами
И поэтому Аллах мне помогает,
Потому что у меня есть честь,
А честь мне не мешает
Быть сербом, так как следует быть им.

При этом взаимная терпимость или толерантность между мусульманами и православными была гораздо выше, нежели по их отношению к католикам. Так, исповедующие ислам и ортодоксальные христиане объединялись для совместных протестов против наступления католицизма. Как далее отмечает Бокич, конфессиональные различия на селе, где крестьяне трех вер жили одной жизнью, меньше, нежели в городе.

Нужно лишь внести небольшое уточнение: мусульмане и христиане старались жить отдельно, т. е. сами села могли быть мусульманскими или христианскими. Привычной была закрытость жизни в махаллах, цехах, семьях. Немало насчитывалось и тех, которые просиживали жизнь в кафанах и пивных, всегда готовые мгновенно, не раздумывая, сразу и сейчас отдать себя благородному служению обществу, но через минуту утрачивающие интерес к тому, чему готовы были отдать себя. Встречались и такие интеллектуалы, для которых крестьянин — лентяй и вор, а лю-

бая общественная деятельность всегда неблагодарна и безрезультатна заранее¹.

В Боснии и Герцеговине действовали занимавшиеся урегулированием семейных и имущественных отношений мусульман шариатские суды, находившиеся под защитой финансировавшего их государства. Согласно закону, такой суд мог действовать в районе (срезе) с населением в 5 000 мусульман. Самостоятельность мусульман проявлялась и в распоряжении известными всем вакуфами, точнее, получаемыми от них доходами, которые шли на религиозные, религиозно-просветительские, гуманитарные цели. Имамы строго следили за жизнью каждого мусульманина — от рождения до кончины: женщины должны были носить фередж (чадра), мужчины — феску, запрещались браки с лицами других вероисповеданий, потребление алкоголя, ростовщичество.

Обилие природных богатств края: гидроресурсы, дерево, камень, уголь, железо и др. руды, наличие уникальных природно-климатических зон для виноградарства и табаководства все же позволяли крестьянину при общей патриархальности ведения сельского хозяйства держаться «на плаву».

Хотя, повторяю, трудностей хватало: в 1926 г. количество крупного рогатого скота было чуть больше половины того, что было в 1896 г. Имелись и положительные сдвиги: деревообрабатывающая промышленность после кризиса находилась на подъеме. «Успехи» в рубке леса можно проиллюстрировать следующими цифрами: с 1895 г. до 1936 г. лесные площади сократились на 260 тыс. га².

Горнодобывающая отрасль хозяйствования связывалась с добычей железной руды, которой к концу 1930-х гг. добывалось около 250 тыс. тонн. Работали и угольные шахты: на исходе того же времени выдавалось на гора 1100 тыс. тонн³.

Однако следует заметить, что высокая себестоимость и низкое качество угля вызывали необходимость его закупок за границей⁴.

Одним из показателей технического прогресса того времени служили железные дороги. В Боснии и Герцеговине он был невы-

¹ Напор Босне и Херцеговине. С. 362–364.

² *Благојевић О.* Економска мисао у Босни и Херцеговини. С. 201–202.

³ Там же. С. 201.

⁴ Там же. С. 128.

сок. За двадцать с небольшим лет было построено лишь несколько линий, как например, Босанска Крупа — Бихач, Требинье — Билеча, Устипрача — Фоча.

Безусловно, для развития промышленности нужны были деньги, но их не было, как и охотников вкладывать в нее свои средства. В основном наблюдалось развитие отраслей начальных степеней переработки. Здесь могли бы сыграть свою роль банковские инвестиции. На 31 декабря 1923 г. в Боснии и Герцеговине насчитывалось 37 сербских банков с общим капиталом в 138 524 млн динаров, 11 — мусульманских с капиталом в 48 053 млн динаров, 9 — хорватских, 2 — еврейских с капиталом в 19.097 млн динаров, 35 остальных с капиталом в 266 578 млн динаров. При этом мусульмане держали деньги в основном в своих банках. Хотя одно время было и исключение — Первая хорватская сберегательная касса, имевшая свои филиалы в Боснии и Герцеговине. Она на льготных условиях предоставляла кредиты мусульманам — предпринимателям, содействовала в учреждении мусульманских денежных институций¹.

Безусловно, это можно считать одним из путей осуществления влияния Хорватии в Боснии и Герцеговине. Значительную роль в хозяйственной жизни Боснии и Герцеговины играли евреи, сосредоточившие в своих руках большую часть средств. Вкладывая их в рентабельные предприятия, они поддерживали в какой-то степени тех, кто эти капиталы создал своим физическим трудом².

Грамотных было мало.

Просвещение населения подвигалось с большими трудностями: не хватало ни денег, ни школ для ликвидации неграмотности, особенно среди женщин (В Боснии и Герцеговине 99, 68% мусульманок было неграмотными, т. е. только каждая трехтысячная мусульманка владела грамотой³.)

Достаточно сказать, что в конце 1920-х гг. одна школа приходилась на 3 000 жителей, а 4/5 жителей не имели и начального образования⁴.

¹ *Purivatra A.* Jugoslovenska muslimanska organizacija. S. 364—365.

² Напор Босне и Херцеговине за ослобођење и уједињење. С. 363.

³ *Пиљевих О.* Херцеговина између два светска рата // Босна и Херцеговина од средњег века до новијег времена. S. 115.

⁴ *Благојевић О.* Економска мисао у Босни и Херцеговини. С. 129.

В 1928 г. на конгрессе мусульманских интеллектуалов И. Шильяк, говоря о положении детей в Боснии и Герцеговине, подчеркнула тот факт, что из 23 тыс. безнадзорных детей — две трети мусульмане¹.

Преподавателей готовили три мужские учительские школы в Сараево, Баялуке и Мостаре, одна женская — в Сараево (там же была открыта и женская католическая школа и находились два мусульманских учебных заведения). В 1930-х гг. в стране было основано еще несколько педагогических училищ. Действовали и профессиональные школы, в частности, училище в Тузле, выпускавшее слесарей-механиков. В Сараево и Брчко находились две торговые школы, громко именовавшиеся академиями².

К концу 1928 г. в аграрных Боснии и Герцеговине было всего лишь две сельскохозяйственные школы³. Для получения университетского образования надо было ехать в Белград, Загреб, Люблян или в другие страны, в Австрию, например.

Тем не менее, нельзя сказать, что культура без университетской профессуры и студенчества еле теплилась в условиях патриархальной замкнутости мусульманской среды. В городах худо-бедно выходили газеты, журналы, были открыты театры и кинозалы. В 1926 г. в Сараево была основана действовавшая под опекой государства Мусульманская молодежная организация «Осман Джикич», насчитывавшая до 700 человек⁴. Действовали культурно-просветительные общества: для сербов — «Просвета» («Просвещение»), для хорватов — «Напредак» («Прогресс»), для мусульман — «Гайрет» (слово многозначно: например, можно перевести как «Усердие» или «Бодрость»), определявшееся как сербско-мусульманское культурно-просветительное общество.

Цель «Гайрета» состояла в том, чтобы оказывать помощь в получении образования мусульманской молодежи в средних школах и в университетах. В 1923 г. королевский дом Карагеоргиевичей взял это общество под свое покровительство, назначив престолонаследника Петра его протектором.

¹ *Purivatra A.* Jugoslovenska muslimanska organizacija. S. 367.

² *Благојевић О.* Економска мисао у Босни и Херцеговини. С. 129.

³ Напор Босне и Херцеговине за ослобођење и ујединење. С. 299.

⁴ *Filandra Š.* Вошњајска политика. С. 97.

Но... в 1924 г. в Сараево возникло новое культурно-просветительское общество «Народна узданица» («Народная опора»), которое не желало ориентироваться на сербство, вследствие чего было запрещено властями, опасавшимися, что его деятельность будет мешать осуществить «сербизацию» мусульман через «Гайрет»¹.

Здесь надо отметить и своеобразную замкнутость мусульманского мира. «Мы, мусульмане Югославии, — подчеркивал муфтия М. Мехич, обращаясь к своим единоверцам, — а в особенности из Боснии и Герцеговины, должны сознавать то положение, в котором находимся. Мы — исламская стража в Европе. Тем самым повышается ответственность нашей роли и тяжесть задачи. Иначе говоря, наша задача двойка: во-первых, сохранить свое внутреннее духовное и культурное единство и решить целый ряд культурных, национальных и экономических вопросов, тем самым оправдать название самых культурных мусульман. Другая задача состоит в том, чтобы своими делами показать Европе ислам в свете истины, так как она находится на перекрестке в поисках нового сознания и ориентации жизни. И обе задачи мы выполним, если вернемся к моральной жизни, труду и активности, если вернемся к исламу. В труде за исламское благо должны соединиться крестьянин с гражданином, провинциальный рабочий с интеллектуалом... будем храбрыми мусульманами, и победа будет за нами»².

Но нельзя сказать, что мусульманства не коснулось дыхание реформ, проведенных в кемалистской Турции. В начале 1928 г. в Сараево мусульманскими интеллектуалами было основано общество «Реформа». Однако даже уверения реформаторов в необязательности фереджа и фесок вызывали яростные протесты фундаменталистов, которых было большинство. В 1936 г. они подвергли жесткой критике книгу М. Мулалича «Ориент на Западе», в которой автор обвинял имамов, дервишей и ходжей в неверном толковании Корана, призывая своих единоверцев пойти вместе с Европой по пути прогресса, чтобы не остаться «последним музеем Оrients»³.

¹ *Purivatra A.* Jugoslovenska muslimanska organizacija. S. 164–165.

² *Глигоричевић Б.* Између православља и католичанства — Ислам у Југославији 1919–1941 // Ислам, Балкан и велике силе (XIV — XX век). Београд, 1997. Међународни научни скуп 11–13 децембар 1996. С. 448.

³ Там же. С. 448–449.

Неудача реформистов, как подчеркивает сербский историк Б. Глигориевич, была обусловлена общей атмосферой отсталости — экономической и культурной, хотя понятие «отсталый» неприменимо к культуре. При этом следует отметить, что авторитет Реис-уль-улемы Чаушевича, поддерживавшего реформистов, осуществившего перевод Корана с арабского на сербохорватский, что было святотатством в глазах фундаменталистов, неуклонно падал. В 1930 г. его преемником был избран ходжа Хафиз И. Маглайлич, которого в 1938 г. сменил Ф. Спахо, брат мусульманского лидера М. Спахо. Оба верховных руководителя мусульман были сторонниками «подлинного ислама», т. е. фундаменталистами. В мусульманском обществе все больше утверждалось мнение о том, что реформированный ислам — не ислам¹.

Теперь о политике. В первое правительство новообразованного Королевства СХС вошли три представителя Боснии и Герцеговины: У. Круль — от сербов, Т. Алаупович — от хорватов, М. Спахо — от мусульман. При этом в политической жизни сербы, как и везде, выступали за «Великую Сербию», хорваты — за федеративное устройство страны, лидер мусульман М. Спахо — за автономизацию королевства.

В складывавшейся ситуации, когда политические страсти угрожали единству страны, сербский король решил на введение в стране диктаторского режима. 6 января 1929 г. Александр Карагеоргиевич выступил с соответствующим манифестом, в котором парламентаризм обозначил как явление, которое «начинает доводить до духовного распада и народного разъединения». Высшей целью своего правления и высшим законом страны Александр назвал народное единство и государственную целостность. В итоге Конституция была практически ликвидирована, запрещены политические партии и общества, самоуправление сведено к нулю, распущена скупщина. Свои действия король оправдывал «высшими народными и государственными интересами и их будущностью». (В 1931 г. под давлением Парижа, предоставившего Белграду внушительный заем, Александр «подарил» стране октроированную конституцию.)

¹ *Глигорјевић Б.* Између православља и католичанства — Ислам у Југославији 1919—1941 // Ислам, Балкан и велике силе (XIV — XX век). Београд, 1997. Међународни научни скуп 11—13 децембар 1996. С. 448.

В новое правительство генерала П. Живковича вошли три представителя народов Боснии и Герцеговины — У. Круль, Т. Алаупович, М. Сршкич. Спахо остался в оппозиции вместе с такими сербскими политиками как Б. Чубрилович, М. Тупаньянин, Ч. Коканович. Другие сербы из Боснии и Герцеговины, назову имена А. Шолы, С. Любibrатича, В. Грджича, пошли на сотрудничество с властями.

Замечу, что мусульмане оставались в оппозиции вплоть до образования в 1935 г. Югославянского радикального объединения во главе с М. Стоядиновичем, А. Корошцем и М. Спахо. Этот политический триумvirат правил страной до образования правительства Цветковича — Мачека.

Замечу, что по новому территориально-административному делению Босния и Герцеговина в 1931 г. была разделена на 4 бановины, из них только Врбаска была в основном боснийской по своему составу населения, за исключением нескольких хорватских срезгов (районов). Три остальные: Дринская, Приморская и Зетская включали в себя земли других краев и народов.

Огромную роль в политической жизни мусульман в Боснии и Герцеговине играла уже упоминавшаяся ЮМО и другие различные общества, ставившие целью защиту прав мусульман.

О необходимости политического объединения боснийцев, подверженных притеснениям и злоупотреблениям властей, впервые высказалась группа «Эль-Камер». На сараевской встрече интеллигенции различных политических убеждений и направлений была выдвинута как первостепенная идея издания газеты, политической, объединяющей народ, политически его воспитывающей и информирующей¹.

В 1920-х гг. в политической жизни Боснии выкристаллизовались три течения.

Представители первого через свою газету утверждали, что «единственная держава всех южных славян основана на широких демократических принципах с монархической формой и династией Карагеоргиевича». Они были приверженцами преимущественного использования принципа автономии в государственном административно-территориальном устройстве в форме, например, французских департаментов.

¹ *Filandra Š.* Bošnjačka politika. S. 66.

Второе течение представляла группа, сложившаяся вокруг газеты «Време», которая выступала за государственное единство. Она придерживалась мнения о том, что боснийцы будут «от всего сердца» участвовать «в свободном демократическом строительстве единой державы сербов, хорватов и словенцев, которая актом от 1 декабря 1918 г. провозглашалась единым королевством под народной династией Карагеоргиевичей».

Третье течение составляла тузланская мусульманская организация муфтия Хафиза Ибрахима эфенди Маглаича. Она поддерживала народное единство сербов, хорватов, словенцев в единой державе Югославии на основе декларации от 1 декабря 1918 г. и выступала за сохранение существующих краевых границ с их автономными представительствами и особыми краевыми управлениями, если оно не затрагивает государственного единства.

Итак, все три были за монархию и ее единство, различия наблюдались в уровне самостоятельности краев. При этом подчеркивалась необходимость строительства организации на конфессиональной основе, так как «народ не осознает своего племенного имени»¹.

М. Спахо в 1923 г. писал «Многие упрекают, что мусульмане Боснии и Герцеговины объединились в одну политическую партию, и придали ей конфессиональную окраску. Это делают особенно те, кому недостаточно известны обстоятельства возникновения и развития нашей организации. Хотя сразу в начале создания нашего государства был объявлен принцип полного равноправия всех граждан без учета вероисповедной и племенной принадлежности, хотя этот принцип позже внесен в основной закон нашего государства, он у нас не применялся, и мы должны были сразу в начале нашей государственной жизни почувствовать, что этот принцип для нас не действует. Ни жизнь, ни имущество, ни личная свобода, ни даже религиозные святыни мусульман, ни тогда, ни сейчас, не были защищены в должной мере в правовом государстве. Все это было главными причинами возникновения нашей организации в 1919 г.»²

Национальный вопрос был самым проблематичным в ЮМО. Была принята правительственная теория о тройственном народе

¹ *Filandra Š.* Воšnjačka politika. S. 68, 69.

² *Ibid.* S. 70.

и тем самым взят курс на «национализацию» мусульман в сербском или хорватском, даже словенском смысле. В программе ЮМО в первом пункте говорилось: «Работа в этом направлении должна базироваться на терпимости и осмотрительности, миролюбии и эволюции. И поэтому мы против всякой бездушности и страстности, а особенно против насилия и ... племенного имени. Будем сближаться, но никоим образом не делиться. Югославизм считаем наиболее удачным средством сближения и единения»¹.

В то же время мусульманство ощущало свою особость и необходимость политической организации для защиты своих интересов.

Руководство ЮМО четко заявило: «Мы, мусульмане, хотим, прежде всего, объединиться как мусульмане, чтобы с нами считались как с сильной общностью, которую должно всегда уважать и которая не даст топтать свои интересы»².

Однако во время принятия Конституции боснийцы не посмели пойти на прямую конфронтацию с Белградом со своими требованиями краевого устройства государства, территория которого делилась бы на Сербию, старую Сербию с Македонией, Боснию и Герцеговину, Хорватию и Славонию с Истрой и Меджумурьем, Черногорию с Бокой и Приморьем, Далмацию, Срем с Бачкой и Словению с Прекомурьем³.

В письме к Н. Пашичу говорилось, что мусульмане готовы рассматривать правительственное предложение по решению внутреннего устройства государства с условием, «чтобы была сохранена компактность территории, населенной мусульманами»⁴.

Целостность боснийско-герцеговинской территории по ст. 135 Видовданской конституции была самой большой компенсацией мусульманам Боснии и Герцеговины за сотрудничество в принятии основного закона.

По Конституции королевство было поделено на 26 областей, только Босния и Герцеговина остались в прежнем состоянии.

Спахо утверждал, что ЮМО пошла на компромисс, оставив в стороне идею автономии, потому, что в противном случае Босния

¹ *Filandra Š.* Воšnjačka politika. S. 70.

² *Ibid.* S. 71.

³ *Ibid.* S. 79–80.

⁴ *Ibid.* S. 77–78.

и Герцеговина подлежали бы разделу: одна часть отошла бы в Славонию, Срем или в Мачву, другая — в Лику, третья — в Далмацию и Черногорию. Все это было чревато тем, что мусульмане бы растворились в других народах¹.

К 1922 г. стал ясно виден раскол внутри ЮМО по вопросу сотрудничества с Белградом. Группа Маглаича из девяти человек, вышедшая вначале во фракцию, а потом в Югославскую мусульманскую народную организацию (ЮМНО), была за сотрудничество с правительством, считая это политически выгодным для Боснии и боснийцев.

М. Спахо придерживался другого мнения. ЮМО постепенно приходила к убеждению, что сербы боролись за нейтралистское устройство не для усиления державы, а с целью обеспечения своей власти: «Полное господство сербов во всех государственных институтах, покровительство православию, ... возбуждение политических судебных процессов против мусульман, ухудшение экономической ситуации — это только некоторые причины, которые не позволяют Югославской мусульманской организации участвовать в правительстве»².

ЦК ЮМО на своем заседании от 14 апреля 1922 г. подтвердил позицию Спахо и его сторонников о «возвращении к автономистской программе во внутреннем устройстве государства»³.

В этой ситуации, в условиях отказа от сотрудничества с правительством и, соответственно, проведения соглашательской политики с сербами, ЮМО должна была искать новых союзников. При этом ее конкурент — ЮМНО — была не согласна с оценкой своего курса как централистского. Централизм для большинства мусульман Боснии и Герцеговины означал прорежимную, просербскую деятельность. Сам Спахо для них выступал как ревизионист, деятельность которого способствовала хорватскому сепаратизму, а не боснийцам.

Маглаич же считал, что ЮМО с хорватским блоком «не может слиться ни в тактике, а тем более в политических целях». Он писал далее: «Они в огромном большинстве республиканцы, а мы монархисты. Они углубляют пропасть между сербами и хор-

¹ *Purivatra A.* Jugoslovenska muslimanska organizacija. S. 93.

² *Filandra Š.* Bošnjačka politika. S. 83.

³ *Ibid.* S. 84.

ватами, а мы бы хотели ее засыпать. Наша программа говорит о трех племенах одного народа, а они о трех народах. Наша политика югославская: осуждает сербский экстремизм и не направлена против хорватов, в то время как их политика все больше антисербская»¹.

Однако ЮМНО была слишком малочисленной и не обладавшей влиянием ЮМО: в 1923 г. ЮМНО терпит неудачу на выборах и сходит с политической сцены.

Тогда же в королевстве оформился блок федеральных сил с целью ревизии Конституции и переустройства государства в федерацию.

Мусульман Боснии и Герцеговины, словенцев и хорватов в нем представляли Спахо, Корошец и Радич.

Тактика Спахо, поставившего во главу угла достижение автономии, заявления на эту тему, — все это вызывало болезненную реакцию у политических его оппонентов.

Так, профессор Д. Тунгуз-Перович подчеркивал, что православные сербы боролись не за «какие-то ерундовые автономии», а (если расшифровывать туманный смысл его фразы) за присоединение Боснии и Герцеговины к Сербии и Черногории. Он предупреждал Спахо, что национальная история Боснии и Герцеговины покоится исключительно на «православном элементе, который единственно национально определен», что «Сербия давала полтора миллиона жизней своих лучших сыновей не за автономию Боснии и Герцеговины», а за их освобождение и кратчайший путь через их территории к Адриатическому морю².

В 1935 г. образовалось Югославское радикальное объединение (ЮРО), в которое вошли сербские радикалы, словенская народная партия и ЮМО.

Фактически и формально все три партии должны были быть распушены, их члены призывались войти в ЮРО.

В стороне оставались лишь хорваты, которые не желали «идти в ногу» с Белградом.

Причина соединения, по романтическому высказыванию М. Спахо, заключалась в необходимости «внести мир и взаимную

¹ *Filandra Š.* Bošnjačka politika. S. 85.

² *Purivatra A.* Jugoslovenska muslimanska organizacija. S. 146.

любовь между находящимися до настоящего времени в ссоре братьями»¹.

По сути, боснийцы поддерживали идею югославизма, так как она ослабляла, по их мнению, сербский и хорватский национализм.

В то же время противники Спахо увидели в роспуске ЮМО отступление от священной идеи автономии Боснии и Герцеговины. Начались протесты.

В частности, 27 декабря 1935 г., на праздник байрама, оппозиция приняла «Байрамское заключение мусульманской организации».

Программные тезисы будущей мусульманской организации включали в себя такие положения, как осуждение поступка М. Спахо, вошедшего в правительство М. Стоядиновича, осуждение ликвидации ЮМО и ее вливание в ЮРО. Одновременно в тексте подчеркивалось, что мусульмане будут содействовать быстрейшему урегулированию отношений между сербами и хорватами под общим «народным лидерством» В. Мачека. Этот документ подписали 63 человека, из которых только 9 принадлежали к интеллигенции, остальные — крестьяне, торговцы, ремесленники и др.²

Тем самым обозначено четкое сотрудничество между Хорватской крестьянской партией Мачека (ХКП) и Мусульманской организацией (МО). В конце 1936 г. МО вошла в качестве особой единицы в ХКП. Главная цель МО была в достижении автономии Боснии и Герцеговины и расширении базы своих сторонников и недопущении растворения в ЮРО. Она выступала за отмену централистской конституции и прием такого основного закона, по которому каждый народ, каждый край мог иметь свое управление³.

Иными словами федерализм должен был прийти на смену унитаризму. Среди требований МО, ставшей копией ХКП, можно отметить пересмотр правил по изъятию земли, лесов, пашен у мусульман, уважение мусульманских вероисповедных факторов. Все

¹ *Filandra Š. Bošnjačka politika. S. 103.*

² *Begić D. Akcije muslimanskih građanskih političara poslije skupštinskih izbora 1935 godine // Godišnjak društva istoričara Bosne I Hercegovine. Godina XVI, Sarajevo, 1965. S. 176, 177.*

³ *Ibid. S. 179.*

это соседствовало с лозунгами свободы, равенства, правды, демократии без разницы в вере и племени¹.

Сам Спахо и его сотрудники оценили создание МО ХКП как «несерьезную попытку»².

В дальнейшем, среди представителей мусульманских политических сил отчетливо стали проявляться провалы между обещаниями и реальностью. Так, МО ХКП официально не участвовала в движении за автономию Боснии и Герцеговины³.

В августе 1939 г. между премьером Югославии Д. Цветковичем и представителем Хорватии В. Мачеком с согласия принца-регента Павла было достигнуто давно желанное хорватами соглашение о создании новой бановины Хорватии, в состав которой вошли 13 босанско-герцеговинских срезоз (районов). Их площадь составляла 11403 кв. км с населением 616997 человек. 144 тыс. мусульман из Дервенты, Травника, Фойницы и др. мест оказались вне границ Боснии и Герцеговины. Часть, которая осталась вне Хорватской бановины, должна быть стать жупанией в рамках Сербской бановины с центром в Крагуевце.

Это был первый раздел Боснии и Герцеговины, которым не были довольны ни сербы, ни мусульмане. Сюда добавлю, что пассивность МО ХКП после присоединения части боснийско-герцеговинской территории Хорватии не содействовала распространению ее влияния среди сонародников, что понятно, т. к. в противном случае был бы ущемлен Загреб.

Позиция же ЮМО в оценке этого соглашения отличалась некоторой непоследовательностью. По сути, для нее это могло выглядеть как некий переходной этап на пути окончательного разрешения вопроса. Однако, несколько позднее, отношение к договору претерпело изменение: сдержанность уступила место озлобленности, вызванной разделом Боснии и Герцеговины между сербами и хорватами без учета интересов мусульманского населения⁴.

После отставки премьер-министра М. Стоядиновича, бывшего инициатором создания Югославского радикального объединения, в новое правительство Д. Цветковича вошел от Боснии Д. Кулено-

¹ *Begić D.* Akcije muslimanskih građanskih političara. S. 180.

² *Ibid.* S. 183.

³ *Ibid.* S. 187.

⁴ *Donia R.J.* Sarajevo: biografija grada. S. 192.

вич, о котором говорили, что он хорватский националист и человек из окружения В. Мачека. (После смерти Спахо в 1939 г. он был единогласно избран его преемником в Югославском радикальном объединении. В Независимом государстве Хорватия (НГХ) назначен зампредом правительства и занимал этот пост до 1945 г. Эмигрировал в Сирию, умер в 1956 г.). Вначале Куленович старался подчеркнуть свою некую преемственность курсу, проводившемуся Спахо. Новый лидер мусульман Боснии и Герцеговины в своем заявлении от 6 ноября 1939 г., в связи с соглашением Мачека — Цветковича, подчеркнул необходимость создания связующей сербов, хорватов и словенцев четвертой территориальной единицы для боснийцев, которая, находясь в старых границах Боснии и Герцеговины, стала бы своеобразной гарантией сохранения и упрочения Югославии, «Пьемонтом югославянства»¹.

Д. Куленович убеждал мусульман, что в будущем Босния и Герцеговина получат особый статус.

Свое отношение к соглашению имело и население Боснии и Герцеговины. В Сараево 24 ноября 1939 г. было выдвинуто требование автономии в исторических границах Боснии и Герцеговины, в которых гарантировалась бы полное равноправие всех жителей².

«Гайрет» также поддержал автономистов, подчеркивая, что «соглашение сербов и хорватов не будет праведным и полным, если миллион мусульман славянской крови и языка не будет удовлетворен»³.

20 ноября в Тузле образован инициативный комитет по организации движения за автономию. 25 ноября на встрече в Травнике мусульмане поддержали идею об автономии. Банялука последовала их примеру⁴.

30 декабря 1939 г. при участии Куленовича состоялись два совещания влиятельных горожан Сараево, итогом которых стал выбор инициативного комитета Мусульманского движения за автономию Боснии и Герцеговины. Одновременно было принято решение об основании самого движения как национальной и надпартийной организации.

¹ *Filandra Š.* Воšnjačka politika. S. 107.

² *Ibid.* S. 107–108.

³ *Ibid.* S. 111.

⁴ *Ibid.* S. 113.

Сербы, еще раз подчеркну, были резко против автономного статуса Боснии и Герцеговины, считая их земли сербскими. В этой связи следует затронуть деятельность Сербского культурного клуба (СКК), чей статус был официально утвержден в январе 1937 г. Духовными творцами СКК были белградские сербы из Боснии и Герцеговины — В. Чорович, историк, профессор философского факультета, Д. Грджич — культурный и общественный деятель. Причем деятельность СКК наиболее активно развернулась в пограничных областях, где сербство — его национальный и духовный компоненты — было подвержено «чуждым влияниям». И здесь территория Боснии и Герцеговины с ее доминирующим сербским населением представляла для деятелей СКК своеобразный щит от «поползновений» того же Загреба.

В 1941 г., после распада Югославии, Босния и Герцеговина были включены в состав Независимого государства Хорватия, а мусульманские лидеры в усташское правительство в Загребе. Италия по соглашению с НГХ заняла Герцеговину, хотя формально вся территория Боснии и Герцеговины вошла в Хорватию. Некоторые части Боснии и Герцеговины вошли в состав жупаний, центры которых находились на других территориях. Только в трех жупаниях главами администрации — великими жупанами — были мусульмане — боснийцы. Примерно такая же ситуация была и в других государственных органах власти¹.

Мусульман Боснии и Герцеговины новые власти считали «хорватами исламского вероисповедания». Один из лидеров усташей — министр богословия и просвещения М. Будак заявлял, что боснийские мусульмане в расовом отношении самые чистые хорваты. В газете «Hrvatski narod» от 28 мая 1941 г. говорилось: «Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы увидеть, что Хорватия, Славония и Далмация — лишь края исторической Хорватии, сердце которой — Босния и Герцеговина»².

Но были и другие «откровения»: усташская политика, по словам фратера (церковнослужителя) Б. Брале, сказанными в Зенице в марте 1942 г., сводилась к следующему: «Мы с винтовкой и ножом

¹ Романенко С.А. Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. М., 2000. С. 83.

² *Filandra Š.* Воšnjačka politika. S. 158–159.

в руках истребляем биологических сербов, и нам удалось с нашей мудрой политикой добиться, чтобы сербы истребляли мусульман. Остаток мусульман мы сами ликвидируем»¹.

Однако вначале многие мусульмане поддержали усташей, так как ожидали, что они дадут Исламской религиозной общине автономии, как это сделали Габсбурги в 1909 г.

Мехмед Ханджич, председатель общества ведущих исламских религиозных служащих El-Hidaje, выразил надежду на статус автономии, когда в апреле 1941 г. приветствовал НГХ. В июле того же года члены El-Hidaje вручили Миле Будаку меморандум, в котором содержалась просьба предоставить боснийским мусульманам широкую религиозную и культурную автономию. 7 августа главе НГХ Анте Павеличу был вручен проект статута Исламской общины. Бумага проследовала в соответствующую комиссию, где изучалась долгое время, но каких-либо результатов не выдала.

Впрочем, пыл, с которым был встречен усташский режим, начал угасать по мере преступлений, творимых усташами. Не следует забывать и то, что рост усташского насилия над населением, прежде всего сербского, вызывал тревогу у мусульман, опасавшихся, что они в свою очередь станут жертвами сербского отщепенца.

Осенью 1941 г. мусульманские лидеры заявили министру внутренних дел НГХ Андрею Артуковичу во время его посещения Сараево, что они хотят «мирно жить» с остальными верующими, так как «бешенство и мщенье в наибольшей степени обрушились бы на самих мусульман».

На годовом собрании El-Hidaje от 14 августа 1941 г. было принято обращение к властям о прекращении насилия, введении законности, порядка, обеспечения безопасности и осуждении тех безответственных мусульман, которые замешаны в нем².

Можно сказать, что новая власть хорватов многими мусульманами воспринималась «летаргично», как очередная чужая власть. Но это звучало бы слишком просто. Были «просербски» настроенные мусульмане как Авдо Хасанбегович, д-р Хамдия Карамехмедович. Для некоторых мусульманских лидеров, как Заим Шарац, Хусо

¹ *Filandra Š.* Bošnjačka politika. S. 159.

² *Donia R.J.* Sarajevo: biografija grada. S. 213

Бркич, Смаил Чемалович, характерной считалась антиушташская, антинемецкая настроенность¹.

Но встречались и такие, которые еще раньше национально определились как хорватские боснийцы, поступившие на службу новому государству. Так, братья О. и Д. Куленовичи входили в узкий круг руководителей правительства. Боснийцы занимали министерские посты, заседали в парламенте. Председателем Верховного суда в 1944–1945 гг. был А. Угльен.

Многие боснийцы возлагали большие надежды на то, что с основанием НГХ будут созданы условия для свободной духовной, экономической и политической жизни. Отличным показателем настроений боснийской интеллигенции служили прохорватские публикации, воспевавшие «свободную Хорватию».

М. Ханджич, выступая от имени Исламской религиозной общины, заявил: «Неограниченная Божья воля хотела нам в эти бурные военные времена предоставить в виде благодати Независимую державу Хорватию... и хотя мусульмане в Югославии как государствообразующий элемент показывали полную лояльность, но всегда рассматривались как граждане второго сорта», на них смотрели «как на каких-то иностранцев, от которых любим способом нужно избавиться»².

Были и другие мнения и оценки происходившего. В воззвании Мусульманского народного комитета в Сараево 1 декабря 1941 г. утверждалось: «1. Мусульмане не принимали участия в создании ушташского государства, которого они не желали, но приняли как меньшее по сравнению с рабством зло. 2. Мусульмане свое возмущение против ушташских насилий и кровавых преступлений, которые и они терпят, публично высказывали в многочисленных письмах, резолюциях». Подчеркивалось, что ни горстка мусульманского сброда, находящегося в ушташских колоннах, ни участие некоторых интеллектуалов в ушташском движении не могут послужить причиной для того, чтобы взвалить всю ответственность на всех остальных «невинных и чистых мусульман»³.

¹ *Hurem R. Pokušaj nekih građanskih muslimanskih političara da Bosnu I Hercegovinu izdvoje iz okvira Nezavisne države Hrvatske. // Godišnjak društva istoričara Bosne I Hercegovine. S. 192.*

² *Filandra Š. Bošnjačka politika. S. 161.*

³ *Ibid. S. 163.*

В 1941 г. получил широкую известность документ «Мусульманские резолюции» — антифашистские протесты боснийского населения из многих мест, например, Сараево, Биелины, Приедора, Зеницы, Тузлы, Мостара, Баялуки. Эти «резолюции» возникли как способ выражения «недовольства большинства мусульман фашистской системой национальной, вероисповедной и расовой дискриминации»¹.

В НГХ, в ужасе многие боснийцы видели оккупационный, преступный режим. Дополнительную остроту ситуации придавали политизированность, раскол, разделение общества. Национальная и государственная идея покрывались «туманом», чтобы дать импульс к борьбе. Боснийцы во время войны боролись зачастую за физическое выживание. Их объединял страх за свое существование. Мусульмане страдали и от четников, итальянцев, немцев, «черного интернационала». Властвовала политическая раздробленность. Боснийцы входили в усташские формирования, мусульманские легии и в милицию, в партизанские отряды, даже в четнические силы и пр. И, соответственно, в усташских частях они сражались за сохранение этнически чистой НГХ, в четниках — за этнически однородную Великую Сербию, в партизанах Национально-освободительного движения — за освобождение страны от иностранных оккупантов и коллаборационистов, в мусульманской милиции — за оборону своего физического и духовного бытия. Не было только вооруженной борьбы за Боснию и Герцеговину.

Тем не менее, 26 августа 1942 г. на конференции большинства боснийских объединений и организаций граждан был создан комитет «Народного спасения» для поиска методов и средств выживания. Непосредственным поводом для основания комитета послужило убийство четниками в 1942 г. нескольких тысяч мусульманских гражданских лиц в Фоче. Это событие показало еще раз незащищенность мусульман в НГХ.

Именно четнические ужасы заставляли боснийцев создавать свои вооруженные организации для физического выживания — «мусульманские милиции» — А. Хашича и Х. Гонджича около Кладня, Хаджиефендичева легия в Тузле, Ченгичева милиция в Фоче, Д. Тановича в Гацко, Э. Субашича в Горажде и Чайниче и т.д.².

¹ *Filandra Š. Bošnjačka politika*. S. 183.

² *Ibid.* S. 179.

Велся поиск сторонников среди немцев, итальянцев, особенно среди исламских народов. Центральной задачей в тех условиях стали сбор сведений о преступлениях против боснийцев и информирование мировой общественности. Через правительства исламских государств, особенно Египта, «Комитет спасения» хотел привлечь внимание западных держав на страдания боснийцев и просить помощи. В частности, была установлена связь с иерусалимским муфтием Эль-Хусейном, через которого были переданы материалы о страданиях боснийцев египетскому королю Фаруку, королю Аравии Абдул-Азиз Сауду, имаму Йемена Яхью и главе египетского кабинета министров Нахас-паше.

Следует отметить, что правительство Египта выделило 20 тыс. египетских фунтов на помощь единоверцам в Боснии. Египтяне также сообщили соответствующую информацию в международный Красный Крест, требуя его вмешательства. Нахас-паша оповестил правительства Великобритании, США, СССР и Королевства Югославии, выступая против убийств невинного мусульманского населения Боснии. Ханджич письменно обращался и к главе Турецкой Республики И. Иненю с просьбой о посредничестве в переговорах с союзническими державами о предотвращении бомбардировки Сараево как пограничного города ислама в Европе. Участник тех событий М. Тральич, оценивая деятельность комитета, выделяет три компонента его работы: 1) через комитет шла информация исламского мира о положении мусульман в Боснии; 2) комитет оказывал материальную помощь, в том числе и в области вооружения, мусульманам, защищавшим свои дома; 3) комитет представлял собой единственную форму организованной самопомощи, что было важно в психологическом смысле, а также имело значение для политического самоутверждения¹.

В ноябре 1942 г. был отослан «Меморандум Фюреру немецкого народа», авторство которого приписывается окружению одного из мусульманских лидеров — У. Хаджихасановича. В тексте излагались «готско/неславянское происхождение» боснийцев, история личности Боснии и нападений на нее», но главное было в просьбе помочь в образовании «Жупы Босны» с центром в Сараево. Ее глава назначался бы Гитлером. Она имела бы свое войско во главе с М. Хаджиефендичем, оснащение которого и обучение солдат бра-

¹ *Filandra Š.* Bošnjačka politika. S. 168.

ла бы на себя Германия. Соответственно, усташская власть в жупе прекращалась. Взамен четырех уступаемых Италии районов на юге Боснии, жупа получала бы выход к морю через Меткович в Плоче. Население жупы включало бы: 925 тыс. боснийцев, 500 тыс. православных сербов, около 225 тыс. хорватов — католиков. Иными словами, планировалось создание многонациональной и поликонфессиональной Боснии с уровнем самостоятельности? как у Павеличевской Хорватии и Недичевской Сербии¹.

Но немцам не нужна была самостоятельная Босния, которую уже получила Хорватия. Единственным результатом этого предложения стало образование в 1943 г. боснийской СС-дивизии, в которой мусульманство видело защиту от тех же четников.

Однако боснийцы будут обмануты и разочарованы немецкой политикой: вербовка в дивизию шла насильно, а ее акции характеризовались «преступными приказами борьбы против других народов, а не задачей защиты своего бытия»².

К 1944 г. дивизия Ханджар практически прекратила свое существование, многие ее бойцы пошли в партизаны³.

Известность получила и инициатива торговца из Тузлы М. Хаджиефендича, который основал и возглавил в самом начале войны Добровольческий домобранский полк численностью в 5–6 тыс. воинов по защите мусульман от четников. В конце войны в ряде боевых операций против «народно — освободительного движения» он действовал с немецкими военными частями⁴.

Здесь можно вспомнить еще один анонимный документ, относящийся к концу 1944 г. и предназначенный, безусловно, для иностранной общественности. В нем подчеркивалось, что Босния — интерконфессиональное государство и только таким может быть. При этом немцы обвинялись в том, что по отношению к мусульманам они не показали ни понимания, ни внимания. Утверждалось, что под защитой немцев четники в Боснии совершали массовые убийства мусульманских женщин, детей, стариков, разоряли мусульманские села. То же творилось в Герцеговине и в восточной Боснии при попустительстве итальянцев. Утверждалось, что толь-

¹ *Filandra Š.* Воšnjačka politika. S. 174–175.

² *Ibid.* S. 175.

³ *Романенко С.А.* Югославия: кризис, распад, война. С. 86.

⁴ *Filandra Š.* Воšnjačka politika. S. 174.

ко демократический порядок дает возможность жизни и равноправного развития всем национальным, социальным и конфессиональным общностям. При этом особо отмечалось, что деление или присоединение боснийско — герцеговинской территории к сербам или хорватам вело бы к вечной смуте между этими двумя народами¹.

В архивах хранится еще один подобный проект, принадлежащий народному парламентарии, одному из лидеров ЮМО Гавранкапетановичу. Опровергая точку зрения, что Боснией можно управлять только извне, автор писал, что в Боснию приходит извне лишь зло².

Здесь можно вспомнить и проект М. Хаджияхича (1944), переданный в лагерь антигитлеровской коалиции. Там подчеркивалась абсолютная невозможность разделения Боснии и Герцеговины на сербскую и хорватскую области. «Мы утверждаем, — отмечалось в документе, — что боснийцам долгим опытом удалось создать действительно идеальный состав, который ценился в отношениях между конфессиями. Он в слове “комшилук” (соседство, двор), который в Боснии поднят до уровня культа». Как пишет Ш. Филандра, Югославское королевское правительство за рубежом представляло боснийцев как германофилов, членов пятой колонны, слуг оккупантов и пр., а усташи с фотографией А. Павелича с феской на голове — сеяли ложь о равноправии боснийцев. По Хаджияхичу, западные силы должны защитить боснийцев, хотя бы ради своих интересов в исламском мире³.

Во всех этих документах прослеживается тезис о единстве Боснии, единстве в различиях — национальных, конфессиональных.

Безусловно, на территории бывшей Югославии в борьбе против оккупантов и коллаборационистов отличались коммунисты. В коммунистическом движении Босния считалась кузницей братства и единства сербского и хорватского народов. В то же время много было примеров того, что в начале войны боснийские коммунисты, участвуя в народно-освободительном движении, должны были скрывать свое мусульманство. Равным образом коммунисты, использовавшие сербские базы, должны были

¹ *Filandra Š.* Bošnjačka politika. S. 176–178.

² *Ibid.* S. 178–179.

³ *Ibid.* S. 181.

утаивать национальную принадлежность своих командиров — мусульман и хорватов¹.

При этом само движение часто не показывало себя защитником интересов боснийцев, как например в 1941—1942 гг. в северо-восточной Боснии. Но со временем ситуация менялась. На скупщине Антифашистского веча народов Боснии и Герцеговины 25—26 ноября 1943 г. было записано в резолюции, что вече хочет видеть Боснию и Герцеговину свободными и братскими, а их народы «будут равноправно участвовать с остальными нашими народами в строительстве народной демократической федеративной Югославии». В 1944 г. 34 имама Боснийской Крайны в своем обращении к боснийскому народу призвали к партизанскому движению².

Заполучить боснийцев хотели и четники. Судя по программе, выдвинутой на четническом собрании в январе 1944 г., Босния и Герцеговина должны были войти в сербскую федеральную единицу. Для осуществления этого плана начала издаваться газета, в которой Д. Михайлович регулярно обращался к «братьям — мусульманам».

Среди самих боснийцев были и просербски настроенные лица. Так, в Герцеговине ими была создана Мусульманская национальная военная организация, выступавшая за союз мусульман и православных³.

Следует упомянуть здесь и имя М. Пандже. Он известен своим обращением 1943 г. к «Братьям мусульманам», в котором, обвинив усташей в убийстве 150 тыс. боснийцев, он подчеркивал: «Босния и Герцеговина столетиями жили самостоятельной жизнью. Народ без различия вер жил в согласии и в братском мире. Поэтому вернемся в то светлое время, когда жизнь протекала в мире и во взаимной терпимости. Навязанная нам усташская хорватская власть принесла Боснии самое большое несчастье. Сбросим эти ужасные оковы и не будем терпеть усташскую власть. Наше многовековое стремление — автономная Босния, в которой одинаковые права будут иметь все, без

¹ *Иванова В.* Националната идентичност на Босненско-херцеговинските мюсюлмани във ФНРЮ (1946—1961) // Историческо бдеще. София, 2000. С. 53.

² *Filandra Š.* Bošnjačka politika. S. 190.

³ *Ibid.* S. 191.

различия вер, мусульмане, православные и католики. Рвем все связи с хорватами. Босния и Герцеговина требует особое собственное управление до завершения войны, а на будущей мирной конференции будет сообразно воле народов Боснии и Герцеговины определен ее статус». Панджа основал и мусульманское освободительное движение, но его результаты были весьма скромными. Сам он был схвачен партизанами и передан немцам, которые его выдали усташам¹.

За время военных действий на территории Боснии и Герцеговины погибло 179 тыс. человек, из которых 72% составляли сербы, 16, 5% — мусульмане, 4, 4% — хорваты. Спасая свои жизни, покинули Боснию и Герцеговину до 200 тыс. сербов².

Стоит заметить, что уже с начала освободительного движения шли дискуссии о будущем статусе Боснии и Герцеговины.

Одни видели в них автономную область, присоединенную к Сербии или к Хорватии.

Другие — автономное образование, но с меньшими правами, нежели остальные федеративные образования.

Третьи — страну, обладающую тем же статусом, как и остальные, будущие республики, сформированные на национальной основе.

В обсуждении от боснийских коммунистов участвовали Р. Чолакович и А. Хумо, а от имени коммунистического руководства Югославии — М. Джилас, С. Жуйович, М. Пияде.

Боснийская сторона выступала за равноправие Боснии и Герцеговины, другие выходили с предложениями, ограничивающими статус страны.

И.Б. Тито поддержал боснийцев, т. е. республику³.

Тем самым Боснии и Герцеговине была возвращена государственность в «новой свободе».

Выдвинутый Тито лозунг «Братства и единства» стал той этнополитической основой, на которой должен был решаться национальный вопрос. Соответственно, его решали коммунисты многонациональной страны. Прежде всего, надо было определиться: кто есть кто по национальному признаку.

¹ *Filandra Š.* Vošnjačka politika. S. 191–192.

² *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000) М., 2001. С. 220.

³ *Filandra Š.* Vošnjačka politika. S. 187.

Судя по статистическим материалам Боснии и Герцеговины, картина по трем основным национальным группам была такова:

заявили себя по национальности	1948 г.	%	1953 г.	%
сербы	1 136 116	44, 29	1 264 372	44, 41
мусульмане	788 403	30, 73	891 800	31, 32
хорваты	614 123	23, 94	654 229	22, 97 ³

Здесь могу только заметить, что к началу 1950-х гг. мусульмане не были признаны «особой нацией».

Причем, если во время войны, особенно в первые годы мирного времени, для коммунистической фразеологии лозунгов и обращений было характерным перечисление народов Боснии и Герцеговины: «Братья Сербы, Мусульмане и Хорваты» или «Братья Мусульмане», то, судя по статистическому справочнику, вышедшему в 1989 г., в переписи 1948 г. мусульмане шли как «неопределившиеся».

Хотя вопрос более чем сложен: было деление на сербов-мусульман, на хорватов-мусульман, показываемых как сербы или хорваты².

Ислам не мог восприниматься как определитель нации. Коммунисты полагали, что в новых социалистических условиях произойдет дифференциация мусульман в сербскую или хорватскую нацию. Эта позиция базировалась, прежде всего, на большевистской теории о нации, согласно которой религия не может быть основой ее создания.

Родолюб Чолакович, тогдашний председатель правительства в своем экспозе в связи с принятием конституции Народной Республики Боснии и Герцеговины (НР БиГ) в 1946 г. сказал, что в республике живут «части двух югославянских наций, сербской и хорватской и наши мусульмане, которые в своей нации еще не определились национально»³.

¹ См.: *Kratz V. Društveni i ekonomski razvoj Bosne i Hercegovine 1945–1953.* Sarajevo, 2011. S. 75.

² Ibid. S. 73.

³ *Sarač-Rujanac Dž. Odnos vjerskog i nacionalnog u identitetu Bošnjaka od 1980. do 1990. godine.* Sarajevo, 2012. S. 33.

Сюда следует добавить, что, следуя по пути СССР, коммунисты Югославии проводили атеизацию общества, хотя, как обычно, властями декларировались свобода деятельности церкви и свобода совести. Однако декларации и практика мало согласовывались. Шла ликвидация вакуфов, мектебов, текий, дервишских организаций¹.

Ключевую роль в первые послевоенные годы в контроле над религиозными организациями сыграла органы госбезопасности и органы внутренних дел, которые часто в них имели своих агентов². Само поведение клира с 1945 г. власти трактовали как варьирование «от открытой конфронтации с социалистическим обществом..., тихой оппозиции... до стремления осуществить церковно-государственное партнерство»³.

При этом нужно иметь в виду, что ключевую роль в высшем руководящем составе Министерства внутренних дел (МВД) в БиГ между 1945 г. и 1966 г. играли сербы, их было — 87, 1%, мусульман — 9, 9%, хорватов — 2, 7%. В Службе госбезопасности БиГ за все время социалистической системы управления было занято 66, 6% сербов и только 23, 6% мусульман⁴.

Сами власти последовательно и упорно продолжали свой курс, направленный на ослабление влияния ислама.

Эту политику можно увидеть в том, что, несмотря на заявления об уважении к традиционным институциям в области брачного, семейного и наследственного права, республиканская скупщина в 1946 г. приняла закон, которым ликвидировались шариатские суды, в том числе и Верховный шариатский суд при Верховном суде Боснии и Герцеговины. Их функции перешли в ведение народных судов⁵.

Примечателен случай переименования в 1949 г. «Лукаваца мусульманского» в простой «Лукавац». Тогда это было скорее исклю-

¹ Sarač-Rujanac Dž. Odnos vjerskog i nacionalnog u identitetu Bošnjaka. S. 37.

² Ibid. S. 37–38.

³ Ibid. S. 39.

⁴ Goldstein I. Jugoslavija u šezdesetim godinama 20 stoljeć — dileme i rješenja (s posebnim obzirom na Hrvatsku)/ Rasprave o nacionalnom identitetu Bošnjaka — zbornik radova. Sarajevo, 2009. S. 53.

⁵ Kratz V. Društveni i ekonomski razvoj Bosne i Hercegovine. S. 120–121.

чение: в Боснии и Герцеговине насчитывалось свыше 70 населенных мест, имевших в своих названиях национальное или религиозное определение

Несколько позже, в начале 1950-х гг., прошла серия переименований, как например, поселения «Макленовац мусульманский» и «Макленовац хорватский» были объединены под общим названием «Макленовац»¹.

Не могли «обойти своим вниманием» новые власти и деятельность «старых и, следовательно, реакционных по своей идеологии» национальных культурно-просветительных обществ: сербской «Просветы», хорватского «Напредка», мусульманских «Гайрета» и «Народне узданице». После ликвидации последних мусульманское население получило новое культурно-просветительское общество «Препород» («Возрождение»).

Задача новых руководителей сводилась к тому, чтобы использовать общества как своеобразный политический полигон для «перековки» сознания населения. Однако надежда на долговременный успех не оправдывалась.

Так, коммунистические творцы нового «Препорода» на заседании Краевого комитета Коммунистической партии Югославии (КПЮ) по Боснии и Герцеговине подчеркивали следующее: «Мы создали “Препород, который должен представлять собою прочный союз коммунистов и некоммунистов мусульман. Здесь мы должны развертывать свое влияние... В “Препород должны приходить мусульмане борцы, а мы видим кое-где, что он превращается в тормоз мусульман. После победы и успеха дело приходит к упадку, что приводит к тому, что реакционные элементы берут управление в свои руки»².

Захирение деятельности обществ, постепенная утрата связи с массами требовали действий властей. И они были найдены в организации весной 1949 г. единого в республике Союза культурно-просветительских обществ и объединений.

К этому нужно добавить, что «раздельное существование», видимо, мешало выполнению властями контрольных функций, точнее, идее «братства и единства», как единственно верного решения национального вопроса. Сами слабеющие под натиском

¹ Kratz V. Društveni i ekonomski razvoj Bosne i Hercegovine. S. 155.

² Cit. po: Ibid. S. 174–175.

властей оппозиционные силы не были в состоянии вернуть прежнее влияние на народные массы, перед которыми коммунисты рисовали прекрасные картины новой будущей действительности.

15 апреля в официальном органе властей газете «Ослобођење» («Освобождение») заявлялось, что вслед за периодом обновления последовало снижение жизненной энергии трех обществ: «все больше слышались голоса с мест» о желательности слияния обществ в «одно братское общество, так как все люди вошли в «единый фронт». Подчеркивалось, что через «культурно-просветительскую работу в профсоюзных организациях, в организациях Народного фронта, Народной молодежи» и других «трудовой народ развил широчайшую культуру и просветительскую деятельность и под руководством своей Партии он не только ликвидирует культурную отсталость, но и создает *новую* национальную культуру, наполненную *новым* содержанием, которое являет собою отражение *новой социалистической действительности*»¹.

Сюда только можно добавить, что партия по неписаным правилам определяла и стиль одежды населения. Пожалуй, самый яркий сюжет здесь связан с мусульманками.

Известно, что большую часть своей жизни они проводили дома, не выходя без нужды на улицу, где они могли появляться только с закрытым лицом, используя паранджу и чадру. В конце 1940-х гг. Антифашистский фронт женщин начал активно заниматься «введением» мусульманок в новую жизнь. Здесь и курсы грамотности, и семинары по ранее неизвестной им процедуре голосования на выборах в органы власти, часы по профилактике заразных заболеваний (тиф, туберкулез, сифилис), уроки по предродовой и послеродовой гигиене. В 1947 г. пошла широкая кампания по ликвидации мусульманками традиционных уборов — паранджи и чадры. В резолюции 2-го съезда Антифашистского фронта женщин подчеркивалось, что «началась жизнь, в которой никогда больше не будет неравенства, рабства, жизни, в которой не будет мрака и отсталости». Сразу после принятия этой резолюции делегатка из Травника Шемса Кадич демонстрировала

¹ Cit. po: *Kratz V. Društveni i ekonomski razvoj Bosne i Hercegovine*. S. 175.

тивно сбросила чадру, и на ее призыв последовать ее примеру откликнулись многие¹.

Свое слово здесь сказал и новый реис-уль-улема Ибрахим Фей-ич. В инаугурационной речи от 12 сентября 1947 г. он подчеркнул, что «одним из драгоценных достижений освободительной войны наших народов всенепременно является прокламирование равноправности женщин... но, к сожалению, это равноправие среди мусульманок не может дойти до своего полного выражения, так как ему мешают чадра и паранджа»².

Уже 1 ноября 1947 г. Верховное исламское старейшинство Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ) оповестило мусульманское население, что ношение этих уборов не является обязательным и не влечет за собой нарушения законов веры. Исламские руководители в стране надеялись, что мусульманки добровольно расстанутся с чадрой и паранджой, но этого не случилось, вопреки всем их усилиям.

Если в Сараево до конца 1950-х гг. сбросили чадру 95% мусульманок, то в других городах Боснии и Герцеговины этот уровень был ниже 50%. Тогда принцип добровольности уступил принципу закона: 28 сентября 1950 г., запрещалось ношение чадры и паранджи и «любое закрытие женщинами своего лица». Неподчинение закону влекло штрафные санкции и тюремное заключение до трех месяцев. В итоге, сопротивление ликвидации этих уборов постепенно было преодолено³.

И, конечно, следует все время помнить, что мусульмане были активными строителями нового общества, нового мира, социалистического. Об этом свидетельствует национальный состав самой партии в Боснии и Герцеговины (1946–1952)⁴.

Год	1946	1947	1948	1950	1951	1952
Сербы	14 145	19 439	32 454	49 262	63 661	71 188
Хорваты	1 742	3 218	5 976	9 172	11 544	13 953
Мусульмане	4 155	6 622	12 616	—	—	—

¹ *Donia R.J.* Sarajevo: biografija grada. S. 244.

² Cit. po: *Ibid.* S. 246.

³ *Ibid.*

⁴ *Kratz V.* Društveni i ekonomski razvoj Bosne i Hercegovine. S. 195.

Год	1946	1947	1948	1950	1951	1952
Неопределенные	—	—	—	4193	4223	5936
Остальные	432	656	968	1170	1641	1872
Всего	20474	29935	52014	63797	81069	92949

В 1953 г. была принята новая конституция ФНРЮ, заменившая собою прежнюю, 1946 г.

Если раньше Народная республика Босния и Герцеговина выступала как народное государство с республиканской формой власти, то в новой конституции она трактовалась как социалистическое демократическое государство трудового народа Боснии и Герцеговины.

Еще ранее, в 1952 г. прошел Шестой съезд Союза коммунистов Югославии (СКЮ) (с 1952 г. преемник Коммунистической партии Югославии), взявший курс на разрыв с администрированием в народном хозяйстве и переход к его демократизации, самоуправленческому социализму. В частности, было покончено с коллективизацией в сельском хозяйстве, начата ориентация предприятий на «свободный рынок».

«Братство и единство», продолжали присутствовать в жизни страны, чему в немалой степени способствовали идеология и сам «смешанный» состав СКЮ, прилив крестьян в города, жилищное строительство, «смешивавшее» людей различной национальности, межнациональные браки, вплоть до спорта. Например, футбольные команды в Боснии и Герцеговине, в основном, были такими. К этому типу принадлежала в начале 1970-х гг. самая успешная команда из Мостара «Вележ»¹.

Но вопрос о «мусульманах» хотя и был отодвинут, ушел вглубь, постоянно присутствуя в сознании многих, исповедующих ислам.

Дебаты о «национальности мусульман» относятся к началу 1960-х гг. и проходили вначале в политических кругах, которые «перебросили» этот вопрос в сферу науки. Интеллектуалы повели

¹ *Grandits H. Ambivalentnosti u socijalističkoj nacionalnoj politici Bosne i Hercegovine u kasnim 1960-im i u 1970-im: prespective odozgo i odozdo// Rasprave o nacionalnom identitetu bošnjaka. Zbornik radova. Sarajevo, 2009. S. 28.*

себя как обычно: одни выполняли возложенное на них партией поручение, другие «забегали вперед», выступая за формирование «мусульманских национальных институций». «Высовывание» привело к обвинениям в национализме и политическим репрессиям тех, кто посмел зайти за границы дозволенного¹.

Пожалуй, одним из важнейших в этой сфере был вопрос о том, как называть потомков тех, кто правил той же Боснией сотню лет назад?

Одни выступали за «мусульман», другие за «бошняков», третьи, как Энвер Реджич, признавая «особость» мусульман, в то же время полагали, что «боснийские мусульмане свою этническую и историческую индивидуальность», которая неоспорима, выказывают под именем «босниец»².

Здесь представляется не лишним интереса привести высказывание академика Васы Чубриловича. В 1968 г. на конференции «Исторические предпосылки Республики Боснии и Герцеговины» участник сараевского покушения в 1914 г. на принца Фердинанда, обосновывая тезис об историческом развитии «мусульманского национального идентитета», подчеркивал: «Чувство боснийских мусульман о том, что они представляют собою нечто особое в мусульманско-исламском сообществе в Турецком царстве (...) выросло из их убежденности, что по своему происхождению, по своему языку, стилю жизни они связаны с Боснией, они как бы другие, различаясь не только от настоящих османлиев, но и от других исламских народов в Турецком царстве»³.

Именно убежденность в мусульманстве лежала в основе пропагандистской работы таких историков, как М. Хаджияхич и А. Пуриватра, во время переписи населения в 1971 г.

Тогда, во всех своих выступлениях в СМИ, брошюрах, они убеждали мусульман заявить о себе в национальном смысле именно как о мусульманах⁴.

Защитники «мусульманского национального идентитета» были и среди высшего партийного руководства страны.

¹ *Kamberović H. Hod po trnju Iz bosanskohercegovačke historije 20. stoljeća. Sarajevo, 2011. S. 182.*

² *Ibid. S. 185.*

³ *Cit. po: ibid. S. 186.*

⁴ *Ibid. S. 188.*

Среди них можно назвать Цвиетина Миятовича.

В 1968 г., будучи председателем ЦК Союза коммунистов БиГ, он решительно защищал в своих речах интересы мусульман, выступая за их равноправие и соответствующее представительство в различных органах от республики до федерации¹.

Нельзя не упомянуть имя еще одного высокого партийного функционера, «наследника» Ц. Миятовича на партийном посту — Бранко Микулича. Хочу привести отрывок записи из его разговора с «другом Тито» в марте 1970 г. «... Я ознакомил Тито с кое-какими тезисами и вопросами, которые ставятся с целью оспорить национальную особость мусульман. Тех, которые оспаривают национальную особость мусульман, спрашиваем — а кто, по вашему мнению, мусульмане? На то нам говорят: пусть пишут себя югославами. Тогда мы отвечаем вопросом: почему не заявляют себя югославами сербы, хорваты, словенцы, македонцы, черногорцы и др. Почему это внушается только мусульманам? Нам говорят, что религиозная принадлежность не может трансформироваться в национальную. Мы отвечаем, что у нас всех в Боснии и Герцеговине религиозная принадлежность претворилась в национальную. Все римокатолики — хорваты, все православные — сербы, а мусульмане — исламской веры ... нам что, внушают формировать новую, боснийскую нацию? Говорят: не надо формировать нацию, но пишиться так. А мы хорошо знаем, что такими разъяснениями мы бы разодрали Боснию и Герцеговину. Так как герцеговинцы не заявили бы о себе как о боснийцах, люди из Боснийской Краины назвали бы себя крайнцами, сербы — сербами, хорваты — хорватами и т. д. Таким образом, мы опять приходим к вопросу о мусульманах и Боснии с Герцеговиной как республики, то есть до оспаривания их индивидуальности, особости... А тот, кто открывает этот вопрос, объективно, открывает и вопрос Югославии»².

И еще одно искреннее признание своему маршалу:

«Я родился в национально смешанной среде. Хорошо знаю, что мусульмане, да, могут выступать только как особый народ. Никем другим, в национальном смысле, он не может быть. Если это так, то тогда же меня спросили, а что же с мусульманами, которые заявили себя сербами или хорватами? Наивный человек, — отве-

¹ *Kamberović H. Hod po trnju. S. 191.*

² Cit. po: *ibid. S. 192–193.*

тил я. Никогда сербы и хорваты не принимали искренно мусульман за своих сонародников (...) С другой стороны, никогда мусульмане, за исключением отдельных лиц, не чувствовали себя по настоящему хорватами или сербами...». В конце разговора Тито, по свидетельству Микулича, выразил свое согласие с руководством Боснии и Герцеговины по вопросу «национального идентитета мусульман», равно как и с правотой своего собеседника, обещая свою поддержку¹.

Сюда добавлю, что в конце XX — начале XXI вв. Тито в некоторых бошнякских (так тогда стали себя называть боснийские мусульмане) кругах стал главным виновником того, что мусульмане как «особый национальный идентитет» не были признаны до конца 1960-х гг.²

Однако история сохранила и другие свидетельства.

В своей книге Атиф Пуриватра (*Nacionalni i politički razvitak muslimana, drugo izdanje Sarajevo, 1970 g.*) привел слова Тито, сказанные им в 1959 г. на Втором пленуме ЦК СКЮ: «дела в связи с национальностью мусульман нужно постепенно ликвидировать. Людей нужно отпустить, пусть, если хотят, будут национально неопределенными гражданами Югославии. Пусть этот человек будет босниец, герцеговинец. Вне Боснии и Герцеговины вас и не зовут иначе как босниец, будет ли это мусульманин, серб или хорват». Пуриватра также цитирует речь Тито на Седьмом съезде Союза молодежи Югославии, в январе 1963 г.: «А в чем понятие югославянства, что действительно значит быть югославом? Сегодня это значит быть гражданином социалистической Югославии. Между тем, хотя это и ясно, среди нас существуют и бесплодные дискуссии, на пример о том, нужно ли мусульманам определяться по какой-нибудь национальности. Это бессмыслица. Каждый может быть тем, как он себя ощущает и никто не имеет права ему навязывать некую национальную принадлежность, если он ощущает себя только гражданином Югославии»³.

И еще одно свидетельство коммуниста Бранко Микулича. 20 мая 1970 г. в разговоре с руководством Хорватии Микулич открыто сказал:

¹ *Kamberović H. Hod po trnju. S. 193–194.*

² *Ibid. S. 211.*

³ *Cit. по: ibid. S. 212.*

«Что касается мусульман (...), то я должен добавить, что вопрос об отношении к мусульманам практически представляет собою вопрос об отношении к хорватам и сербам в Боснии и Герцеговине. Так как без равноправности мусульман нет равноправности сербов и обратно, без равноправности каждого народа в Боснии и Герцеговине нет равноправности ни для одного, ни для другого. Поэтому мы после долгих дискуссий заняли, по нашему мнению, весьма верные политические позиции. В прошлом у нас были ошибки, мы, коммунисты Боснии и Герцеговины, оказывали некое давление на мусульман — коммунистов, чтобы они определились по национальности: хорваты ли они или сербы. Мы убедились, что все то, что мы делали, все было бессмыслицей, и они никогда не были ни хорватами, ни сербами, а остались мусульманами. И это, как говорится, наше отношение по этому вопросу»¹,

Из партийных функционеров, выступавших за утверждение «мусульманского национального идентитета», назову еще имя Джемала Биедича. Достаточно сказать, что с 1967 г. по 1971 г. он занимал пост председателя скупщины Боснии и Герцеговины. Потом, он, единственный мусульманин, взошел на политический олимп, встав во главе югославского правительства.

В 1966 г., находясь на посту председателя Республиканского вече Скупщины Боснии и Герцеговины, Джемал Биедич, критикуя тех, кто выступал за идею югославянства как средства решения национальных противоречий, открыто писал, что к ним относятся, как правило, те, «которым унитаризм приносит выгоду, или те, которые думают, что они выступают за прогресс, но впали в неразрешимые противоречия из-за ненаучного и нереального подхода к этой проблематике». Развивая дальше тему югославянства, он деликатно, но в то же время ясно дал понять, что в то время, когда мусульмане не были признаны нацией, «бег» в югославянство можно характеризовать как «один из видов спасения их индивидуальности»².

Иными словами, лучше «записать себя в югославы», нежели «превратиться» в серба или хорвата.

И немного, в качестве своеобразного десерта несколько деталей из стиля жизни.

¹ Cit. По: *Kamberović H. Hod po trnju*. S. 194.

² Ibid. S. 196–197.

Первый о «правилах поведения» партийных функционеров к Реис-уль-улеме. В 1962 г. коммунисты приняли решение «не присутствовать и не организовывать встречи религиозных лидеров». Однако в 1965 г. Реис-уль-улема Кемура жаловался на то, что «в некоторых местах партийные функционеры его встречают, а в некоторых нет, а он настаивает на том, что заслуживает, чтобы его встречали партийные функционеры и в небольших местечках»¹.

Второй о том, что в конце 1960-х гг. отмечалась такая деталь: мусульмане из политического руководства республики не говорили: «мы — мусульмане», только «они — мусульмане»².

Хотя несколько позже, как уже говорилось, коммунисты признали мусульман «особым народом», т. е. нацией.

Но, было и таких, кто придерживался иных воззрений, особенно в Сербии. Например, известный писатель Добрица Чосич и историк Йован Марьянович (члены Союза коммунистов Сербии), поместили эту «инновацию в этнической структуре в сферу нежелательного национализма и шовинизма», противопоставляя ее «свободному развитию югославско-социалистического духа и чувствам принадлежности к югославской социалистической общности». И здесь, вслед за Иво Лучичем, нужно сказать, что Союз коммунистов БиГ принятием «национального идентитета мусульман» отрицал «югославский идентитет»³.

После 1972 г. не наблюдалось серьезных политических обсуждений, в которых бы отрицалась «национальная индивидуальность мусульман», но в печати таковые присутствовали.

В качестве примера можно привести публикацию в начале 1973 г. в белградском влиятельном еженедельнике НИИ (Недельне информативне новине) карты национальной структуры населения, в которой мусульмане названы «мусульманами в смысле народности», что весьма негативно было воспринято в столице Боснии и Герцеговины. Последовал весьма корректный, но не без

¹ *Kamberović H.* Bošnjaci 1968: politički kontekst priznanja nacionalnog identiteta // Rasprave o nacionalnom identitetu bošnjaka. S. 75.

² *Lučić I.* Stavovi centralnog komiteta Saveza komunista Jugoslavije o nacionalnom identitetu Bosanskih muslimana/bošnjaka između afirmacije, negacije i konfesionalneartikulacije// Rasprave o nacionalnom identitetu bošnjaka. S. 105.

³ *Ibid.* S. 108.

язвительности ответ в сараевской газете «Освобождение», что для сербов или хорватов, если бы их назвали как мусульман «в смысле народности», такое определение было бы воспринято как оскорбление. Надо упомянуть и сербского литератора Предрага Палавестру, который в свою антологию «Послевоенная сербская литература» включил творения пятнадцати мусульманских авторов¹.

Не могу не назвать здесь имя и сербского нобелевца — Иво Андрича.

Судя по информации, представленной в мае 1967 г. в комиссию по межнациональным отношениям ЦК Союза коммунистов (СК) Боснии и Герцеговины, его изображение турков в некоторых произведениях воспринимались «частью интеллигенции», равно как и в среде членов Союза коммунистов, весьма критически, как «не содействующая развитию межнациональных отношений» в Боснии и Герцеговине. (Как читатель и почитатель таланта Иво Андрича могу понять критическую позицию югославских коммунистов.) Мусульманскую интеллигенцию, подчеркивалось дальше, волновала и тема «дискриминации памятников». Проводя сопоставления числа памятников культуры, взятых под защиту государством, высказывались мнения о неодинаковом отношении к их защите².

После того, как в начале 1968 г. ЦК СК Боснии и Герцеговины принял политическое решение, в котором признавалась ошибочной отношение коммунистов к «национализации мусульман в хорватском или сербском духе», так как «мусульмане особый народ».

Однако обсуждения продолжались на самом верху. 13 ноября 1969 г. на заседании ЦК СК Боснии и Герцеговины Цв. Микулич сказал, что постоянное возвращение к дискуссии о югославянстве как «исходной позиции» вызывает «замешательство и ошибочные толкования» в стране, хотя на XVII заседании ЦК принято заключение о том, что «сегодняшняя социалистическая практика показывает, что мусульмане особый народ»³.

Процесс признания «мусульманского национального идентитета» имел несколько фаз. С 1961 г. до конституции 1963 г. был подготовительный период для признания мусульман как нации. С

¹ *Kamberović H. Hod po trnju. S. 208.*

² *Ibid. S. 201.*

³ *Ibid. S. 203.*

1963 г. до 1966 г. в Боснии и Герцеговине научно аргументируется тезис об их «национальном идентитете». С 1966 г. до 1968 г. это положение реализуется на политическом уровне всей страны. С начала 1970 гг. «мусульманский национальный идентитет», казалось, прошел путь полемики, тем более что перепись населения 1971 г. показала относительное большинство мусульман в республике. Однако оставались и «непобежденные» в некоторых интеллектуальных и политических кругах как в Боснии и Герцеговине, так и вне ее пределов. Известный партийный и государственный деятель Родолюб Чолакович записал в своем дневнике, что даже в верхах были опасения того, что мусульманские националисты могут «требовать свою республику»¹.

Признание мусульман нацией поставило в начале 1970-х гг. вопрос и о существовании мусульманской литературы и особого боснийско-герцеговинского языка.

Издательский дом «Светлость» («Свет») в рамках своего 25-летия существования организовал научное собрание, посвященное современной литературе в Боснии и Герцеговине. Вступительный доклад «Литературные движения в БиГ с 1945 года до настоящего времени» сделал Мидхат Бегич. Первый раз там были использованы такие выражения, как «мусульманская литература» и «мусульманский роман». Например, В 1972 г. Алия Исакович издал книгу «Жемчужины: выбор из мусульманской литературы», т. е. ее первую антологию. Это было своеобразным поворотным пунктом в деле подтверждения существования мусульманской литературы «как элемента национального идентитета мусульман»².

В 1979 г. Мустафа Имамович попытался внедрить в высшие учебные заведения особый предмет — изучение развития народов и народностей Боснии и Герцеговины, независимо от существовавшей «Истории народов Югославии». Однако его попытка была отвергнута, равно как и введение боснийско-герцеговинской литературы на кафедре литературы Философского факультета в Сараево.

Мусульмане и далее были единственной нацией в Югославии, которые не имели своих национальных институций, у них не

¹ *Kamberović H. Hod po trnju. S. 210–211.*

² *Sarač-Rujanac Dž. Odnos vjerskog i nacionalnog u identitetu Bošnjaka. S. 58.*

было общепризнанной мусульманской литературы, ни особого языка.

Но процесс пошел, его неотвратимость заставляла коммунистические власти принимать соответствующие меры, прежде всего по закреплению своего ведущего положения в мусульманском мире. Несмотря на «преданность и патриотизм» руководства исламской общины Боснии и Герцеговины с Реис-уль-улемой Сулейманом эфенди Кемурой, коммунисты опасались усиления ее роли среди мусульман.

И, тем не менее, жизнь ислама продолжала крепнуть. Печатаются перевод Корана, различные книги религиозного содержания, идет массовое открытие джамий, оживляется деятельность улемов, имамов, прихожан мечетей. С 1966 г. в одном из помещений Беговой джамии в Сараево организуется преподавание для молодежи, на следующий год из-за наплыва молодежи учеба перемещена в более просторные помещения Царской джамии. 15 сентября 1970 г. выходит первый номер исламских информативных новостей «Препород»¹.

Можно задаться вопросом, а как обстояло дело с национальной проблематикой в самой исламской общине? Ответ одновременно и прост и сложен. Определенные круги поддерживали национальное дело. Другие, держась за собственное положение, опасаясь репрессий властей, которые проводились в прошлом, удовлетворялись данными в религиозных рамках свободами. Вспоминая то время Реис-уль-улема Кемура говорил, что он согласен с необходимостью «национального утверждения мусульман», но «внутри исламской общности есть течения, которые против восстановления мусульманской нации, считая самым важным существование религиозных свобод»².

Цель коммунистов, повторю, состояла в своеобразном изоляции исламской общины, ограничении ее деятельности только конфессиональными делами, поэтому ее внерелигиозная деятельность, т. е. в национальной сфере, подвергалась осуждению³.

¹ *Sarač-Rujanac Dž.* Odnos vjerskog i nacionalnog u identitetu Bošnjaka. S. 63.

² Ibid. S. 64.

³ Ibid. S. 62.

Однако «осуждение» мало помогало: шла политизация религии, вероисповедное отождествлялось с национальным, поддерживалась связь с «националистическими и антисоциалистическими силами»,

Достаточно вспомнить, что в ноябре 1969 г. исламская религиозная община была переименована в исламскую общину, что было истолковано стремлением представить себя в качестве национальной институции.

Давление властей вынудило исламскую общину свою дальнейшую активность направить на религиозное обновление, усиление своих организаций, строительство новых объектов. В 1977 г. был открыт исламский теологический факультет. В конце 1978 г. начал выходить новый журнал «Islamska misao» («Исламская мысль»)¹.

Не «забывало о своих интересах» и само государство, которое через исламскую общину стремилось упрочить позитивный имидж в арабских странах и в государствах Движения неприсоединения. Государственные структуры финансово помогали религиозным общностям, участвовали в работе по сохранению религиозных объектов, особенно, имеющих культурно-историческое значение.

Вместе с тем государство «не забывало» и свою контрольную функцию: «оно постоянно вмешивалось во все поры религиозных общностей, контролировало жизнь внутри них, отслеживая отдельные группы и личности, вербуя многочисленных доносчиков внутри них»².

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. органы власти приняли меры против т. н. опасности фундаментализма, попытки исламизации Боснии и Герцеговины и создания исламской республики. Самым значительным политическим делом в 1970-х гг. был суд над Пашаги Манджичем и т. н. Тузланской группой. На заседании исполнительного комитета президиума ЦК СК БиГ, проведенного 14 февраля 1975 г., вместе с Манджичем, были обвинены Теуфик Селимович и Салих Бурек за развитие «мусульманского национализма и великомусульманского ходжа-кадийского шовинизма». После краткого периода либерализации отношений властей и религиозных общностей вновь последовал период строгого контроля

¹ *Sarač-Rujanac Dž.* Odnos vjerskog i nacionalnog u identitetu Bošnjaka. S. 69–70.

² *Ibid.* S. 40.

над общинами. Поэтому практика репрессий и арестов и дальше продолжена с целью отделить не только «национальное от националистического и клерикальное от клерикалистского», но и «религиозное от национального»¹.

4 мая 1980 г. умер основатель социалистической Югославии маршал Йосип Броз Тито. Слоган «И после Тито, Тито» не оправдал возлагавшихся надежд на его наследников, не имевших ни авторитета бывшего слесаря, ни его опыта, ни его связей. Внешний долг в 1981 г. составлял 18 миллиардов долларов. Инфляция в 1985 г. достигала 3000%.

После кончины Тито руководство республиканского Союза коммунистов и правительство в Боснии и Герцеговине приняло жесткий курс на борьбу с национализмом, точнее с тем, что они называли националистическим экстремизмом.

На заседании ЦК СК Сербии, проведенном с 24 до 26 декабря 1981 г., вновь прозвучали голоса об отрицании «национального идентитета мусульман». Политическая элита в Боснии и Герцеговины была обвинена в сотрудничестве с национализмом².

На острие критики «за боснийский дух» оказалась, в частности, книга Мухсина Ризвича «Književni život BiH između dva rata» («Литературная жизнь БиГ между двух войн»), напечатанная в 1980 году. Перо Симунович, профессор философского факультета в Сараево, в своем обзоре охарактеризовал книгу как отражение мусульманского национализма, панисламизма, исламского фундаментализма³.

В материалах СК БиГ много говорилось о «мусульманском национализме, который имеет целью этнически чистую Боснию». Органы власти отмечали, что мусульманские националисты, сгруппировавшиеся вокруг Исламского теологического факультета, организуют пропагандистскую и издательскую деятельность с целью расширения панисламизма и сам факультет превращают в центр расширения своих идей в Европе. В документах констатируется, что клерикалы идентифицируют вероисповедное и национальное⁴.

¹ *Sarač-Rujanac Dž.* Odnos vjerskog i nacionalnog u identitetu Bošnjaka. S. 71–72.

² *Ibid.* S. 98.

³ *Ibid.* S. 100.

⁴ *Ibid.* S. 105.

В качестве примера можно привести деятельность Исламской общины, требовавшей открыть Исламский музей, который бы представлял собою национальную институцию с религиозным названием. Служащие Исламской общины, по мнению властей, в контактах с исламским миром теряли границу между религиозным и политическим, религиозным и национальным. Замечу, что шло и оживление дервишских орденов. Так, в мае 1984 г. в городке Благай прошло собрание дервишей. На нем присутствовало 300 дервишей и около 4 000 верующих, причем, в основном, молодежь. Разумеется, власти пытались затормозить клерикалов, например, через проведение показательных судебных процессов¹.

Врага искали везде и находили — от учеников в медресе до военнослужащих в армии, где служба безопасности обнаружила мусульманских националистов, которые, по мнению властей, намеревались организовать новую младомусульманскую группу².

Органы власти находили клерикалов и мусульманских националистов в Исламской общине и около нее. Их тесная деятельность оценивалась как «антисоциалистическая теоретическая деятельность ... которая занимается фундаменталистской концепцией ислама как наилучшей общественно-экономической и моральной детерминанты», отождествляя светское и религиозное³.

. Причем, власти не так уж были пристрастны. Достаточно напомнить, что для властей было неприемлемым толкование ислама как системы, которая равноправна социалистическому самоуправлению. Здесь, в этой весьма деликатной сфере, свою роль, по мнению властей, сыграли выпускники из арабских стран, которые вносили в БиГ идею исламского социализма (например, форму социализма у Муамара Каддафи)⁴.

Любое изучение этнологии, общественно-политического развития мусульман, культуры и литературы трактовалось как «*панисламизм и пробуждение ислама*». После Иранской революции 1979 г. начинает употребляться термин «исламский фундамента-

¹ *Sarač-Rujanac Dž.* Odnos vjerskog i nacionalnog u identitetu Bošnjaka. S 150.

² Ibid. S. 151.

³ Ibid. S. 157.

⁴ Ibid. S. 158.

лизм» для обозначения «враждебной деятельности» различного содержания в БиГ.

Иранская революция рассматривалась властями важнейшим фактором в сфере оживления «боевого ислама».

Органы власти считали, что именно она повлияла на политизацию религиозной иерархии в республике, которая подчеркивала упорно значение религии в обществе как основы национального идентитета и неотделимость **светского** от религиозного.

События в Иране, их результат, по мнению властей, представляли образец, по которому панисламисты «стремятся учредить исламскую республику в БиГ» по шариатским правилам.

Опасения вызывали и «открытие» Исламской общины миру, участие ее представителей в международных конференциях, на которых больше всего обсуждалось вопросы, связанные с «утверждением национальной компоненты и отождествлением национального и религиозного».

Случай, когда ученики одного из медресе разорвали портрет Тито, распространение иранского пропагандистского материала и портретов Хомени в Гази Хусрев-Беговой джамии, органы власти толковали как прямое влияние идей Иранской революции. Между тем часть боснийско-герцеговинской улемы (собрание ученых, знатоков практического и теоретического ислама) утверждала, что ислам в Югославии не испытывает влияния панисламизма и иранской революции и что в мире все меньше говорится о панисламистских тенденциях¹.

Тут же еще раз отмечу, что внутри Исламской общины, как свидетельствуют документы из 1980-х гг., существовали два течения.

Первое во главе с Реис-уль-улемой было ориентировано на сотрудничество с властями и трактовало религию как не имеющую решающего значения для «национального идентитета».

Другое, более сдержанное, стремилось к укреплению влияния религии в обществе, усилению религиозного идентитета мусульман².

В конце марта 1983 г. начались приводы и аресты части мусульманских интеллектуалов и активистов Исламской общин,

¹ *Sarač-Rujanac Dž.* Odnos vjerskog i nacionalnog u identitetu Bošnjaka. S. 122–123.

² *Ibid.* S. 141.

как «мусульманских националистов». Было задержано 13 человек во главе с Алией Иззетбеговичем. В эту группу входила пятерка членов основанной в 1939 г. религиозно-политической организации «Молодые мусульмане», к которой принадлежал с 1940 г. и Иззетбегович. (Она была ликвидирована в ходе судебных процессов с 1946 по 1949 гг. и означена как «террористическая, фундаменталистская, враждебная организация, направленная против народной власти». Ее члены были осуждены Военным судом по закону об уголовных делах против народа и государства на различные сроки, четверо приговорены к смертной казни.). Все это послужило доказательством оживления «старого национализма» и подтверждением аксиомы, что «враг не дремлет».

Видный боснийский коммунистический деятель Хамдия Поздерац подчеркнул, что арестованная группа «руководствовалась идеологией молодых мусульман из 1949 г. и обвинил ее членов в панисламизме, антикоммунизме, терроризме», разумеется, в идеях об этнически чистой Боснии, в «связях с исламским миром и Иранской революцией»¹.

Кроме «старых» националистов, в группу входили и новые из числа молодежи, так, трое были учениками медресе, двое — активистами Исламской общины. Тем самым подтверждалась теория власти о клеронационализме.

В обвинении значилась и «Исламская декларация» Иззетбеговича как «идейная программа мусульманского национализма», и политизация религиозной жизни Табачского месджид (джамия без минарета), в лекционной деятельности которого власти усматривали «враждебную мусульманскую националистическую деятельность»².

По свидетельству самих участников событий, они «стремились оживить ислам, так как Исламская община была под полным контролем власти коммунистов и органов госбезопасности. Лекции были не только о вере, говорили... о нашей культуре, лингвистики, о браке, об исламе и науке, об исламских движениях в мире, об Иране и Пакистане. Через Табачский месджид за три года прошло пятьсот студентов, а наша цель было возвращение к себе»³.

¹ *Sarač-Rujanac Dž.* Odnos vjerskog i nacionalnog u identitetu Bošnjaka. S. 126, 127.

² *Ibid.* S. 128.

³ *Ibid.* S. 130.

В ходе судебного процесса (Сараево, 18 июля—19 августа 1983 г.) обвиняемые стремились доказать, что они не являются ни врагами коммунистической власти, ни националистами, ни приверженцами этнически чистой Боснии и Герцеговины, ни «боевого ислама». Они утверждали, что Исламская декларация не представляет собою какого-либо программного документа и даже не относится к Югославии. Однако суд принял сторону обвинения, настаивавшего на том, что *«Islamska deklaracija predstavlja program, koja propagandirivala se u Tabackom mesdžidu s ciljem islamizacije i etnički čiste Bosne i Hercegovine, koja treba biti islamska republika»*. 20 августа 1983 г. был вынесен приговор, подтвержденный вышестоящими судебными инстанциями. В частности, Алия Иззетбегович получил 14 лет тюрьмы¹.

Но власти уже не могли соревноваться с «исламским временем», наполненным идеями борьбы.

Общественно-политические движения влекли за собою перемены внутри Исламской общины.

В конце 1988 г. появилось т. н. Движение имамов. В документах властей в качестве основных причин его появления назывались недовольство платой, медицинским и пенсионным страхованием.

Но все же главное было не в этом, а в их недовольстве традиционной близостью общины к власти с ее политикой на пасивизацию верха общины, его равнодушии к судебным процессам, обвинениям и расследованиям, через которые прошли многие мусульманские деятели. Движение имело целью смену людей «без цвета и запаха» в Исламской общине, так как в своем сотрудничестве с властью, они, как доказывали имамы, часто ставили под вопрос и сами основные принципы ислама. Осенью 1989 г. молодые имамы выдвинули требование перемены Устава Исламской общины, прежде всего введения демократической выборной процедуры руководства. Организаторами Движения, по мнению властей, выступали «молодые имамы, осужденные за вербальный деликт», мученики и хомениивцы,

¹ Sarač-Rujanac Dž. Odnos vjerskog i nacionalnog u identitetu Bošnjaka. S. 133.

религиозные служащие, получившие образование за рубежом, и миряне»¹.

Добавлю, что лояльность верха Исламской общины не была под вопросом до самого конца 1980-х гг. Об этом говорят многочисленные материалы в печати Исламской общины во славу Тито и социалистической системы. Достаточно прочесть статьи, которые в 1980-х гг. регулярно печатались в «Prerorode» в связи с годовщинами смерти Тито².

В конце 1989 г., как напечатано в объявлении, из-за проблем со здоровьем, ушел на пенсию Реис-уль-улема Хусейн Муйич (Официально освобожден от должности 4 января 1990 г.). Исполняющим его обязанности был выбран прежний председатель Мешихата Исламской общины Македонии Якуб эфенди Селимовский. После его назначения (официально в марте 1991 г.) начинается новый процесс, в котором Исламская община стремится вернуть нарушенный, «если не потерянный, авторитет и интегритет»³.

Параллельно с Движением имамов шли и другие перемены внутри Исламской общины. Весной 1989 г. после 34 лет запрета и экспроприации имущества была вновь легализирована деятельность дервишских орденов. Однако все это уже не удовлетворяло правые силы в религиозных объединениях, которые, по утверждению властей, «кормят националистов всех мастей, больше всего через политизацию религиозной печати»⁴.

Разумеется, самая большая опасность для власти таилась в том, что религиозные лидеры, в конце концов, могут стать национальными лидерами, и тогда «религия и вера превратятся в порох в борьбе за власть»⁵.

Особенно было трудно контролировать значительные по численности религиозные манифестации: песни, символы, знамена.

Так, в 1989 г. на мевлуде (праздник в честь дня рождения пророка Мухаммеда) в Благае близ Мостара присутствовало около 15 тыс. человек.

¹ *Sarač-Rujanac Dž.* Odnos vjerskog i nacionalnog u identitetu Bošnjaka. S. 167.

² Ibid. S. 182.

³ Ibid. S. 187.

⁴ Ibid. S. 168.

⁵ Ibid. S. 169.

Новое руководство требовало возвращения отнятого имущества, признания дипломов средних религиозных школ и факультетов в стране и вне ее пределов, а также свободного общения с зарубежными мусульманскими организациями. Комитет Исламской общины в Баялуке подал список по денационализации 83 объектов.

И надо всегда помнить и знать, что в боснийско-герцеговинском сообществе различия между национальным и религиозным стерты. Поэтому «национальные идентитеты» с правом могут быть названы «национально-религиозными идентитетами». Национальная идеология суть национальная религия, т. е. религия нации, что свойственно многим странам. О выходе религиозных объединений из частной сферы и усиливающимся давлением на политические органы стал свидетельствовать факт передач религиозного содержания по сараевскому телевидению¹.

Коллективный дух мусульман должен был формироваться на основе памяти о несправедных страданиях верующих и деятелей Исламской общины, это должно было объединить мусульманское население².

Безусловно, что религиозное и национальное, сливаясь в «мусульманине», не могло не вызвать размышлений о национальном имени и даже полемики. Она последовала в 1990 г. в «Исламской мысли» после статьи Ненада Филипповича, настаивавшего на введении исторического имени «бошняк». Как обычно, образовалось два лагеря.

Участники первого выступали за сохранение названия «мусульманин», полагая, что таким образом в одну общину включены все мусульмане в Югославии. Название «бошняк» они считали неадекватным, так как это было бы, по их мнению, несправедливым по отношению к другим жителям.

Другие, наоборот, выступали на стороне Н. Филипповича, который в своей статье «Об одной попытке национализации мусульман» писал: «До тех пор пока бошняки будут носить абстрактное имя мусульманин, они могут быть ... сведены указом на статус религиозного объединения без права на собственную историю, литера-

¹ *Sarač-Rujanac Dž.* Odnos vjerskog i nacionalnog u identitetu Bošnjaka. S. 182.

² *Ibid.* S. 190.

туру культуру вообще. Имя бошняк им обеспечивает ... их 400-летнее существование на югославском просторе и их связь с праотцами, которые основали самую старую южнославянскую державу, в то время как с именем мусульманин они останутся всегда абстракцией с заметным привкусом коммунистического декрета октроированной и сфорсированной нации». Этой же теме посвящена была и его более ранняя статья «Исламский компонент боснийского духа — исламский вклад мультилатеральности Боснии» (разговор с Мухаммедом Филипповичем)», опубликованная годом ранее. В ней можно было прочесть, что «мусульмане не сами выбирали свое национальное имя. Они его получили, во-первых, с учетом того факта, что у них, как впрочем, у сербов и хорватов, религия была фундаментальным фактором возникновения национальной сущности в ее культурной, идейной даже и в социальной сфере. В этом процессе играли значительную роль и сербы и хорваты, которым не соответствовало этническое имя мусульман (бошняк) как национальное, и они форсировали «адопцию» имени мусульман. Спекуляция сейчас с этой исторической спецификой развития нас, мусульман, с прямыми аллюзиями на некий панисламизм или мусульманский фундаментализм, представляет политическое хулиганство, т. е. бесцеремонное и безответственно вмешательство в национальное и политическое, как и духовное развитие, мусульман»¹.

Однако сторонники «необошнякства» встретили сопротивление представителей панисламистского течения, которые полагают, что нет имени, кроме как «мусульманин», которое «бы так ясно отразило особость мусульманской общины (соответственно мусульманского народа)», и «несло и берегло взаимосвязь с духовной средой и духовным источником на основе, обеспечивающей свое будущее и понимание своего прошлого»².

Причем панисламистское течение пользовалось поддержкой руководителей Исламской общины, полагавших, что только ислам необходимо ставить в центр мусульманского «национального идентитета».

¹ *Sarač-Rujanac Dž.* Odnos vjerskog i nacionalnog u identitetu Bošnjaka. S. 193.

² Cit. po: *Bougarel X.* Od “Muslimana” do “Bošnjaka”: pitanje nacionalnog imena bosanskih muslimana S. 124–125//*Rasprave o nacionalnom identitetu bošnjaka.*

Равным образом его поддерживали и «бывшие коммунистические интеллектуалы», опасавшиеся того, что принятие названия «бошняк» может нарушить «хрупкое равновесие между конституционными нациями Боснии и Герцеговины». Тут следует отметить, что по результатам анкетирования общественного мнения (1990 г.) только 1,8% боснийцев склонялось к имени «бошняк» для боснийских мусульман, в то время как 17% опрошенных выступало за то, чтобы это название было применимо ко всем жителям республики¹.

Эта тема будет неоднократно и дальше подниматься в обществе, в политике и, пожалуй, даже сейчас, в XXI веке, служит предметом обсуждения в научной литературе.

Замечу только, что 27 сентября 1993 г. главные политические, культурные представители мусульманской нации и служители ислама на своем соборе приняли решение вернуть своему народу его историческое и народное имя — Бошняк, и тем самым «крепко связать себя» со своей страной Боснией и Герцеговиной, «с ее государственно-правовой традицией», с боснийским языком и «всеобъемлющей духовной традицией» своей истории².

Практически название «бошняк» закрепилось для обозначения лиц, исповедующих ислам, но равным образом осталось и старое название.

В конце 1980-х гг. в процессе демократизации общества, вызванной как внешними, так и внутренними причинами, сложилась ситуация для формирования 26 мая 1990 г. политической партии мусульман, известной под названием Партия демократического действия (ПДД).

Ее организация была связана с необходимостью, по словам Едаха Бечирбеговича, одного из активистов создания партии, в установлении «новой системы ценностей», которая обеспечит в полном объеме гражданские и религиозные свободы, так как в «братстве и единстве» было ликвидировано право на свою культуру, традиции, образ жизни в соответствии с религиозными убеждениями. По его словам, вследствие запрета объединения на национальной или религиозной основах, партия не была названа югос-

¹ *Bougarel X. Od "Muslimana" do "Bošnjaka": pitanje nacionalnog imena bosanskih muslimana* S. 125.

² Cit. po: *ibid.* S. 128.

лавской мусульманской партией или мусульманской народной партией, а получила наименование Партии демократического действия¹.

Добавлю, что вначале она стремилась представлять целостный «мусульманский историко-культурный круг» в религиозном понимании этих слов и одновременно обеспечивать «политическое единство» мусульманской общины в Югославии. Однако создание ряда других политических партий — албанских, турецких и др. положило конец панисламистским устремлениям. Оставалась только Босния и Герцеговина и Санджак, где она успешно и действовала².

Возвращаясь на короткое время к «бошнякам» и «мусульманам», отмечу, что партия в сентябре 1990 г. большинством голосов приняла решение «выместить» из своих рядов сторонников «необошнякства». Последние не сложили оружия и тогда же организовали Мусульманскую бошнякскую организацию (МБО)³, которая вошла в сложную «именную» историю, как и в политику тогдашнего времени.

Отношения, вернее, действия властей к активизирующим свою деятельность мусульманским борцам за свои права переходили и в зал судебных заседаний.

Так, Сараево был отмечен двумя громкими политическими процессами: один из них был связан с организацией молодых мусульман, другой — с именем сербского националиста Воислава Шешеля⁴.

О первом уже шла речь несколько ранее. Повторю, что обвинение, в основном, базировалось на написанной Алией Иззетбеговичем в конце 1960-х гг. Исламской декларации, в которой были известные всем строки о том, что «ислам вправе самостоятельно управлять своим миром и потому недвусмысленно исключает возможность укоренения чужой идеологии на своей территории».

Эта идея была воспринята как реакционная, разрушающая мир в многоконфессиональной социалистической Югославии.

¹ *Sarač-Rujanac Dž.* Odnos vjerskog i nacionalnog u identitetu Bošnjaka. S. 197.

² *Bougarel X.* Od “Muslimana” do “Bošnjaka”. S. 124.

³ *Ibid.* S. 125.

⁴ *Donia R.J.* Sarajevo: biografija grada. S. 271.

Немного о Шешеле, уроженце Сараево, преподававшего на факультете политических наук тамошнего университета. Ему вменялись в вину критика однопартийной системы власти и политики Тито и теоретика партии Эдварда Карделя. В 1984 г. он был осужден на 8 лет тюрьмы за разжигание вражеской пропаганды против конституционного порядка Югославии (В марте 1986 г. был освобожден)¹.

Пока коммунизм сходил со сцены в СССР и в Восточной Европе, «большинство сарайлиа с оптимизмом смотрело в будущее, ожидая мирный переход к демократии, экономическому оздоровлению и продолжению совместной жизни. Они также ощущали эйфорию, ширившуюся по мере коллапсирования коммунизма в Восточной Европе», но Босния и Герцеговина «не обладали достаточной сильными политическими институтами и экономикой, чтобы остановить сепаратистские силы... сербский национализм в Сербии и Черногории с 1987 г. хорватский национализм в Хорватии с 1989 г. указывали на небольшую вероятность того, что в Сараево произойдет мирный переход к плюралистскому обществу без интервенции своих соседей»².

К этому надо добавить, что сама сложная история народов Боснии и Герцеговины давала примеры для ведения соответствующей пропаганды.

Так, опять пошел в ход тезис, что боснийские мусульмане суть сербы, обращенные в старину в ислам и настроенные на создание своего исламского государства.

«Сербские националисты оживили воспоминания о страшных судьбах многих сербов во Второй мировой войне, обвинив за это боснийских мусульман, сотрудничавших с усташским режимом»³.

26 мая 1990 г. мусульманские лидеры провели в Сараево организационную скупщину Партии Демократического действия, на которой присутствовали делегаты из 73 общин от общего числа в 109 общин в Боснии и Герцеговине. Председателем был избран Алия Иззетбегович. Была продекларирована поддержка идее сохранения Боснии и Герцеговины как государства сначала мусульман, потом сербов и хорватов.

¹ *Donia R.J.* Sarajevo: biografija grada. S. 272.

² *Ibid.* S. 276.

³ *Ibid.* S. 281.

Следует отметить здесь и выступление 5 июля 1990 г., в первый день Байрама, на заседании городского комитета ПДД его председателя Ф. Наметка, обвинившего, с одной стороны, коммунистов в игнорировании мусульманской национальности в Боснии и Герцеговине (весьма огульное обвинение — *В.К.*), а с другой — поддерживавшего сохранение Югославии как «объединения суверенных народов и республик»¹.

Именно суверенность Боснии и Герцеговины была на первом месте в различных документах «боснийского времени».

В качестве примера можно привести Резолюцию мусульманских интеллектуалов от 7 января 1991 г., в которой предрекалось, что каждая попытка оспорить суверенитет Боснии и Герцеговины и «национальной личности мусульман» будет иметь негативные последствия².

Однако надежды, хотя и слабые, на мир не оправдывались. Само жесткое националистическое время, сознание неизбежности распада Югославии, заставляло выступать решительнее.

10 июля 1991 г., т. е. спустя полгода после выпуска Резолюции бошняки посредством Партии демократического действия издали воззвание из пяти пунктов. Суть его можно свести к следующему: мусульманский народ находится на историческом распутье, и здесь он выступает только за суверенную Боснию и Герцеговину как «родину боснийских мусульман. Как отечество всех югославских мусульман». И за этот выбор они готовы к борьбе. Одновременно в возвании подчеркивалось, что мусульмане выступают «только за ту Югославию, которая признает суверенитет и равноправие Боснии и Герцеговины... Босния и Герцеговина — родина мусульман, сербов, хорватов и всех живущих в ней граждан. Она неделима, так как перемешана. Свою неделимость она доказала столетиями совместной жизни. За свое деление она должна была бы заплатить тысячами жизней. Поэтому призываем всех мусульман, всех сербов и всех хорватов, всех граждан Боснии и Герцеговины к защите своей родины. Мы выступаем за Боснию и Герцеговину как гражданскую республику, в которой будут уважаемы свобода и права человека и гражданина и национальные права народов и меньшинств... Суверенитет

¹ *Donia R.J.* Sarajevo: biografija grada. S. 286.

² *Filandra Š.* Bošnjačka politika. S. 379

Боснии и Герцеговины суть залог национального суверенитета каждого из нас»¹.

Интересно заметить, что днем раньше было принято решение о создании при ПДД Совета национальной обороны.

Все предвещало войну.

Все три национальные партии в Боснии и Герцеговине (мусульманская Партия демократического действия, сербская — Сербская демократическая партия, хорватская — Хорватское демократическое объединение) готовились к войне через формирование своих нелегальных вооруженных подразделений. Сараевский еженедельник «Slobodna Bosna» («Свободная Босния») напечатал 22 ноября 1991 г. документ о формировании Сербской демократической партией (СДП) «военного штаба» и наличии детального плана по осаде Сараево на случай войны. Озабоченность населения города еще больше усилилась, когда прошла информация о подготовке по вкапыванию артиллерии на вершинах гор над Сараево².

Вся эта информация позднее подтвердилась.

И здесь роль известного политического деятеля и государственника Слободана Милошевича была ключевой.

Предполагая, что БиГ вскоре станет независимым государством, он 5 декабря 1991 г. встретился с членом союзного председательства Бориславом Йовичем с тем, чтобы Югославскую народную армию (ЮНА) в Боснии превратить в армию боснийских сербов. Милошевич приказал перебросить служивших в других республиках боснийцев в БиГ, а солдат из других республик, квартированных там, вывести из нее. Командующий ЮНА Велько Кадиевич 25 декабря проинформировал Милошевича и Йовича о том, что необходимые «трансферы» на 90% завершены³.

Рассматривая вопрос признания БиГ независимым государством, ЕС в начале 1992 г. рекомендовал проведение референдума, чтобы установить действительно ли независимость является истинным желанием народа.

Скупщина Боснии и Герцеговины, вопреки замечаниям депутатов СДП, одобрила проведение референдума, который прошел 29 февраля и 1 марта 1992 года.

¹ Cit. po: *Filandra Š.* Воšnjačka politika. S. 379–380.

² *Donia R.J.* Sarajevo: biografija grada. S. 301.

³ *Ibid.* S. 303.

Громадное большинство сербов, в соответствии с приказами СДП, бойкотировало голосование, в то время как боснийские мусульмане и хорваты массово поддержали независимость.

Признавая почти единогласную поддержку голосовавших и игнорируя бойкот сербов, ЕС решил признать Боснию и Герцеговину как независимое государство 6 апреля 1992 г. в день сорокасемилетия освобождения Сараево от нацистской и усташской властей.

Реакция последовала незамедлительно.

В течение нескольких часов после закрытия пунктов для голосования 1 марта члены СДП и их сторонники вышли на улицы с оружием в руках и в масках, воздвигнув баррикады на ключевых перекрестках Сараево.

Баррикады СДП вызвали быстрый «ответ» членов и сторонников ЦДД.

2 марта в течение нескольких часов они воздвигли свои баррикады на ключевых местах. Некоторые были размещены прямо напротив позиций СДП. Создаются, так называемые, сэндвич-баррикады...¹.

Так начинался новый грозовой период истории мусульманства в военной и воюющей Боснии и Герцеговине.

* * *

В конце ушедшего того времени, но не памяти, наступило очередное «освобождение» от «сербского бремени» с заменой его на европейское управление, а баз Югославской Народной Армии — на американские. Однако произошедший раздел Боснии и Герцеговины не может не вызвать в будущем очередного освобождения. А сейчас народы исподволь готовятся к новым событиям, не исключая боевой схватки: у них еще остались настоящие мужчины. Но... я могу как-то поверить в необратимость произошедшего, когда будет восстановлен мост в Мостаре, а дети мусульман и христиан будут вместе играть.

P.S. Мост восстановлен, но с детскими играми хуже.

¹ *Donia R.J.* Sarajevo: biografija grada. S. 306.

Космет – проблемы мира и национализма (История и современность)

Памяти академика Али Хадри

Космет — что это такое? С одной стороны — уродливое обрезаение двух исторических названий сербских областей — Косово и Метохии. С другой — напоминает бормотание Кассандры. Немного из исторической памяти.

Обращаясь к судьбе Метохии, нетрудно проследить ее албанизацию только на примере топонимики. В XIX в. к топонимике обращался А.А. Башмаков, который в своей статье о славянском характере этого края приводит список из 539 названий населенных пунктов. Подавляющее преобладание «чисто сербских имен» этих пунктов, где албанских названий набирается лишь 20–30, позволяло утверждать автору о древнесербском характере Метохии¹.

Такая же ситуация была и на Косово².

Теперь напоминание первое: после 1912 г. Космет был разделен на 4 округа: призренский, метохийский, косовский и звечанский, последний в 1923 г. стал именоваться рашко-звечанским. После королевской реформы 1929 г. территория Космета была разделена между тремя бановинами — Вардарской, Зетской, Моравской. При этом ни в одной бановине албанцы не составляли большинства населения.

Напоминание второе: в 1921 г. на Косово проживало 552 664 человека, из которых 331 549 указало, что их родным языком является албанский («арнаутский») (60, 1%), 189 170 — сербский (32, 6%). 40 345 человек принадлежали к другим национальностям. По вероисповеданию: 379 981 человек — исповедовали ислам (68,

¹ Славянские известия. 1913. № 9 (2). С. 113.

² *Ивић П.* О узроцима етничких промена на Косову // Становништво словенског поријекла у Албанији (Зборник радова са међународног научног скупа одржаног у Цетињу 21, 22 и 23 јуна 1990) Титоград, 1991. С. 167.

9%), 150 745 — православную веру (27, 3%), 20 568 — римско-католическую веру (3,7%)¹.

Далее, судя по статистике 1920 г., албанцы в косовском округе составляли 63, 9%, в звечанском 60, 5%, в призренском — 65, 9%, в метохийском — 80, 8%. Самая неблагоприятная для сербов ситуация сложилась на косовской равнине: в дреницком срезе — 8,1%, лабском — 9, 6%, качаникском — 2, 2%. В пограничных районах положение было и того хуже: «Хас — 100% арнаутов, в Джаковице — 3, 2% сербов». Число всех «арнаутов» в косовском округе составляло 102 270 человек, а сербов — 47 185. В метохийском округе «арнаутов» было на 35 тыс. больше, чем сербов. При этом в Белграде понимали, что плодovitость албанок только возрастет, когда в Космете воцарится «мир»².

Еще немного статистики. По переписи 1939 г., проведенной срезскими начальниками, Косово насчитывало 645 017 жителей, что превышало на 92 943 человека результат переписи 1931 г. При этом неславянских жителей было 422 827 человека (65,6%), славянских 162 896 (25,2%), переселенцев — 59 294 (9,2%)³.

По другим данным, приведенным в докторской диссертации М. Обрадовича «Аграрная реформа и колонизация на Косово 1919–1941», на Косово до 1939 г. переселилось 11 383 семьи (53 884 человека). Больше всего было из Черногории — 7 432 семьи (53, 32%), потом — из Сербии, Герцеговины, Лики и пр. Они получили 50 289 50 га земли. К этому следует добавить, что еще 2 721 семья получила 8 027, 01 га земли как исполщики, арендаторы и т. д. До 1936 г. с помощью государства было построено новыми землевладельцами 8 700 домов. У албанцев было откуплено или отнято 228 080 га земли⁴.

Безусловно и то, что колонизация и насилие над «шиптарами», как презрительно называли албанцев сербы, толкали многих на эмиграцию. Так, начальник Звечанского среза П. Кузманович в письме к королю (10 марта 1930 г.) сообщал, что за время его начальства выселилось невозвратно в Азию 32 тыс. арнаутов, «опасных для нашей страны», и около 6 тыс. выехало в Албанию⁵.

¹ *Imami P. Srbi i albanci kroz vekove*. Beograd, 1999. S. 259.

² *Ibid.* S. 261.

³ *Ibid.* S. 260.

⁴ *Ibid.* S. 263–264.

⁵ *Ibid.* S. 260.

Напоминание третье: проблема Космета связана с Албанией. В ноябре 1921 г. было принято решение о независимости ее в границах 1913 г. Определение границ между Королевством сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) и Албанией было завершено в 1925 г. Югославские военные части ушли с ее территории только в декабре 1921 г.

Дополню, что Белград поддерживал властелин Албании Ахмед Зогу, который был «должником» Королевства СХС, спасшим его власть в конце 1924 г. от мятежников. И, тем не менее, влияние в Албании надо было делить с Римом, имевшим свои виды и утвержденные международным соглашением «особые права» на эту средиземноморскую страну. Тем более что сам Зогу все больше ориентировался на Италию, от которой ожидал более щедрой экономической и финансовой помощи, чем от бедного славянского Белграда. В ноябре 1926 г. был подписан акт «О дружбе и безопасности», по которому Италия заявляла права хозяйки Албании.

Напоминание четвертое и последнее: проблема Космета увязана с революцией, национально-освободительным движением, с мечтой о создании Великой Албании. И здесь главную роль, как мне представляется, играли не столько более или менее организованные силы албанского сопротивления, сколько сама албанская «почва», на которой в то смутное время особенно пышным цветом взрастали «свободные» «главари», испытывавшие наслаждение от «поэзии собственной силы», позволявшей творить суд и расправу во время набегов на сербские территории и схваток с противником.

Революционеры были представлены такими личностями, как Хасан Приштина и Байрам Цури. Первый в 1924 г. выступал в Лиге Наций на тему террора над албанцами белградского режима. Написал две книги об этом. В феврале 1933 г. для координации действий он встречался в Будапеште с будущим главой «независимой» Хорватии А. Павеличем, а затем в апреле в Софии или близ болгарской столицы имел встречу с известным В. Михайловым из Внутренней македонской революционной организации (ВМРО). По мнению сербского историка П. Дж. Иванова, названные здесь лица обсуждали планы нападения на королевскую Югославию¹.

В августе того же года Х. Приштина был убит в Солуни (совр. Салоники) агентами Зогу. Его останки в 1977 г. были перенесены

¹ *Иванов П.Д.* Ко су и шта хоће шиптари. Београд. 1998. С. 105, 110.

из Греции в Албанию и преданы земле с высшими государственными почестями.

Второй — Б. Цури — переписывался с Лениным, С. Радич характеризовал его как «неустрасимого защитника албанской независимости»¹.

Эти борцы за новую Албанию, за права албанского населения в королевстве Александра Карагеоргиевича были в числе тех, кто играл видную роль в основании и руководстве Комитета национальной обороны Косово (далее — КК), который был основан в Албании в начале XX в. Главными задачами КК были: «решительная борьба и защита любой ценой целостности страны, защита албанской Призренской лиги (создана 10 июня 1878 г. в городе Призрене для противодействия реализации решений Берлинского конгресса, по которому некоторые приграничные территории тогдашней Османской империи были переданы Черногории и Греции — В.К.), а также освобождение собственными силами Косово и других албанских краев от оккупантов»².

Заветной мечтой было создание объединенного албанского государства. Можно сказать, что албанские борцы строили свою деятельность в духе известных строк Гете, с которыми согласны революционеры, мятежники, борцы, разбойники и «робингуды» всех стран: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой».

Достижение своих целей увязывалось ими с разрушением власти Белграда в многонациональной стране, где было много недоброжелательных сербской власти.

Так, ВМРО поддерживала дружественные отношения с КК, «закрепленные договором о взаимной поддержке»³.

В ноябре 1920 г. они заключили соглашение о совместной борьбе с Белградом за присоединение Космета к Албании, а Маке-

¹ *Imami P. Srbi i albanci*. S. 251–252. Тут же замечу, что прежде Б. Цури был на турецкой службе, преследовал качаков, дослужился до полковника, позже был принят югославскими властями и уже потом ушел в качаки. См.: *Маликович Д.* Качачки покрет на Косову и Метохији 1918–1924. Приштина, 2005. С. 40.

² Цит. по: *Маликович Д.* Качачки покрет. С. 41.

³ Македонский вопрос в документах Коминтерна. Сост. Л.И. Жила, В.Т. Поповский. Скопје, 1999. Т. I. Ч. 1: 1923–1925 гг. С. 123.

донии — к Болгарии. В январе 1924 г. был уже подготовлен план по поднятию восстания в Космете и Македонии, но потом болгары отказались от этой идеи¹.

Теперь о «почве», рождавшей качаков, этих своеобразных албанских робингудов, но без романтического ореола.

Качак — это и мятежник, и грабитель, и защитник. Это — и профессия. Все вместе — гремучая смесь, угрожавшая сербскому миру в Космете и не раз его взрывавшему. При этом надо помнить три мотива.

Первый: нападения и убийства, чинимые качаками, или немирными албанцами, были зачастую не столько мщением тому или иному личному врагу, сколько средством сопротивления племенному неприятелю — государству, персонализированному в сербстве, в органах власти, жандармах, армии. Второй: стремление к славе самого сильного, самого смелого, самого удачливого: «Садик Рама хочет плату и чтобы никто не совался в его район. Хочет сам быть пашой. Мехмед Коньухи думает, что он не слабее в Лабе, по сравнению с Бейтом в Дренице. Бечир Реджа думает, что он в Метохии сильнее обоих». Третий: защита личной свободы, своего «я», своего выбора: «Как только кто-нибудь вызывается в суд или в администрацию, он бежит в качаки, призывают в армию, он уходит в качаки, когда он недоволен общиной, когда ему надоест есть свой хлеб и сидеть дома, он тоже уходит в качаки»².

Приведу еще одно свидетельство: «Арнауты (особенно раньше были) немирным элементом. Они и во время турецкого владычества были государством в государстве. Не платили добровольно дань, не шли в армию, часто бунтовали да и Скопле захватывали». Их уход в качаки не имел «национально-политического характера». Это было связано с «грабежом, столкновением с законом, с мщением и с нелегким процессом подчинения властям, порядку... с лишением анархистской свободы. Из-за этих характерных черт и привычек их и Турция не принимала в качестве переселенцев... В Албанию без нужды не шли, так как там условия для жизни куда как хуже, нежели здесь, а тут каждый из них имеет землю и дом»³.

¹ Иванов П.Д. Ко су и шта хоће шиптари. С. 104.

² Там же. С. 98.

³ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 9. С. 12. О начину спровођења избора. 14 мая 1938 г. Скопле.

Одновременно следует подчеркнуть, что среди качаков были и такие, кто строил дома, обрабатывал землю, имел семью, но они всегда были настороже при каждом соприкосновении с властью.

Следует признать, что в качаки шли и по политическим причинам, обусловленным вековой борьбой мусульман и христиан. Это были борцы против «национального угнетения албанцев в Югославии. Но их вожди прежде чаще всего состояли на службе турецкого и австрийского режимов, а затем пользовались поддержкой Италии»¹.

В 1920 г. итальянцы выдали Х. Приштине 60 000 франков с задачей взбунтовать албанское население Приштины и в окрестностях².

Замечу, что цена одного ружья составляла 100 динаров, и его можно было купить в обычной сельской лавке на югославно-албанской границе³.

К сказанному добавлю, что беглые качаки, скрывавшиеся в Албании, проходили организованное обучение под руководством итальянских военных. Именно от Рима, по мнению одного из сербских начальников, качаки в 1918 г. получали материальные средства и необходимую амуницию для организации нападений на Королевское пограничье — гарнизоны в Печи и Джаковице⁴.

Период первых послевоенных лет характерен не только качакскими акциями, но и так называемой пацификацией их.

В 1921 г. МВД объявило качакам общую амнистию, но настоящие качаки сдавались трудно. Большинство их перебежало в Албанию. Потом последовала операция по зачистке, во время которой было много невинных жертв. По сути это была акция по разоружению населения⁵. С целью «умиротворения» населения власти шли на изъятие земель качаков, сжигание домов, интернирования их семей в особые лагеря. Но все это не давало желанных результатов⁶.

Можно задаться вопросом о численности качаков, их «акций».

¹ *Маликовић Д.* Качачки покрет. С. 38, 39, 40.

² Там же. С. 99.

³ Там же. С. 216.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ *Иванов П.Д.* Ко су и шта хоће шиптари. С. 93–94.

⁶ *Маликовић Д.* Качачки покрет. С. 198.

Только в первой половине 1922 г. в Космете было совершено 58 убийств, 18 попыток убийства, 13 разбойных нападений и 71 значительная кража. Тогда только в Метохии действовало около 370 албанских качаков, в то время как тех, которые скрывались от наказания за уголовные преступления, насчитывалось около 700 человек¹.

В 1923 г. в Космете совершали свои «рейды» 530 качаков².

Самыми знаменитыми качаками на Косово были Азем Бейта Галица (1889–1924) и его вторая жена Шота Галица (1895–1927). (Первая жена и дети стали жертвами полиции.)

Азем Бейта, голову которого Белград оценил в 30 000 динаров³, вел, насколько позволяла обстановка, борьбу с воинскими подразделениями, с жандармами, но не против сербов, среди которых имел много друзей. Когда в 1923 г. премьер-министр Королевства сербов, хорватов и словенцев Н. Пашич временно амнистировал качаков, то благодаря им сербская радикальная партия победила на тогдашних выборах на Косово. Видимо в благодарность от властей Галица получил под свою опеку от власти три села⁴.

Довольно известной личностью был подполковник Мухарем Барьяктар, близко знавший короля Албании. Несогласный с политикой Ахмеда Зогу, с его курсом на сближение с Италией, который, по его мнению, не отвечал интересам государства и народа, М. Барьяктар вначале угрожал королю восстанием, собрав около себя около 1000 человек. Потом, зажатый превосходящими силами короля, он скрылся с небольшой группой сторонников вначале в родных местах Северной Албании⁵, затем нашел убежище в Югославии. Там он и его группа были разоружены и отправлены в декабре 1934 г. в Дебар, подальше от границы⁶.

Фактически, он и его группа были спасены от жестокой расправы своего сюзерена. Возможно, это было политическим шагом Белграда, стремившегося таким путем показать свое расположе-

¹ *Маликовић Д.* Качачки покрет. С. 225.

² Там же. С. 261.

³ Там же. С. 213.

⁴ *Itati P.* Srbi i albanci. S. 249.

⁵ Извештаји министарства иностраних послова Краљевине Југославије. Књ. V. Београд, 2010. С. 457.

⁶ Там же. Књ. VI. Београд, 2011. С. 5.

ние албанским мятежникам и в то же время, убрав их подальше, не дать Тиране использовать этот случай для нагнетания напряженности. Однако спасение с помощью сербов не означало, что М. Барьяктар изменил своему взгляду на Сербию как к врагу. В 1945 г. он писал одному из руководителей дипломатических миссий в Тиране, что новая власть во главе с Энвером Ходжа, поставленная Тито, «есть выражение панславизма», прибавляя для убедительности фразы о «терроризме-коммунизме». Барьяктар верил, что только революция, поддержанная из-за рубежа, будет иметь успех¹.

Качаки были в Космете почти везде, больше всего их насчитывалось в Печском срезе, Джаковице и окрестностях, в Метохии и др. местах. При этом жандармы, набранные из арнаутов, сами занимались грабежом. Так, один из районных начальников писал: «Таф Казия, майор и командир одного батальона, собрал около себя всех разбойников и грабителей... при этом все они собрались под его начало, чтобы избежать наказания за преступления»².

Только летом 1924 г., когда был принят очередной декрет о «большой амнистии», качакское движение пошло на спад. Этому содействовали и корректные отношения с Албанией, ликвидация нейтральной зоны на границе с Албанией, в которой укрывались качаки, а также жесткая, грубая политика властей, имевшая свои методы борьбы с врагами государства.

Надо назвать здесь и убийство Азема Бейта. Его смерть углубила начавшуюся дезорганизацию качакского движения³.

Неприятелей Королевства СХС поддерживали только Коминтерн и коммунисты, которые на своем VI съезде в 1928 г. (Дрезден) подчеркнули, что албанский народ в стране находится «под властью великосербской буржуазии»⁴.

Но само их влияние в Космете было незначительным: патриархальность жизни, замкнутость устоев, определенная ксенофобия плохо уживались с коммунистическими идеями и их проводниками — сербами. Албанцами они воспринимались как соплеменники их угнетателей.

¹ *Дедиџер В.* Југословенско-албански односи 1939–1948. Београд, 1949. С. 136.

² *Иванов П.Ц.* Ко су и шта хоће шиптари. С. 97.

³ *Маликовић Д.* Качачки покрет. С. 300.

⁴ *Itami P.* Srbi i albanci. S. 252.

Колонизационная политика, связанная с «обрезанием» земли, рождала только ненависть к власти Белграда. Так, в 1920 г. власти в ходе аграрной реформы пошли на выделение 62 991 га колонистам, расселявшимся в Космете и в Македонии¹.

С методами ее проведения албанцы не могли смириться, так как их многие из них материально пострадали, «особенно беги и собственники значительных земель»².

В апреле 1939 г. в докладе министерства армии и морского флота Королевства Югославии констатировалось: «Арнаулы недовольны положением, в котором находятся в нашем государстве. Это факт, который не может быть опровергнут... Изъятие земли у албанцев, как и сознание того, что они на нашей территории являются постоянно нежелательным элементом, непременно повлечет за собой расширение пропаганды в пользу Италии... Эта ситуация могла бы быть нейтрализована двумя способами: скорейшим выселением с нашей территории или удовлетворением их требований в материальной сфере». Однако ни один из этих методов так и не был реализован по причинам внешне- и внутривосточного характера. Соответственно, проблема оставалась. Спустя год генерал Б.С. Илич в своем докладе от 10 сентября 1940 г. писал, что «недовольство» этого народа в основном было вызвано как «бессовестным, неспособным и частично коррумпированным чиновничеством», так и несправедливостями, допущенными в ходе решения аграрного вопроса³.

Вызывали, мягко говоря, раздражение у местных албанцев и «инициативы» «своих», как, например, Фавзия Хамзича, директора Вакуфской дирекции, обещавшего властям некую «национализацию» мусульман⁴.

Тем не менее, у албанского населения в Космете были свои, родные по крови, духу и языку, защитники. Здесь можно назвать Джемаетскую партию, которая вначале даже сотрудничала с серб-

¹ *Vrčinac J.* Kraljevina srba, hrvata i slovenaca od ujedinjenja do vidovdanskog procesa. Beograd, 1956. S. 38.

² Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 9. С. 13. О начину спровођења избора. 14 мая 1938 г. Скопле.

³ *Imami P.* Srbi i albanci. S. 284–285.

⁴ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 9. С. 13. О начину спровођења избора. 14 мая 1938 г. Скопле.

скими радикалами, заинтересованными в электоральных голосах албанцев. Однако эта неестественная коалиция довольно быстро распалась, а сама партия была запрещена в середине 1920-х гг. якобы из-за своей подрывной деятельности.

Один из ее лидеров Ферхат-бег Драга, резко критиковавший политику сербского Белграда по отношению к албанскому населению, был осужден на 100 лет. Однако прошло совсем немного времени, и он был выпущен из тюрьмы¹.

Позже Ферхат-бег Драга сотрудничал с итальянской тайной службой, в 1938 г. встречался в Италии с Б. Муссолини².

Необходимо подчеркнуть, что Италия наиболее преуспела в «приручении» албанцев. Многие соглашались сотрудничать с ней, считая это патриотическим поступком в борьбе за объединение Косово с матерью-родиной.

Сами итальянские политики, в частности, министр иностранных дел Чиано, полагали, что Косово — это «нож, нацеленный в хребет Югославии». Связанный с итальянской секретной службой албанский дипломат в Белграде Ш. Джеджули в 1935 г. инициировал создание в Белградском университете (в нем училось тогда около 20 албанцев) тайной организации «Беса» с оказанием ей материальной поддержки³.

После оккупации в 1939 г. Албании Италией Рим через разведслужбу использовал членов «Бесы» для сбора информации из Космета⁴. В 1941 г. «Беса» распалась, надобность в тайне и тайной организации миновала: на сцену выступили мощные национальные силы. По сути дела, «Беса», судя по имеющимся сведениям, не представляла собой серьезной политической силы. Да и не могла быть таковой по той причине, что Белград все же был сербским городом, а Белградский университет не был албанским. В подтверждение сказанного можно привести небольшой сюжет о том, как во время празднования 550-летия годовщины Косовской битвы («Князь Лазар 1389 — Король Петр 1939») раздавали листовку «Наше слово обществу», подписанное «Арнаутская молодежь». На самом деле ее составили студенты-коммунисты Белградского университета (Л. Рибар, Р. Бур-

¹ *Itami P.* Srbi i albanci. S. 253.

² *Ibid.* S. 271.

³ *Ibid.* S. 278.

⁴ *Иванов П.Ц.* Ко су и шта хоће шиптари. С. 111.

джевич, С. Джакович и др.). В листовке упоминалось о репрессиях над албанцами, говорилось об отнятии земли, о конвенции с Турцией по насильственному выселению арнаутов¹.

7 марта 1937 г. на тайном совещании во влиятельной институции, объединявшей элиту страны, — Сербском культурном клубе — о «выселении арнаутов» говорил историк В. Чубрилович, встревоженный тем, что с 1921 по 1931 гг. прирост албанцев — «самой живучей и плодovitой расы» — составил 68 060 человек, а сербов 58 745. Он пришел к выводу, что власть может добиться успеха в своей колонизационной политике, если будет применять суровые меры. Для «исправления» создавшегося положения и была заключена конвенция от 11 июля 1938 г. между Стамбулом и Белградом по выселению в Турцию 40 тыс. мусульманских семейств из южной Сербии в течение 1939—1944 гг. При этом за каждую семью югославское правительство обязывалось выплачивать 500 турецких лир, из которых 30% в валюте. По конвенции не только турки, но и албанцы, примерно из 50 мест Космета могли быть выселены. Конвенция не была ратифицирована в турецком парламенте, вследствие смерти Кемаля Ататюрка (албанца по происхождению)².

Но, как ни парадоксально, «новые албанцы» только начинали взрастать на родной почве «с помощью сербов», вернее, ненависти к ним.

Сербы думали иначе. Просвещение было тем средством, с помощью которого Белград рассчитывал создать свою элиту в албанской среде. В 1924/25 учебном году в Скопле было открыто государственное медресе «Король Александр» в ранге гимназии, в которую был откомандирован сильный состав преподавателей с целью воспитания преданных государству людей. Однако случилось обратное ожиданиям: многие ученики этой школы из числа албанцев в 1930-х гг. уходили в коммунистическое подполье. Они доминировали в первом поколении интеллектуалов-албанцев в межвоенной Югославии. Большинство их участвовало в народно-освободительной борьбе против нацистов. После Второй мировой войны эти люди занимали видное положение в сферах просвещения и культуры³.

¹ *Imami P. Srbi i albanci*. S. 276.

² *Ibid.* S. 261—262.

³ *Ibid.* S. 255, 257.

В то же время просвещение «арнаутов» в массовом масштабе не приветствовалось. В служебной записке, датированной 1938 г., подчеркивалось: «Раньше появление албанцев в гимназиях было редкостью. Но уже десять лет как они словно пробудились от сна. Произошел наплыв албанцев в гимназии. Цель — создать кадры интеллектуалов-албанцев. Великое медресе в Скопле ежегодно выпускает 20 выпускников. Все те, кто заканчивает средние школы, идут в университет. Большое количество молодежи переместилось в Албанию, где получили стипендию Албании или Италии. Цель этого обучения состоит в том, чтобы из албанцев, рожденных на нашей территории, создать фронт борцов за освобождение арнаутов в Югославии». Поэтому власть не только запрещала книги на албанском языке, но и наказывала их владельцев. Было строго запрещено и публичное пение на албанском языке¹.

Касаясь начального и среднего образования, надо все же сказать, что если в 1927/28 учебном году в школу ходили 7655 албанцев, в том числе 232 девочки, то в 1939/40 учебном году албанских детей было — 11876².

Динамика, конечно, могла быть значительно лучше, но «винить» во всем государство было бы несправедливо, (хотя именно оно не выполняло условия Сен-Жерменского договора о защите прав национальных меньшинств).

По мнению историков из бывшей СФРЮ, политические организации албанцев, их лидеры, беги, мало вкладывали труда в дело улучшения культурно-просветительного положения албанского населения.

«Вторжения качакских отрядов с их грабежами и разбоями, терроризм, ирредентизм, с одной стороны, репрессивные акции властей, с другой», вели к ухудшению общей ситуации, что отражалось и на культуре. Тяжелое положение, в котором обвинялось государство, должно было быть использовано как мощное средство для присоединения Космета к Албании³.

Однако Белград тогда был сильнее и действовал злее и жестче. Хотя политика «пряника» также не забывалась. «Приручение»

¹ *Itami P.* Srbi i albanci. S. 267.

² *Ibid.* S. 255.

³ *Димић Љ.* Културна политика Краљевине Југославије 1918–1941. Трећи део. Београд, 1997. С. 120.

Космета шло не только через молодежь со ставкой на будущее, но и через людей опытных, авторитетных, включенных в политическую жизнь Королевства, знающих историю, «связывавшую» два народа. При этом следует отметить, что «мусульмане и турки и арнауы по партийной линии всегда были с радикалами, соответственно в своем большинстве стояли на стороне тех, кто был на власти»¹.

Членом радикальной партии и личным другом Н. Пашича был глава Печской общины Неджип-бег Башич (фанатики-мусульмане его презирали за то, что позволил дочери снять зар и фередж, т. е. паранджу и чадру). С радикалами были связаны Ш. Воца, глава общины Шалье, и Ч. Цури, глава общины Джаковицы. Двор оказывал большое внимание Ш. Воце, который в 1915 г. спас короля Петра во время перехода через Албанию. Он и его отец Бечир помогали властям в отражении или обуздании качакских акций. Когда король Александр женился на румынской принцессе Марии в июне 1922 г., они послали в качестве свадебного подарка 100 баранов с золочеными яблоками на рогах. Однако в 1930-х гг. Ш. Воца был разочарован политикой властей по отношению к своим соотечественникам. Так, в Народной скупщине 1938 г. он критиковал правительственный план о насильственном выселении албанцев. Опасаясь репрессий, он должен был бежать из страны — жил в Албании, Италии, Египте и в Греции. Вернулся в Югославию накануне войны, предварительно заручившись защитой королевы Марии, к которой он обратился с письмом о помощи. Уже тогда Воца был связан с итальянской секретной службой. После нападения в 1941 г. Германии на Югославию он, опасаясь ликвидации со стороны югославской армии, пытался незаметно покинуть Косовскую Митровицу переодетым в мусульманскую женскую одежду, однако при встрече с патрулем побежал и был убит².

Радикалов поддерживал и депутат Народной скупщины Ченан Зия-бег из Битоли, потомок Али-паши Янинского по материнской линии. В рядах Демократической партии, а потом Радикальной, был Сефедин-бег Махмутбегович, который следовал в

¹ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 9.С. 14. О начину спровођења избора. 14 мая 1938 г. Скопле.

² *Imami P. Srbi i albanci. S. 270–271.*

жизни пословице: «сила Бога не просит». В списке Югославского радикального объединения, созданного в 1935 г., было несколько политиков-албанцев, среди которых — А. Мармулакович из Истока, М. Дургутувич из Ораховца, И. Агуши из Приштины. Они выступали против изъятия земли у албанцев, но не смогли добиться от правительства конкретных мер по изменению ситуации. Во время Второй мировой войны большинство албанских политиков сотрудничали с оккупантами. И. Агуши стал членом правительства в Тиране. После войны некоторые эмигрировали, а те, которые не успели, были убиты или осуждены. «Приручали» не только должностями, но и наградами. Так, орден Югославской короны 5-й степени получили: глава общины Добре Воде Ю. Шлакович, глава общины Србица Р. Фенович, глава общины Джаковица С. Црноглавич¹.

Космет интересовал не только сербов. Его территория стала местом деятельности итальянской, немецкой, английской, советской разведслужб. Все старались «приобрести и подкупить» авторитетных албанцев, которые могли быть им полезны. Главным агентом абвера стал К. Плавшич, к которому присоединился сотрудник ведомства адмирала Канариса с 1936 г. Д. Дева из Косовской Митровицы. На службе у Великобритании состояли Чани-бег Црноглавича и Ч. Кокоши².

И все они работали, надо полагать, за идею, которая для них, как и для многих албанцев, воплощалась в Великой Албании, новом центре мусульманского царства на Балканах.

Однако больше всех преуспела Италия, активно готовившая пятую колонну в королевстве Югославия.

7 апреля 1939 г. Италия оккупировала и аннексировала Албанию.

С этого времени начинается новый этап в истории пограничного Космета. Активизируется качакское движение. При согласии Италии проводится запись добровольцев для будущих походов в Космет. Так, Ахмед-ага Бериша из Джаковицы записал в Скадре и окрестностях 500 человек, М. Барьяктар собрал 700 человек; М. Биба из села Ника около 700 добровольцев. Каждый из них получал по килограмму кофе и сахара и три килограмма риса с усло-

¹ *Itami P.* Srbi i albanci. S. 271–272.

² *Ibid.* S. 278; *Иванов П.Д.* Ко су и шта хоће шиптари. С. 112.

вием, что будут готовы (в 1940 г.) выступить в поход, когда поступит приказ¹.

Готовились, кстати сказать, и в Королевстве. К весне 1941 г. в Югославии находилось около 300 албанских политэмигрантов, которые в начале апреля собрались в Джаковице и Дебре. 5 и 6 апреля в Албанию было заброшено несколько групп, которым удалось поднять население на восстание против итальянской оккупации в нескольких районах. Вошедшая туда Югославская армия рассматривалась своеобразной освободительницей².

Однако последовавшая вскоре повсеместная сдача страны прекратила эту трагикомедию.

Но война диктовала свои законы, и сербы, пока были хозяевами, действовали по отношению к албанцам в Космете жестко. Командант военного округа в Косовской Митровице полковник В. Каличанин расстрелял в казарме большую группу военнообязанных албанцев из-за их якобы дезертирства³.

Албанцы Космета действовали не менее сурово — уже по отношению к мирному населению! Враги югославов — немцы и итальянцы — были встречены албанцами Космета как долгожданные освободители. Албанские «вулнетари», т. е. добровольцы, начали жечь сербские и черногорские села, прежде всего, колониетские. По городам Космета прошли многочисленные демонстрации с лозунгами «Rnoft baba Hitler» («Да здравствует отец Гитлер»), «Rnoft dajka Musolini» («Да здравствует дядя Муссолини»). Настало «черное время» и для королевских солдат, возвращавшихся домой на Косово; их убивали, грабили, а те, которые добирались домой невредимыми, заставляли только развалины, пахнущие дымом, на месте своих домов. «На грабеж и выселение сербов поднялось все албанское население при помощи многочисленных качаков, которые ранее, скрываясь от наказания за свои преступления, бежали в Албанию, а сейчас нагрянули назад...»⁴

Дреничский священник Д. Шекуларац в своих свидетельских показаниях от 20 июля 1941 г. говорил следующее: «Приход по-

¹ *Иванов П.Ц.* Ко су и шта хоће шиптари. С. 108.

² *Itami P.* Srbi i albanci. S. 285.

³ *Ibid.*

⁴ *Јевтић А.* Страдања срба на Косову и Метохији од 1941. до 1990. Приштина, 1990. С. 12.

кинул после того, как был ограблен до нитки арнаутами. Бежал с женой и шестью детьми в тот момент, когда меня должны были убить... Арнауты военнообязанные бежали из армии с оружием — кто переоделся, а кто и в форме уже “при деле”: нападают на сербских солдат, жандармов и остальных. Дома сжигают, убивают известных граждан... Слышатся вопли женщин и детей. Вопль за воплем. Помочь никто никому не может. Немецкая армия еще не прибыла, наша — в развале. Анархия ликует. Арнауты не имеют милости. Избивают, убивают, грабят. Сербский народ в панике... Бежим в Печ... Получаем ответ (от немцев), что они не имеют достаточно сил для защиты сел, и могут гарантировать только городские поселения... возвращаюсь в Дреницу... Сейчас здесь итальянцы вместо немцев. Кто-то вернулся на пепелище, но убийства еще продолжают, теперь по ночам. Моя церковь обезображена, мой приходский дом разрушен. Существование невозможно»¹.

В 1941 г. было уничтожено 65% домов колонистов в Печском районе, и 95% — в других районах Метохии².

Сам Космет в середине мая 1941 г. был разделен на три зоны: немецкую, итальянскую (самую большую) и болгарскую.

Италия после разгрома Королевства Югославии под своим протекторатом сразу создала так называемую Великую Албанию (этническую Албанию).

В августе 1941 г. по указу итальянского королевского наместника в ее состав вошли большая часть Космета, западная Македония и пограничные районы Черногории.

В этом государстве жило 1 905 277 жителей, из них в границах Албании 1 105 903³.

Албанцы из Космета вошли в албанский парламент и правительство в Тиране. Осуществлена была великая мечта о «Великой Албании».

Оставалось только одно: «убрать» из новой Албании сербов, прежде всего колонистов. И здесь те же самые оккупанты — и итальянцы, и немцы пытались как-то ограничить и прекратить произвол и насилия, творимые над сербами.

¹ *Jevtiћ A.* Страдања срба на Косову и Метохији. С. 15.

² Там же. С. 13.

³ *Itami P.* Srbi i albanci. S. 285.

Так, после убийства в Призрене сербов в 1941 г. и образования албанско-итальянской полиции в 1942 г. в городе вплоть до капитуляции Италии больше не было сербских жертв.

Шли аресты и интернирование, например, в лагерь Порто Романо, близ Драча (там содержалось около 900 сербов)¹.

Но убийств, которым препятствовали итальянские военные власти, не совершалось.

При этом следует отметить, что из сел в окрестностях Призрена сразу была предпринята высылка всех сербов-колонистов в Сербию и Черногорию².

Как пишет современный исследователь П. Имами, из итальянской оккупационной зоны выселилось свыше 40 тыс. человек³.

После ухода итальянцев в 1943 г. из Космета и замены их господством немцев началась новая волна атак на сербское население. Албанцы по соглашению с немцами тогда стали считать свои владения «Новой Албанией»⁴.

В болгарскую оккупационную зону вошли: одна часть Гниланского района, Витина, Качаник и Сириничка жупа. В оккупированных краях болгары открыли школы на болгарском языке, болгарский язык звучал в органах управления новыми владениями, подлежащими болгаризации⁵.

Однако центральное место все же занимала албанизация Космета.

В той же немецкой зоне влияния в составе Недичевской Сербии оказался Косовский округ (часть Косово), который албанцы называли тогда Малой Албанией, с административным центром в Косовской Митровице. Вначале он состоял из четырех районов с центрами в Новом Пазаре, Косовской Митровице, Вучитрне и Подуеве, а с декабря 1941 г. из пяти, с добавлением центра в Рашке.

¹ *Јевтић А.* Страдања срба на Косову и Метохији. С. 19.

² Там же. С. 17.

³ *Итали П.* Srbi i albanci. S. 288.

⁴ *Јевтић А.* Страдања срба на Косову и Метохији. С. 13.

⁵ *Фолић М.* Окупациони систем и колаборација на Косову и Метохији 1941–1945 // Други свјетски рат — 50 година касније. Радови са научног скупа. Подгорица, 20–22 септембар 1995. Подгорица, 1997. Т. 1. С. 568.

В соглашении от 21 апреля 1941 г. между комендантом 60-й пехотной дивизии Немецкого рейха генерал-подполковником Ф.Г. Эберхартом и албанскими лидерами в Югославии подчеркивалось, что руководители албанцев «должны взять власть в стране и тем самым нести полную ответственность за безопасность жизни и имущества всех людей, которые живут в стране. Самовольные акты мщения и нападения, как и грабежи, должны быть немедленно прекращены»¹.

Однако новый порядок имел ярко выраженный проалбанский характер. Немецкий спецдипломат Герман Нойбахер в своем донесении в Берлин писал, что «албанцы поспешили изгнать как можно больше сербов из страны. При этом за разрешение на выселение местные тиранчики часто брали бакшиш, точнее, взятки золотом»².

Из немецкой зоны «разрешение на выселение» запросило свыше 30 тыс. человек³.

После интерpellации главы сербского «правительства» генерала Недича к Нойбахеру, а последнего к Дж. Деве ситуация несколько изменилась, но страдающей стороной все равно оставались сербы.

Грабежи и убийства продолжались. Только в Липлянском приходе с 1941 г. по 1945 г., судя по неполному списку, было убито 62 человека⁴.

По утверждению П. Имами, в годы Второй мировой войны в Космете погибло 6 200 человек всех национальностей. Так, из 550 косовских евреев выжило только 210⁵.

От рук простых албанцев, албанских фашистов, албанской полиции, албанских борцов за национальную идею, мусульман, партизан, болгар погибло немало и белого и черного православного духовенства. Не пощажены были церкви и кладбища. Так, от монастыря Девич в Дренице, преданного огню в октябре 1941 г., не осталось камня на камне. Были ограблены обители Грачаница и Соколица. Церковь монастыря Гориоча служила тюрьмой при мас-

¹ *Imami P.* Srbi i albanci. S. 286.

² *Ibid.* S. 287.

³ *Ibid.* S. 288.

⁴ *Jevtiћ A.* Страдања срба на Косову и Метохији. С. 22–23.

⁵ *Imami P.* Srbi i albanci. S. 297.

совых арестах сербов. Как пишет сербский исследователь А. Евтич, число беженцев достигало в годы войны 100 тыс. человек¹.

По свидетельству Сербской Православной Церкви за время оккупации в Космете было убито 10–15 тысяч сербов².

При этом бытуют утверждения о переселении на Косово за время оккупации из Албании от нескольких десятков тысяч до 300 тыс. человек. Однако, по данным Инспекции Союзного Секретариата внутренних дел, в Югославию за время войны прибыли 3604 лица, рожденных в Албании, 501 югослав (неалбанец) из числа еще до войны эмигрировавших в Албанию, 4 тыс. албанцев, рожденных в Королевской Югославии и перебежавших ранее в Албанию³.

В Космете началось «время» сторожей «Великой Албании». Так, уже Ферхат-бег в августе 1941 г. заявил, что под «косовским солнцем» больше не должно быть сербов, и если не удастся их выселить мирным путем, необходимо использовать «массовый террор»⁴.

Другой «сторож» — авторитетный политический деятель Б. Пеяни, трудившийся с Ферхат-бегом и Дж. Девой над созданием Великой Албании, считал, что Косово — гнездо албанизма, постепенно занятое сербами, расселявшимися в южном направлении. «По его мнению, шиптари-албанцы без Косова и Метохии не смогли бы выжить». Судьбу албанцев Космета он связывал с гитлеровской Германией⁵.

«Сторожем» должен был быть каждый албанец. Особая роль в этом предназначалась созданной в Албании, после занятия ее итальянцами в 1939 г., организации Национальный фронт или «Бали комбтар». Именно балисты из Космета сумели объединить вокруг себя других националистов — «вулнетаров», албанскую полицию, албанские добровольные местные вооруженные формирования и др. Свою цель балисты видели в охране границ «Великой Алба-

¹ *Јевтић А.* Страдања срба на Косову и Метохији. С. 23–26.

² Меморандум о Косову и Метохији светог архијерејског сабора Српске Православне Цркве. Београд, 2003. С. 41.

³ *Ћатић Р.* Srbi i albanci. С. 298.

⁴ *Фолић М.* Окупациони систем и колаборација на Косову и Метохији. С. 570.

⁵ Там же. С. 571.

нии» со всеми соответствующими задачами. Позднее, в преддверии провала в Югославии своих «освободителей» в немецкой форме, баллисты развили активную пропаганду, говоря, что примут любую армию кроме Народно-освободительной армии Югославии. Они уверяли население в скором нападении Англии и Америки на СССР, что обеспечит существование «Великой Албании»¹.

Свою роль играла и албанская фашистская милиция, которая действовала в итальянской оккупационной зоне. Она производила аресты сербов и черногорцев (учителей, священников, богатых граждан, бывших чиновников, т. е. людей, пользовавшихся влиянием в обществе), отправляя многих как политически неблагонадежных в концлагеря. Из регулярных воинских частей в обороне Космета от партизан участвовали полторатысячный карательный полк «Kosovo», сформированный еще одним «сторожем Великой Албании» Дж. Девой, части албанской армии, десяти тысячная 21-я дивизия СС «Скендербег», основанная в апреле 1944 г. и уничтоженная в мае 1945 г. Первая ее акция (14 марта 1944 г.) была связана с арестом почти трех сотен приштинских евреев. Неудачи в боях компенсировались расправами над неалбанским сельским населением².

Помимо чисто воинских формирований, ставивших перед собой задачи охраны «мира и покоя» в Космете, и в целом в «Великой Албании», на его территории развернулся процесс создания различных «комитетов» по его защите. В префектурах, общинах, селах формируются национальные демократические комитеты, сыгравшие большую роль во время мятежа в 1944–1945 гг.³

Всюду тогда развевалось албанское национальное знамя. Албанцы получили право обучения на родном языке. При этом если в итальянской оккупационной зоне сербские дети могли учиться в школах только на албанском языке, то в немецкой зоне сохранялись и сербские учебные заведения.

Но была и другая система образования — гражданская война, шедшая вперемешку с народно-освободительной борьбой. И в рядах партизан Тито были и албанцы-коммунисты. Первый албанский отряд, названный в память погибшего коммуниста-албанца

¹ *Иванов П.П.* Ко су и шта хоће шиптари. С. 120.

² Там же. С. 130.

³ Там же. С. 118–119.

«Зейнел Айдини», был основан в конце сентября 1942 г. под командованием Ф. Ходжи¹.

В дальнейшем число партизанских отрядов увеличивалось, в основном за счет сербов и черногорцев, предпочитавших не вливаться в албанские партизанские части. Так, Косовский партизанский батальон был составлен в основном из сербов и черногорцев, бежавших из Косово. Албанские партизанские части особенно успешно пополняли свои ряды в 1944 г. Например, в конце сентября 1944 г. близ Подуева был сформирован батальон «Мето Барьяктари» (в память о погибшем товарище-коммунисте), который в основном состоял из албанцев. В октябре-ноябре в основном из албанцев были набраны 4-я (в Албании) и 7-я (в Джаковице) косовские бригады. Стоит отметить, что албанцы избегали входить в другие бригады, из-за страха, как пишет П. Имами, быть убитыми «сербскими и черногорскими реваншистами». Всего к концу войны в рядах Народно-освободительной армии Югославии насчитывалось свыше 50 000 албанцев. Символом совместной борьбы сербов и албанцев на Косово и Метохии стали народные герои Б. Вукмирович и Р. Садику, расстрелянные близ с. Ландовице, около Призрена. Осталась легенда, что перед казнью они так крепко обнялись, что итальянским карабинерам не удалось потом разнять их тела. Останки героев впоследствии были перенесены в Печ по просьбе семьи Вукмировича. Один похоронен на православном кладбище, другой на мусульманском².

Есть и много других примеров того, как албанцы во время войны помогали сербам и черногорцам. Когда после крушения Югославии албанские «вулнетари» хотели добить находившихся в Призренской больнице раненых королевских солдат, в их спасении участвовали вместе с медицинским персоналом и некие албанцы, которые принесли им гражданскую одежду. Еще один пример связан с именем албанского национального деятеля Гани-бега Кривиза, который в июле 1944 г. обратился с воззванием к албанцам Косово, призывая их вместе с другими антифашистами вступить в борьбу против немцев и бороться за «святую албанскую землю». Титовская власть его арестовала и посадила в тюрьму в Сремской

¹ *Imami P. Srbi i albanci. S. 289.*

² *Ibid. S. 289–292.*

Митровице как якобы немецкого коллаборациониста, где он был убит в результате «организованного инцидента»¹.

В то же время стоит заметить, что албанский лидер Энвер Ходжа в своей записке 1949 г. в ЦК ВКП (б) о Косово и Метохии писал: в годы национально-освободительной борьбы «коммунистическая партия Югославии приложила все усилия к тому, чтобы не подымать вообще вопроса о Косово, не *воспитывать* массы албанского населения Косово в духе патриотизма и не допустить того, чтобы наряду с югославским флагом развевался и албанский флаг (что для них явилось бы большой символической и мобилизующей силой). Наоборот, Центральный Комитет Коммунистической Партии Югославии подавлял эти стремления албанского населения Косово, постоянно боролся с ними и осудил нас, когда мы внесли такое предложение и высказались в пользу этих стремлений»².

Все это было больше похоже во времена Информбюро на «очередной вклад» борьбы с Тито.

Сами результаты развернувшейся борьбы за «святую землю» были с военной точки зрения предрешены: с 17 по 23 ноября, несмотря на жестокое сопротивление балистов, города Космета были освобождены. Однако поражение не означало прекращения борьбы. Так, проведенная новыми властями общая мобилизация в Космете была практически сорвана: одни албанцы быстро дезертировали, другие поднимали мятежи. Были случаи, когда вся бригада переходила на сторону балистов³.

Со 2 декабря 1944 по 21 февраля 1945 г. длились повстанческие акции балистов, собравших под свои знамена около 80 тыс. человек⁴.

После разгрома во второй половине февраля 1945 г. ядра восстания в Дренице тактика балистов изменилась. Одни ушли в Грецию, в Албанию, другие вошли в новые органы власти в Космете. Так, Х. Спахия был председателем районного народно-освободительного комитета в Призрене и одновременно пред-

¹ *Itami P.* Srbi i albanci. S. 297.

² Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. Т. II. 1949–1953 гг. Москва — Новосибирск, 1998. С. 208.

³ *Иванов П.Д.* Ко су и шта хоће шиптари. С. 121.

⁴ Там же. С. 146.

седателем центрального национал-демократического комитета¹.

Именно эта организация с центром в Призрене, не оставлявшая планов соединения Космета с Албанией, успешно внедрилась в милицию, имела своих сторонников в рядах КПЮ, в армии, в местных органах власти².

К этому добавлю еще один небольшой сюжет, связанный с конгрессом в албанском городе Мукай в 1944 г. На нем был провозглашен лозунг независимой Албании, в которую входило бы и Косово. Представители Тито Душан Мугоша и Миладин Попович заявили, что жители Космета никогда не согласятся на выход из Югославии. М. Попович, как передает В. Дедиер, выпалил, что они «не идут на союз с псами. А потом эта этническая Албания. Майку јој њену!»³

Безусловно, новая власть, понимая всю трудность ситуации в Космете, старалась показать отличие прежней политики королевских властей от своей, нацеленной на удовлетворение насущных требований албанцев, прежде всего в земельном вопросе. 6 марта 1945 г. власти приняли «решение о временном запрещении возврата колонистов на прежние места жительства», а 7 июля того же года было объявлено сходное сообщение о запрете самовольного возвращения колонистов, обращенное к тем, которые во времена королевской Югославии в запланированном порядке расселились в Космете на землях беглых или изгнанных албанцев. Все спорные имущественные вопросы обсуждались в аграрной ревизионной комиссии. Она признала полное право на землю 4829 сербских семейств. Согласно ее решениям, 5744 прежних владельцев частично потеряли землю. 595 бывших собственников утратили право на землю. Албанцам было возвращено 15784 га⁴.

В репортаже «Обещанная земля» («Борба», 20 VI. 1989) один из бывших высоких руководителей в Косово сказал следующее: «Для нас, ради упорядочивания ситуации на Косово и Метохии, было самым важным обсудить и справедливо решить все споры во круг земли. Все это длилось два года. Тем решением была отнята у поселенцев только та земля, которую годами обрабатывали кре-

¹ Иванов П.Ц. Ко су и шта хоће шиптари. С. 122.

² Там же. С. 150.

³ Дедијер В. Југословенско-албански односи. С. 112.

⁴ *Itami P.* Srbi i albanci. S. 288.

стьяне-албанцы... около 15–16% всей земли, которой поселенцы владели до войны... Когда были решены все эти споры вокруг земли, были созданы благоприятные условия для нормальной жизни и работы в Области, а это, между прочим, проявилось в том, что после того быстро были в основном ликвидированы и мятежники»¹.

По мнению уже не политика, а сербского историка Евтича, в Космет никогда не вернулось 1 638 сербских семейств, а в Воеводину тогда было переселено 2 064 семьи. По материалам Областного комитета, землю тогда на Косово потеряли частично или полностью 5 744 сербских семьи (т. е. идут совершенно иные данные, чем у П. Имами!), и только некоторые из них получили назад свою кормилицу. Так началась послевоенная «этническая чистка» Косово и Метохии².

С последним выводом коллеги трудно не согласиться.

Итак, в 1945 г. Косово получило статус автономной области в составе Сербии, в 1963 г. — статус автономного края. Однако не было одного — права выделиться из Сербии. А именно это и оставалось главной задачей, выполнению которой была подчинена деятельность радикально настроенных албанцев. «Братство и единство» не приживалось на Косово. К 1948 г. членами КПЮ было 0, 35% населения. Из этой трети одного процента албанцы составляли 32%³.

Безусловно, здесь надо сказать немного и по вопросу присоединения Космета к Албании, который ставился на послевоенных Балканах. Как писал в 1946 г. посланник Югославии в Албании И. Джордже, позиция «Старого» (партийная кличка Тито — *В.К.*) резюмируется в следующих словах: «ни внутренняя обстановка в Югославии, ни международная обстановка вообще не благоприятствуют постановке вопроса о присоединении этих областей к Албании. От этого, по мнению Тито, Албания не укрепилась бы, а Югославии могла бы многое проиграть, особенно в Сербии, для которой эта проблема имеет особое значение»⁴.

¹ *Imami P.* Srbi i albanci. S. 289.

² *Jevtić A.* Страдања срба на Косову и Метохији. С. 27.

³ См.: *Гуськова Е.Ю.* Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и процесс мирного урегулирования. М., 2013. С. 17

⁴ Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Документы. М., 1999. С.315–316.

В сентябре 1949 г., когда Югославия подверглась массовой атаке со стороны СССР и его союзников и обвинениям в измене делу социализма, албанский лидер Энвер Ходжа писал в ЦК ВКП (б) о Косово и Метохии: «Мы считаем, что Косово и Метохия и часть пограничной с Албанией Македонии с албанским населением после освобождения Югославии из когтей Тито и империализма должны быть присоединены к Албании. Только такой путь приведет к тому, что албанцы, живущие в Югославии, будут героически бороться против Тито и империализма»¹.

Тогда же он писал, что «... Албанцы Косово, Метохии и других мест свой насильственный отрыв от Албании считали и продолжают считать самой большой несправедливостью, допущенной по отношению к ним. Они не согласились с таким решением вопроса и не желают оставаться в границах Югославии, независимо от ее политического строя. Такова действительность. Их единственный идеал — это слияние с Албанией»².

Здесь можно даже сказать несколько слов о национализме. Некоторые отождествляют его с насилием, ненавистью, антидемократией, другие считают, что националисты своей первейшей задачей считали и считают борьбу за свою государственность, сохранение своего государства, желательно, моноэтнического, объединение своего народа в одном государстве. Говорить об албанцах не приходится, об их отношении к сербам сказано выше. И если целью социализма можно считать «растворение» государства, то целью националистов было создание своего государства, что и было продемонстрировано, кстати, в 1990-х гг. Иными словами, еще раз подчеркну, что слова «националист», «борец за национальные права» могут служить образцом «слов-перевертышей», когда каждый участник «политической игры» вкладывает в них свое содержание и понимание.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. на Косово действовала организация «Революционное движение за объединение албанцев», в составе которой было около 300 человек. Целью было объединение с Албанией. Их подпольные организации поддерживали албанские организации, действовавшие в разных странах и континентах, такие, как «Союз косоваров» в Италии, потом в Турции³.

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 213.

² Там же. С. 206.

³ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. С. 650.

Я бы даже сказал, что «революционерами» было все албанское население Космета, выдавливая, где возможно, сербов с их земель, заставляя продавать их по дешевке и уезжать в иные места. С послевоенного времени до 1961 г. 338 населенных пунктов вычищено от сербов. С 1966 г. по 1971 г. изгнано из Космета около 35 000 сербов. Этнические чистки продолжились и в последующее время, причем в больших размерах: с 1971 г. по 1982 г. «покинули» Космет 220 000 сербов, с 1961 г. по 1981 г. 606 населенных пунктов остались без сербов. Так, Подуево после 1944 г. было на 90% сербским, к концу XX в. их почти не осталось, в начале XXI столетия — две старушки!¹

Национальное движение за независимость набирало обороты, вовлекая самые различные социальные слои. Лозунги «Мы албанцы, а не югославы», «Косово — республика» звучали все чаще.

И нельзя сказать, что в Сербии не понимали всей опасности складывающейся ситуации. В 1968 г. сербский писатель Добрица Чосич сказал, что «на Косовометохийской земле в современных условиях возможны только два вида государственности: или югославский, или албанский». Он даже разработал план размежевания Косово, по которому Сербии отходило большинство культурно-исторических памятников, церквей, монастырей. Но тогда его инициатива не встретила поддержки и была резко раскритикована².

Хотя в том же революционном 1968 г. из названия края была выброшена Метохия, напоминавшая косовским албанцам о его сербском характере (метох. греч. — владение православной церкви). По конституции СФРЮ 1974 г. Косово, находясь в составе Сербии, приобрело равные с ней права, т. е. республики де-факто, получив право вето почти по всем вопросам.

Официальный период «братства и единства» закончился со смертью Тито в 1980 г. и волнениями в Приштине, которые с тех пор не прекращались, принимая разные формы — от политических движений до террористических актов, что вело к тому, что сербы все в большем количестве были вынуждены покинуть Косо-

¹ Меморандум о Косову и Метохији светог архијерејског сабора. С. 42—43.

² *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса. С. 683.

во. В 1981 г. из 1451 населенного пункта в 635 не осталось ни одного серба. К 1991 г. сербов в Косово осталось меньше 10%¹.

В марте 1981 г. произошел поджог Печской патриархии, в котором увидели косовско-албанский след. В такой ситуации Сербская православная церковь начинает «борьбу за сербскую правду о Косово», логично представляя себя «вечным защитником сербской нации»².

В своем вышедшем в 2003 г. «Меморандуме о Косово и Метохии святого архиерейского собора Сербской Православной Церкви» высшая церковная власть достаточно подробно осветила процесс албанизации на Косово, подчеркнув, что к моменту занятия турками Космета местное население почти исключительно было сербским³.

Нельзя сказать, что власти ничего не делали. Пришедший к власти в конце 1980-х гг. Слободан Милошевич начал весьма жестко решать косовскую проблему. Многие сербы, особенно косовские, полагали, что к власти пришел настоящий борец за сербские интересы. 28 июня 1989 года, выступая на Косово, он заявил, что будущие битвы за восстановление национального достоинства сербского народа, возможно, будут вооруженными. А в сентябре 1990 г. была принята новая конституция Сербии, которая урезала автономные права края. Началась «сербизация» Косово, где на место уволенных или ушедших в знак протеста в отставку албанцев на ответственные посты приходили сербы. Еще ранее краю было возвращено его прежнее название — Косово и Метохия.

Напряжение росло. 2 июля 1990 г. скупщина на Косово проголосовала за «Конституционную декларацию, по которой Косово становилось республикой. Ответная мера Сербии не заставила долго ждать: скупщина Косово распускалась, вследствие наблюдаемых в крае нарушений законности. Тем временем депутаты распущенной Скупщины, собравшись на нелегальной сессии в г. Качанике, провозгласили 7 сентября 1990 г. Республику Косово. По всей стране началась акция гражданского неповиновения, в результате которой албанское население создало свою нелегальную

¹ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. С. 652.

² *Sarač-Rujanac Dž.* Neuspjeh sekularizacije I jačanje religijskog identiteta početkom 1980-ih godina u Bosni i Hercegovini // Rasprave o nacionalnom identitetu Vošnjaka. S. 171.

³ Меморандум о Косову и Метохији светог архијерејског сабора. С. 23.

структуру жизнедеятельности, прежде всего в сфере образования. В сентябре 1991 г. албанцы на референдуме о независимости края подтвердили свое стремление идти по пути создания независимой республики. 23 мая 1992 г. состоялись выборы президента и скупщины, объявленные сербами незаконными. Главой «Республики Косово» стал Ибрахим Ругова, позднее прозванный косовским Махатмой Ганди, усилия которого были во многом направлены и на привлечение внимания Запада к проблеме Косово.

Со своей стороны, сербами также разрабатывались свои программы по урегулированию косовской проблемы, которую предлагалось решить, в частности, через план регионализации всей страны с широкой автономией, по которому Косово и Метохия становились бы двумя регионами из тринадцати. Был также и проект кантонизации Косово, по которому край разделялся на 18 кантонов, в пяти из которых большинство было бы сербским. При этом сербские кантоны входили бы в конституционную структуру Сербии, а албанские «имели бы большие связи с федеральным уровнем и незначительные обязательства по отношению к Сербии». Однако все так и осталось на бумаге¹.

В это время косовские албанцы в своей пропаганде активно использовали старую идею о Великой Албании, замаскированной «рассказами», мнимыми и подлинными, о нарушаемых правах человека и демократизации Косово².

Полагаю, что идея о Великой Сербии также шла в ход, чтобы показать как своим сторонникам на Балканах, а главное, в Европе, реальность угрозы сербской экспансии. Сюда стоит добавить, что многие косовские албанцы значительно приумножили свое богатство и при Милошевиче³.

К концу XX в. «цели албанцев определились: расширить свободную территорию, вызвать путем терактов и провокаций столкновения с полицией и армией, вывести войну за границы края, добиться признания национально-освободительной борьбы, обратиться к международным организациям за посредничеством, вывести все полицейские и армейские силы из Косова, вести переговоры на югославском, а не на сербском уровне. Конечная цель —

¹ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. С. 664.

² Меморандум о Косову и Метохији светог архијерејског сабора. С. 50.

³ Там же.

отделиться от Югославии, а затем работать над объединением „албанских“ территорий Косова, Санджака, Македонии, Черногории»¹.

Практически косовские албанцы начали использовать старую схему, бывшую в ходу среди национальных движений на Балканах: через акты террора, мятежи, провокации воззвать к Европе, добиться ее вмешательства и одержать желанную победу над своим врагом.

Политическое противостояние постепенно перерастало в вооруженное. В 1997 г. на силовой сцене борьбы за Косово активно заявила о себе Освободительная Армия Косова (ОАК).

Весной 1998 г. ей удалось даже создать и удерживать в западном Косово под своим контролем целый район (даже номерные знаки для автомобилей выдавались там полицией ОАК). Сама обстановка обострялась, и противостояние нарастало. Появились жертвы среди мирного населения. В конце 1998 г. спецпредставитель ООН по правам человека И. Динстбир сообщал, что с начала столкновений на Косово погибло примерно 700 человек, приблизительно 240 000 покинуло свои жилища, а около 14 000 бежали в Албанию².

Все это не могло не вызвать активизации международного сообщества, руководства отдельных стран и НАТО, которое уже в августе 1997 г. предупредило Белград о возможности вооруженного вмешательства в конфликт с задачей по предотвращению дальнейшего кровопролития. В следующем году Совет безопасности в своей резолюции от 31 марта запретил поставки всех видов вооружения в Союзную Республику Югославию. Потом последовало и решение о замораживании авуаров правительств Сербии и Югославии. Шел прессинг страны по всем направлениям.

В такой ситуации в феврале 1999 г. начались так называемые переговоры, детально проанализированные Е.Ю. Гуськовой и жестко названные ею «дипломатическим фарсом», между сербской и албанской делегациями в Рамбуйе (Франция) для решения косовской проблемы. Предложенные участникам переговоров условия «Временного договора о мире и самоуправлении в Космете» предусматривали введение широкой автономии для косовских албанцев и референдум о будущем статусе Косово через определенное время³.

¹ Гуськова Е.Ю. Агрессия НАТО против Югославии в 1999 г. С. 40.

² Анзелитон Р. Косово: албанутая мозаика. Б. м., б. д. С. 9.

³ См.: Гуськова Е.Ю. Агрессия НАТО против Югославии в 1999 г. С. 97–124.

Представители Милошевича, не видя гарантии территориальной целостности своей страны, отказались в итоге поставить свои подписи. Тогда 21 марта Совет НАТО решительно потребовал пойти на размещение своих войск в Косово для реализации политического соглашения о самоуправлении в Космете или понести ответственность за последствия своего отказа. Милошевич предпочел второе. И 24 марта 1999 г. НАТО, без санкции ООН, начало жестокую бомбардировку Югославии, в результате которой были полностью разрушены около 50 фабрик и заводов, несколько тысяч квартир и частных домов, 17 больниц, две тысячи школ. Частично или полностью разрушено 18 православных и католических церквей и монастырей. Погибло более двух тысяч гражданских лиц. Экономике страны был нанесен колоссальный ущерб¹.

Было продолжено массовое изгнание сербов, почти все города были очищены от них².

Югославская армия не могла бороться с самолетами. И «все эти призывы к борьбе с "новым мировым порядком" звучали, — писал русский доброволец Олег Валецкий — отвлеченно, так что мог сделать обычный боец? Стрелять по самолетам из автомата ведь было делом бессмысленным... К тому же сами пропагандисты в Космет ехать не спешили... Под конец войны стали приходиться счета к оплате, вопреки обещаниям о том, что те, кто воюет на Косово, от оплаты счетов будут освобождены». При этом бизнесменам и бандитам «война, в особенности разнообразные бизнес-проекты "Во благо Отечества", дали возможность кататься "как сыр в масле", а куда потом шли товары с продуктами питания, горючим, военной формой и оружием, — для иных из них было не столь важно». «Не платила армия — заплатила бы ОАК или какие-нибудь ее "партнеры"»³.

Сюда добавлю, что «... в то время как политическая власть приживалась политики молчаливого сосуществования с албанскими политическими структурами при регулярном взимании дани, которая сливалась в карманы чиновников Милошевича, иллюзия некоей активности просматривалась в... иногда очень жестоких

¹ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса. С. 677–678.

² Меморандум о Косову и Метохији светог архијерејског сабора. С. 44.

³ Валецкий О. Волки белые. Сербский дневник русского добровольца 1993–1999. М., 2006. С. 279.

полицейских репрессиях, чаще всего проводимых там, откуда меньше всего грозила опасность»¹.

В Косово ситуация и дальше продолжала ухудшаться. Федеральная армия и сербская полиция при поддержке полувоенных националистических формирований начали операцию «Кольцо», предусматривавшую массовое изгнание албанцев из Косово. В итоге около одного миллиона албанцев оказались в лагерях беженцев и перемещенных лиц на территории Албании, Черногории, Македонии, а также в ряде стран Запада².

Как писал Олег Валецкий, зачистки «проводились по приказам армейских и полицейских штабов. Войска шли цепями через горы и леса, входя в села с боем или без боя. Солдаты просто выбивали двери ногой, а то и бросали гранаты в окна, а в населенных пунктах жителям были или дан приказ выйти из домов и собраться в колонны, либо выйти из домов во дворы, пока шел обыск домов... здесь иные села "зачищались" по два-три раза. Тут не то что имущества, а крыш не оставалось... Армейские подразделения колонны гражданских передавали специальной полиции. А та их сопрождала в Албанию или в Македонию»³.

В своей книге Валецкий продолжал: «Сил для войны у сербов хватало, были у них и люди, которые смогли бы воевать еще, но вот идеи, поведшей бы их в этой войне, у них не было... Но очень тяжело, почти невозможно было людей поднять на что-то общее. Они были готовы терпеть какого-то идиота, как своего командира, но лишь бы он позволял им без лишних хлопот отбыть свое время на войне. Из-за подобного индивидуализма в военных вопросах сербские возможности так и не использовались как надо»⁴.

И когда «одного серба, вернувшегося из Косово, после спросили, как было "на войне", и он ответил: «Как в фильме о "швабах" и партизанах, только "швабами" были мы»⁵.

И здесь чрезвычайно трудно рассуждать о «правде» или «неправде» Валецкого. Одно несомненно, демонстрации и лозунги были для многих, особенно из интеллигенции, гораздо безопас-

¹ Меморандум о Косову и Метохији светог архијерејског сабора. С. 49.

² *Анзелитон Р.* Косово: албанутя мозаика. С. 11.

³ *Валецкий О.* Волки белые. С. 258.

⁴ Там же. С. 280, 281.

⁵ Там же. 227.

нее, нежели прямое участие в боях. Ведь всегда надо помнить готовность «интеллигента» к чужой жертве: безопаснее писать «декларации», нежели выполнять самому написанное.

В итоге, бомбардировки, в том числе Белграда, и нажим Европы привели к желаемому результату. Милошевич был вынужден согласиться с планом урегулирования кризиса Косово, выработанным президентом Финляндии М. Ахтисаари, представлявшим интересы Европейского Союза, и В. Черномырдиным, слушавшим, вероятно, только собственный голос (или не только свой?) Этот крайне важный сюжет отлично и живо представлен в книге Е.Ю. Гуськовой¹.

Сербский лидер согласился на вывод армейских подразделений и полицейских сил, а также на развертывание военного и гражданского присутствия на Косово. Своей резолюцией № 1244 от 11 июня 1999 г. Совет Безопасности ООН основал международное военное и гражданское присутствие на Косово. Военный контингент получил название КФОР (от англ. Kosovo Force), а международное гражданское присутствие стало называться Временной Администрацией ООН (УНМИК) (от англ. UNMIK United Nations Mission in Kosovo).

Как подчеркивали авторы «Меморандума о Косово и Метохии...», Милошевич после Кумановской капитуляции, положившей конец операциям НАТО в Югославии, «бесстыдно» славил «победу» над агрессором, в то время как НАТО и сами косовские албанцы с большим правом отмечали свой триумф².

Сербская церковь писала следующее: «Если и Милошевич и НАТО — «победители на Косово, тогда они или на самом деле повреждены перед Богом и Божьей и человеческой правдой, или та по дерзости неслыханная в истории ложь являет собою еще один... постмодернистский фарс нового мирового порядка в печальной и трагической истории Распятого Сербского Косово»³.

С выводом югославских и сербских сил ситуация кардинально изменилась: начались убийства, похищения, поджоги имущества и запугивание сербов, что привело к их массовому бегству. Международное сообщество, прежде всего КФОР, в новой ситуации не сумело обеспечить защиту сербов от преследований. В 2000 г. в

¹ См.: *Гуськова Е.Ю.* Агрессия НАТО против Югославии в 1999 г. С. 170–222.

² Меморандум о Косову и Метохији светог архијерејског сабора. С. 47.

³ Там же.

Косово состоялись первые муниципальные выборы, в 2001 году — первые выборы в Косовский парламент. С албанской стороны политический пейзаж был представлен, как пишет Р. Анзели-тон, к началу третьего тысячелетия тремя основными партиями.

Самая старая и наиболее многочисленная называется Демократическая Лига Косово (ЛДК), основанная в 1989 г. на базе Союза писателей Косово и возглавлявшаяся Руговой. После 1999 г. его партию стала оттеснять Демократическая Партия Косово (ПДК), связанная с ОАК и именем Хашима Тачи, которого одни считают «самым смелым и перспективным политиком Косово», другие, террористом, по которому плачет Гаагский трибунал. Есть и Союз за будущее Косово (ААК), образованный в 2000 г. после отделения от ПДК. Во главе ее встал Рамуш Харадинай, бывший полевой командир ОАК. Косовские сербы были представлены коалицией различных сербских политических партий — от демократических до националистических — «Повратак» («Возвращение»).

В 2004 г. на Косово прошли парламентские выборы, на которых победу одержала партия президента Косово Ибрахима Руговы. Сербь в выборах практически не участвовали, не желающие включаться в косовские структуры, которые торопливо стремились к достижению полной и окончательной независимости и суверенитета Косово.

10 февраля 2006 г. после смерти Руговы президентом был избран 54-летний Фатмир Сейдиу. Как и его предшественник, он придерживается твердой позиции, что только полная независимость Косово может разрешить проблему.

В 2005 г. Совет безопасности ООН высказался за начало переговорного процесса о статусе Косово. В феврале 2006 г. в Вене начались переговоры о статусе края между сербами и косовскими албанцами при посредничестве спецпредставителя Генерального Секретаря ООН Марти Ахтисаари. Однако его миссия закончилась безрезультатно: сербы не могли согласиться на независимость края, заявляя, что Косово остается неотъемлемой частью Сербии, готовой предоставить в то же время самые широкие привилегии края в составе сербских земель.

Сама албанская сторона, поддерживаемая Западом, используя отсутствие договоренностей и решений Совета безопасности ООН, 17 февраля 2008 г. провозгласило свою независимость.

Тогда албанцы, как пишет в своем блоге Ирина Антанасиевич, прощаясь с Сербией, пели песню на сербском, причем с такими словами: «Живи счастливо в свободе, пусть тебя русская мафия за собой ведет, гуд бай, Сербия!»

Безусловно, Белград делал и делает все, что в его силах, однако громкие заявления из столицы Сербии еще не означают, что к ним прислушиваются. По сути дела, сейчас, когда сама Сербия стремится в Европейский Союз, и, если я не ошибаюсь, в марте 2012 г. получила официальный статус кандидата, «конец» косовского вопроса представляется неизбежным. Но «исторически», Белград будет продолжать видеть Косово своей землей.

А народ? Трудно ответить.

Можно, конечно, дать традиционный ответ, популярный во времена великого Рима: «Хлеба и зрелищ». Но в это мне верится с трудом, разве только придут другие поколения европейских сербов, для которых Косово станет, возможно, только историей, но не чувством.

«Своей землей» Косово будет считать и «родная» Турция. Именно ее премьер-министр Реджеп Эрдоган в ходе визита в Косово в г. Призрен заявил: «Косово — это Турция, и Турция — это Косово», смело добавив, что и Косово и Турция имеют «одну и ту же историю и цивилизацию». Здесь можно только сказать, что ислам стремится к созданию большого «исламского мира». Панисламизм идет вперед и наступает на Балканах, далее — везде, где можно и нельзя. Зеленое знамя пророка поднимается все выше.

P.S. На последней странице «Меморандума Сербской Православной Церкви...» были такие строчки: «В конце позволим спросить: почему бы и Косово и Метохии, как Святой Земли Балкан, не быть общей землей и областью (славянское слово *область* значит и *власть*) сербов и албанцев, христиан и мусульман, двух народов, двух культур, как — *mutatis mutantis* — Святая Земля для израильтян и палестинцев? За такую совместную жизнь и сосуществование выступает Америка в Святой Земле. Почему бы не выступала бы за то же самое и на этой Святой Земле, Бога ради, людей и народов ради, Святынь ради, правды и свободы ради?»¹

Действительно, почему?

¹ Меморандум о Косову и Метохији светог архијерејског сабора. С. 91.

Македония или «квартирный вопрос»

Проблемы, сюжеты, методы, средства, дороги становления государственности у славянских народов в XIX — XXI вв. в известном, вульгарном смысле одинаковы, учитывая, что многие из них прошли время своего имперского расцвета. В период национального возрождения у них, входивших в известный период в ту или иную имперскую общность — австро-венгерскую, турецкую, российскую, — наблюдается известная героизация исторического сознания при одновременном повторении европейских путей прогресса.

Замечу, что сам процесс обособления македонского «племени» имел свои особенные и типические черты, зачастую взаимосвязанные и взаимозависимые.

Во-первых, Восточный вопрос, в рамках которого традиционно и правомерно прослеживается македонская тема, является всего лишь частью обширного Славянского вопроса, который в отличие от Восточного не имеет решения. При этом македонский вопрос, создание македонского государства следует увязывать на первом этапе с «уходом» Турецкой империи из Европы, нейтрализацией мусульманского элемента. И тут же не премину заметить, что в случае реализации Сан-Стефанского договора не было бы, полагаю, в такой острой форме македонского вопроса.

Во-вторых, иноверное и иноэтническое владычество было утяжелено соперничеством балканских стран, являвшихся, в свою очередь, сателлитами великих держав.

В-третьих, свою роль играли незначительность «отряда» самой македонской интеллигенции и доминирование методов вооруженной борьбы с терактами. Только «популярный» терроризм, по убеждению многих его сторонников, мог «слопать» империю.

В-четвертых, четко просматривалась «незаинтересованность» великих держав в предоставлении македонцам права на самостоятельное развитие.

Безусловно, что те же балканские народы, только что пробуждавшиеся к самостоятельной жизни, должны были искать себе опекуна, защитника, покровителя, стража их интересов. Но по справедливости, не они выбирали, а их делили и разделяли.

Кратко говоря — их испортил «квартирный вопрос». Прежде всего, македонский. А что же великая Россия?

Касаясь восприятия официальной Россией, ее дипломатами болгарского князя и ситуации на Балканах, отмечу, что Петербург выступал неким «главноуговаривающим» в македонском вопросе. Так, в декабре 1902 г. В.Н. Ламздорф в личной беседе с князем Фердинандом и главой правительства С. Даневым предупредил их, чтобы болгары «не обостряли обстановку на Балканах, поскольку в течение ближайших нескольких лет Россия ... не сможет принять активного участия в этих событиях, а без участия России интересы Болгарии будут ущемлены». При этом высокопоставленный русский дипломат исключал любую возможность добиваться улучшения положения «народа Македонии» революционными методами¹.

При этом следует не забывать, что сам македонский вопрос «сваливал с политического олимпа» многих государственных деятелей, как например выступавшего против форсированного его разрешения Ст. Данева в 1903 г.

Македонский вопрос возводил на этот олимп других, заявлявших, что будут вести смелую и активную политику в македонском вопросе — политику «развязанных рук», без оглядки на Россию. Да и сам Фердинанд I усердно поддерживал «македонствующих», возможно из-за страха быть убитым за пассивность в деле освобождения «стонущих» под османским игом братьев. Не забывала о своем македонском наследстве и Сербия, активно борováвшаяся «ножом и пером» со своими соперниками.

Пульсирующая активность Софии и Белграда в македонском вопросе заставляла русскую дипломатию «лезть с головой» в балканский котел, что и произошло в начале XX века.

Русская дипломатия пристально следила за македонскими делами. 25 мая 1903 г. в МИД России поступила секретная телеграмма: «По сведениям агентуры, Сарафов и девять других македонских революционеров постановили и подписали 7 мая следующую резолюцию: если Европа и Болгария останутся все еще безучастными и не дадут Македонии прав по статье 23 Берлинского трактата, произвести в Македонии и Адрианопольском вилайете поголовное восстание болгар, взорвать динамитом правительственные учреждения,

¹ *Мартыненко А.К.* Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905–1907 гг., Киев, 1974. С. 19.

казармы, арсеналы, склады, некоторые железнодорожные станции, в особенности Салоникские ... разрушить телеграфные линии и взорвать артиллерийский арсенал и другие постройки в Константинополе. Если и это не вызовет вмешательства, то распространить в Турции и Европе чуму через заготовленных бацилл прививкой их крысам, чтобы отомстить Европе. Это сведение, если оно справедливо, дает повод думать, что македонские революционеры уже близки к отчаянию и что при надлежащей бдительности их деятельность скоро перестанет быть опасной. Но, казалось бы, тем необходимее обеспечить мирное население безотлагательным осуществлением обещанных преобразований»¹.

Николай II, прочитав это грозное сообщение, оставил на нем лаконичную помету: «Людей, прибегающих к таким способам мести, следует уничтожать, как собак»².

В качестве комментария о политике России того времени можно привести суждение посланника в Софии Ю.П. Бахметьева. В разговоре с военным министром Болгарского княжества Р. Петровым он подчеркнул, что «русский народ несравненно дороже государю, нежели все другие славянские, взятые вместе; что македонцы могут найти спасение только в терпении и восстанием они не только ничего не возьмут, а только испортят и затянут дело, и что надежды руководителей комитетов, как Михайловский, Ризов, Цончев, Сарафов, своей кровью, или скорее кровью своих братии, — разжалобить цивилизованный мир есть только заблуждение и самообольщение»³.

Эта беседа состоялась 2 августа 1903 г. в день начала Илинденского восстания, результатом которого было то, что Европа, утомленная балканскими неурядицами, все же добилась от Порты принятия обязательства по улучшению положения христианского населения.

Однако реализация реформ, предусмотренных Мюрцштегским соглашением между Австро-Венгрией и Россией (осень 1903 г.), проваливалась: территория Македонии стала ареной ожесточенных столкновений болгарских, греческих и сербских вооруженных отрядов, обгабивших кровью эту несчастную землю.

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 500. Ч. 1.Л. 361.

² Там же.

³ Там же. Д. 1319. Л. 47.

В январе 1907 г. на собрании ВМОРО в Рильском монастыре было принято очередное решение делать ставку на восстание.

Подчеркивалась необходимость революционизирования населения «через беседы и распространение революционных изданий». Предполагалось послать на места специалистов-инструкторов «для обучения населения изготовлению патронов, бомб, взрывчатых веществ», равно как и открыть курсы для подготовки террористов¹.

Однако шансы на успех планируемого восстания были невелики из-за этнического террора, раскалывавшего население.

Официальная таблица², составленная на основе донесений местных властей, дает представление об ареале действий чет, их количестве. Сравнительно небольшая численность боевиков может вызвать удивление, но здесь следует учитывать возможную неполноту и неточность данных.

Вилайет	Год	Четы	Чет-ники	Четы	Чет-ники	Четы	Чет-ники	Четы	Чет-ники
		Болгарские		Греческие		Сербские		Всего	
Солунский	1906	36	456	14	142	—	—	50	598
	1907	31	282	10	113	—	—	41	395
Монастырский	1906	23	234	10	282	6	78	39	594
Косовский	1907	29	241	17	257	3	35	49	333
	1906	15	143	—	—	6	95	21	238
	1907	17	138	—	—	3	139	20	277
Всего:	1906	74	833	24	424	12	173	110	1430
	1907	77	661	27	370	6	174	110	1205

Размышляя о деятельности этих отрядов, один из русских дипломатов с горечью писал в МИД в апреле 1906 г.: «Мученический венец христиан ... в большинстве случаев свивается их же собственными руками ... и в продолжении смут больше всего повинны ... комитеты в соседних государствах, растлевающие нравы населения своей проповедью братоубийственных междоусобиц ... На деле обычно болгарские комитеты и являются главным источником неурядиц ... Расположившись хозяином в крае, оспариваемом другими пропа-

¹ АВПРИ. Ф. 319. Гражданское агентство в Македонии (Турция). Оп.631. 1907. Д. 64. Л. 86.

² Там же. Д. 65. Л. 235.

гандами, и объявив его, вопреки своему теоретическому интернационализму, своей территорией со своими законами ... и своей исполнительной властью, болгарские комитеты накликали нашествия банд разных “спасителей”, последние переняли у них их насильственные кровавые приемы, дали им еще большее развитие, — и по всему лицу вилайетов пошла непрерывная, бессмысленная травля и дикая взаимная расправа между христианами, заполняющая современную криминальную хронику ... провинности болгарских комитетов ... не ограничиваются одним пролитием крови. По милости этих комитетов ... (турецкие власти. — *В.К.*) по праву и долгу всячески задерживают рост болгаризма, выжидая пока он очнется от революционного гипноза; благодаря комитетам судебные наезды на села не прекращаются, чрезвычайные суды не упраздняются и селяне должны переносить все тяготы полусадного положения; комитеты разоряют болгарское население поборами, они причина упадка и мусульманских хозяйств ... они же, наконец, причина расстройств в бюджетах вилайетов, обремененных непосильными налогами на содержание сверхкомплектного гарнизона»¹.

Эта пространная цитата с традиционным набором сведений не заслуживала бы помещения ее здесь, если бы не одно важное для нас обстоятельство, а именно — российские дипломатические чиновники считали, что основное население спорной территории принадлежит к болгарской национальности. В своих донесениях они неоднократно называли его македонскими болгарами, что вполне можно объяснить тесной связью ВМОРО и Верховного Македонского Комитета (ВМК) с Болгарией.

В то же время нельзя было не заметить роста патриотизма, точнее, национального самосознания в македонских землях. В одном из русских дипломатических донесений в Петербург сообщалось: «Само население начало весьма тяготиться разными пропагандами и искренне желает, чтобы его оставили в покое. В Касторийской казе (входила в Монастырский вилайет, где сильны были греки. — *В.К.*), к нам приходила депутация от сел, заявлявших, что не желают ни греческих, ни болгарских учителей и священников, но просят дать им македонских. На расспросы об их национальности, они отвечали, что они македонцы. Такие заявления, далеко не

¹ АВПРИ. Ф. 319. Гражданское агентство в Македонии (Турция). Оп.631. 1907. Д. 48. Л. 126 об.—127.

единичные, показывают, что христианское население Македонии устало от травли его разнообразными пропагандами, и что в нем начинает пробуждаться национальное самосознание, отличное от навязываемого ему со стороны»¹.

В 1908 г. в Османской империи вспыхнула младотурецкая революция. Следует заметить, что победа заговорщиков во многом была обусловлена поддержкой масонской ложи в Салониках, во главе которой стоял еврей Карассу. Именно масоны старались всеми силами «помочь младотуркам добиться единения всех македонских народностей и слить их в одно политическое целое». Эта задача представлялась вполне реальной с учетом того, что большинство младотурецкого руководства входило в состав салоникиской ложи².

Младотурки стремились продемонстрировать Европе, что переход к либеральному правлению притупляет остроту македонского вопроса. Известно, что у «новых османов» наблюдались некоторые различия в подходах к нему: одни признавали за христианскими национальностями право на обособление и «культурную пропаганду», другие выступали под флагом единого оттоманского народа³.

Но в одном они были едины — в желании задушить панболгарскую идею. Вероятно, здесь следует искать ключ к разгадке поддержки ими «македонских болгар» во главе с Я. Санданским и Хр. Чернопеевым. Младотурки, несомненно, приветствовали выступления своих новых неожиданных «союзников», протестовавших против пропагандистской деятельности Греции, Болгарии, Сербии и Румынии в Македонии. Особенно резкой критике подвергались Россия, Германия и Австро-Венгрия. Причем Россия изображалась в качестве некоего политического Тартюфа, стремящегося под маской покровительства христианам с помощью Болгарии добраться до Константинополя. (Если без спекуляций, то да: была такая идея. Только обычно забывается, что Царьград должен был, по мнению К.Н. Леонтьева, стать всеславянским центром.) В свою очередь, Австро-Венгрия и Германия характеризовались как «рынки публичной продажи политической совести». Заключи-

¹ АВПРИ. Ф. 319. Гражданское агентство в Македонии (Турция). 1907. Д. 65. Л. 68.

² Там же. 1908. Д. 73. Л. 180; Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 220—222.

³ АВПРИ. Л. 187, 188 об.

тельный аккорд всех этих рассуждений был один: «Македония не нуждается ни в России, ни вообще в Европе, а если получит и укрепит свою свободу, то благодаря своим собственным силам в единении с младотурками»¹.

В сущности, этот вывод не был лишен логики, хотя и крайне наивен с практической стороны. И еще одно наблюдение: союз младотурков с Я. Санданским отнюдь не означал мира на земле, где продолжали действовать различные «пропаганды». Да и сами турки стремились быть *primus inter pares*.

Пути к прекращению кровавых распрей были различны. Один из них предложил русский консул А. Петряев в «Записке по вопросу о национальностях в Македонии» (1909 г.). В ней он несколько наивно, если не сказать жестче, писал: «По моему мнению, в случае возникновения Македонского кризиса, наилучшим разрешением его было бы наделение Македонии кантональным устройством наподобие Швейцарии и гарантирование ей вечно-го нейтралитета ... Устроенная таким образом Македония может послужить основным ядром Балканской федерации, к которой могут потом примкнуть и другие балканские государства и сделаться первым буфером на пути австро-германского движения к Солуни»².

Свой рецепт был у русского дипломата в Скопье А. Д. Калмыкова, докладывавшего в 1911 г. в МИД о том, что «автономия Македонии под непосредственным наблюдением Европы и ее представителей, безусловно, неисполнима. Необходимо сохранить Македонию и Албанию в составе Турецкой империи»³.

Для нормализации обстановки он предлагал оказать Порте помощь, выделив заем на оживление экономики края. Тогда, как отмечал русский дипломат, «политические кризисы отойдут в сферу действия парламентов и кабинетов и перестанут служить поводом к междоусобной войне»⁴.

¹ АВПРИ. Ф. 319. Гражданское агентство в Македонии (Турция). 1906. Д. 73. Л. 174 и об.

² АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 4392. Л. 30–31.

³ Цит. по: *Шатилова Л. В.* Македонский вопрос в период балканских войн 1912–1913 гг. и политика России // Балканские исследования. Вып. 15. Россия и славяне: политика и дипломатия. М., 1992. С. 190.

⁴ Там же.

Самое удивительное в том, что эти мысли высказывались не теоретиками от дипломатии, а практиками, явно недооценивавшими степень запущенности «македонской болезни»: прыщ — язва — флегмона. Паллиативное лечение не помогало. Необходимо было хирургическое вмешательство, т. е. война.

13 марта 1912 г. подписывается сербско-болгарский договор для «оказания взаимной помощи и для охраны общих интересов в случае изменения статус-кво на Балканах или нападения третьей державы на одну из договаривающихся сторон». В мае заключается союзное соглашение между Болгарией и Грецией, по которому вопрос о Македонии, вернее, о ее разделе, предполагалось решить в зависимости от числа выставленных на фронт войск, военных успехов и размеров потерь. В сентябре становится реальностью сербско-греческий пакт.

Долгожданный Балканский союз создан. Война с Турцией под знаменем освобождения македонских братьев была на пороге. Уже в октябре Болгария, Греция и Сербия объявили войну своему бывшему грозному повелителю.

«Остановить их порыв, — писал министр иностранных дел России С.Д. Сазонов, — обещанием новой коллективной попытки держав принудить Турцию провести наконец в жизнь много раз обещанные и никогда не выполненные реформы ... было чрезвычайно трудно»¹.

Ход балканской войны известен: болгарские войска заняли восточную Македонию, сербские — западную и через Албанию вышли к Адриатике, греческие — большую часть южной Македонии. Однако Сербия, лишившись выхода к морю после провозглашения Албании независимым государством, требовала от Софии в качестве компенсации Вардарскую долину. Греция выступала за передачу ей занятых Болгарией некоторых территорий юго-восточной Македонии и добивалась признания прав на Салоники. Болгария имела свои претензии на западную Македонию, занятую сербами и греками. Все были недовольны.

После заключения антиболгарского тайного сербско-греческого договора (1913 г., май) назревала новая война. София также готовилась к ней, рассчитывая окончательно решить македонский вопрос в свою пользу. В июне 1913 г. нападение болгарских частей на сербские аванпосты стало началом второй Балканской войны,

¹ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 80.

в которой София потерпела поражение. В августе того же года по условиям Бухарестского мира Сербия получила Вардарскую Македонию, Греция — Эгейскую Македонию и Салоники, за Болгарией осталась Пиринская Македония. Больше других от войны выиграла Греция, к которой отошло более половины всех македонских земель, на втором месте была Сербия, на третьем — Болгария.

Можно поставить вопрос: а какова была реакция в самой Македонии на оккупацию и раздел?

Ответ должен учитывать этнонациональное соотношение населения и властей. Предположение о возмущении и активном сопротивлении не подтверждалось. Хотя были зафиксированы такие формы пассивного отпора, как сокрытие оружия, утаивание продуктов от реквизиции, дезертирство из армий новых властителей. Это «безмолвствование» народа обуславливалось рядом, по моему мнению, причин.

Во-первых, для многих новый порядок означал воссоединение с исторической родиной.

Во-вторых, в результате эмиграционных процессов Македония лишилась значительной части активного населения.

В-третьих, у жителей этого края сложившаяся многовековая привычка терпения превратилась в характерную черту быта, позволявшего, кстати, жить в мире со своими «хозяевами».

В-четвертых, общественно-политическое сознание крестьянской массы было на низком уровне из-за самого уклада жизни и отталкивавшей от себя зачастую насильственной пропаганды и иных форм «адаптации» жителей.

Вспомним, что власти для укрепления своих позиций, случалось, шли даже на замену имен и фамилий у жителей новоприсоединенных территорий. В докладе Международной комиссии, созданной для информирования мировой общественности о Балканских войнах 1912–1913 гг., все правительства и армии воюющих сторон обвинялись в жестокости к военнопленным и гражданскому населению.

Само болгарское правительство начало, как уже упоминалось, осуществлять почти нескрываемое сближение с Берлином и Веней. В беседе с русским посланником А.А. Савинским (1914 г., июль) премьер-министр В. Радославов подчеркнул, что «народ уже не так верит России, что он чувствует себя оставленным и оставленным всеми: теперь мы восстановили против себя Россию, в лице Австрии и Германии мы имеем только врагов славянства, с со-

седами мы со всеми в ссоре; мы не славяне, — мы монголы и ничего у нас нет общего ни с сербами, ни с русскими»¹.

В этих сбивчивых и нервнo-напряженных заявлениях проглядывало одно: болгарское правительство уходило от России, не обеспечившей ей желанного результата в македонском вопросе.

И если говорить о болгарских националистах, то их неприязнь к России, ее политике, неверие в нее могла бы быть, вновь повторю, сконцентрирована в следующих словах-объяснениях. «Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию Македонии».

Благо Болгарии требовало возвращения отторгнутых Сербией македонских земель — «нам чужого не надо, но и своего не отдадим». Эта старинная форма с одинаковым успехом использовалась воюющими сторонами.

Успехи немецкого оружия в 1915 г. убеждали Софию в правильности ее ставки на Германию. После оставления русскими войсками Брест-Литовска председатель Народного Собрания Болгарии послал германскому императору телеграмму с поздравлениями. В ней он несколько настырно напоминал, что «обиженная державами Болгария ожидает от германской мощи ... содействия в возвращении отнятой у Болгарии территории»².

Лейтмотив болгарских многочисленных выступлений, заявлений был таков: «Болгария не желает воевать ни с кем... ни даже с Сербией, а только берет у Сербии то, что принадлежит болгарам по праву»³.

Однако вступление Болгарии в войну в союзе с Германией не принесло в итоге желанных результатов.

Революции в противоборствующих странах смешали карты.

В результате поражения Центральных держав македонские земли, удерживаемые Болгарией и Сербией, вновь подверглись перереду. И здесь осталось втуне романтическое Программное обращение Македонского Революционного Комитета из далекого Петрограда (18 июня 1917 г.) о создании Балканской федеративной демократической республики, в которую входили бы: Македония, Албания, Черногория, Греция, Сербия, Болгария, Хорватия, Бос-

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1353. Л. 194 об.

² Там же. Д. 3779. Л. 206.

³ Там же. Л. 68–79.

ния и Герцеговина, Словения, Фракия, области со смешанным населением все имели бы республиканский статус¹.

Болгарский монарх был признан виновником национальной катастрофы страны, проигравшей войну. Но обвинения Фердинанда равнозначны признанию «преступности» идеала Сан-Стефанской Болгарии.

Разбитая же Сербия, мечтавшая о воссоздании Великого Царства сербов, была спасена победившей Антантой: в ее состав вошли крупные территории македонских земель. Национальный идеал сербства был достигнут. Но... национализм никогда не может быть побежден, пока существует нация. В итоге сербы проиграли, «потеряли» Македонию в процессе уничтожения прежней СФРЮ. Мир царской России, мечтавшей о Царьграде, не сумевшей сторговать Македонию и не успевший победить, был разрушен Октябрем. В сущности, македонский вопрос можно считать одним из факторов, послуживших переустройству Сербии, Болгарии, России. Возможно, это, могут сказать некоторые, есть грубая гиперболизация македонского вопроса в сфере последствий первой мировой войны. Возможно, но, несомненно, одно: македонский вопрос и поиск его решения сыграли свою роль в Великой войне. Европейский раздел Македонии не решил, а только отсрочил его решение.

Постскриптум.

Первая мировая война и крушение традиционных империй можно считать определенным этапом в сфере разрешения национального вопроса для многих славянских народов, в том числе и македонского. Вглядываясь в неясное лицо минувшего, можно сказать, что произошедший по результатам войны раздел македонской территории только усугубил проблему. Если раньше православные македонцы находились «под колпаком» мусульманской Турции, то в новой ситуации они оказались поделенными соседними христианскими государствами, что только обостряло проблему достижения национальной независимости.

После Октября македонский вопрос приобретает «советскую» окраску. Напомню, что в XX веке национализм, вобрав в себя некие специфические черты «интернационализма» и раннего «фашизма»

¹ См.: *Ристовски Б.* Русско-македонские исторические связи // Македония. Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997. С. 42–43.

итальянского образца, превратился в своеобразный национал-большевизм, сопряженный, кстати, с идеей создания Балканской социалистической федеративной республики. Опыт СССР, искусство старых империй должно было послужить и «почвой» и «образцом» для создания советской федерации славянских народов, иначе говоря, для славянской империи, во главе которой должны будут стоять «славянофилы-ленинцы». Соответственно, предполагалось и решение национального македонского вопроса. Время, полное подмен и перемен, не позволило реализоваться этой идее.

Разрушение монархических государств в результате очередной мировой войны позволило в рамках федеративного республиканского государства впервые после долгого времени воссоздать македонскую государственность, да и не только ее.

В настоящее время проблемы, связанные с самим существованием македонского государства после слома СФРЮ, опять-таки замыкаются на национальном вопросе, вернее, албанском. Уже типичным стало искать выход во входе новых «самостоятельных» государств в различные европейские союзы, в объединенную Европу. В сущности, все они нуждаются в очередной «империи цивилизованного образца», способной защитить их государственность от «чужеродных посягательств». Соответственно, для той же Европы Македония может служить лишь «почвой» для «выращивания» на ней «македонских европейцев».

Теперь о Болгарии. В ходе очередной мировой войны Болгария вновь попыталась решить свою давнюю задачу, но поражение Германии не позволило ее осуществить. Обретение Македонией государственности в составе Федеративной Народной Республики Югославии влекло за собой превращение болгарской мечты, казалось, в миф. «Третья мировая война», позволившая Македонии стать суверенным государством, кажется, внушает надежду, что «гордиев узел», наконец-то разрублен. Однако ничто не обладает такой устойчивостью и живучестью, как миф. Ум бессилен перед чувством. И «мифический узел» продолжает жить в болгарском сознании, в среде болгарского студенчества, достаточно выступающего в этой сфере. В самой Софии «живет и здравствует» Македонский научный институт. В Македонии, насчитывается около ста тысяч жителей с болгарскими паспортами. И еще: и у болгар и македонцев общие национальные герои, значит и общая история, хотя и «неправильная» но и она под угрозой исчезновения.

Дом на песке (Вардарская Македония)

Есть земли, страны, государства с неопределившейся судьбой, неустоявшейся историей, спорной национальностью. Я бы их назвал «яблочным садом раздоров, споров, столкновений».

К их числу относится и Македония, разделенная, борющаяся, сдаваемая, ищущая спасения своей самобытности. После первой мировой войны македонские земли вошли в состав Болгарии, Греции, Сербии. Пожалуй, ареной самых острых столкновений стала так называемая Вардарская Македония, отошедшая к короне Карагеоргиевичей.

Для сербских властей новоприобретенные владения, когда-то входившие в Великую Сербию, давно носили название Южной Сербии, юга Королевства.

Для болгарских властей на македонских землях, отошедших к их давним соперникам, жили болгары, искусственно разделенные великими державами. Сама история, по утверждению болгарской стороны — от политики «слова» до практики «дела», подтверждала их права на Вардарскую Македонию, откуда бежали от новых «правителей» на болгарскую сторону тысячи беженцев-болгар. Проблема беженцев, отягощавших, кстати, бюджет болгарской короны, только добавляла «холода».

Сама ситуация в Вардарской Македонии может быть обрисована через ряд сюжетов, представленных здесь.

Итак, по Видовданской конституции (ст. 95) страна была разделена на 33 области, из которых три были условно македонскими — Битольская, Брегалничка, Скопльская. Меньшей административной единицей являлась околия. В Вардарской Македонии насчитывалось 31 околия, из которых 14 входило в Битольскую область: Битолска (центр — Битола) область, Доранска (Валандово), Гевгелийска (Гевгелия), Горнодебарска (Дебар), Кавадаречка (Кавадарци), Кичевска (Кичево), Крушевска (Крушево), Мариовска (Битола), Неготинска (Неготино), Охридска (Охрид), Преспанска (Ресен), Прилепска (Прилеп), Струшка (Струга), Струмичка (Струмица); 6 околий в Брегалничкой области с центром в Штипе — Царево Село, Кочани, Малеш (Берово), Овче Поле (Свети Николе), Радовиш и Штип), 11 околий были в Скопской области — Долни

Полог (Тетово), Галичник (Ростуше), Горни Полог (Гостивар), Качаник, Куманово, Крива Паланка, Порече (Южен Брод), Прешево, Скопье, Велес и Жеглигово (Куманово)¹.

Сведения о количестве жителей Южной Сербии, или «Юга», как они ее называли, по переписи 1921 г. были таковы: общее число 1476747 человек, из них 59, 5% — «сербы или хорваты», 28, 2% — арнауты, 10% — турки и «остальные»².

Все они жили на территории, площадь которой, согласно статистике из 1921 г., составляла 45717 кв. км³.

В 1929 г. Южная Сербия была разделена по новому административному делению на 9 бановин. Вардарская бановина с центром в Скопле охватывала территорию Вардарской части Македонии, часть Южной Сербии и земли Метохии. Белградская власть намеренно связала македонские и сербские края в единую административную единицу⁴.

По переписи населения от 31 марта 1931 г. Вардарская бановина была поделена на 44 околии и 453 общины. Число населенных мест — 2169. Вардарская часть Македонии, входившая в состав бановины, состояла из 29 околий, часть Сербии в бановине охватывала 8 околий, часть Метохии — 7 околий⁵.

В Вардарскую часть Македонии входили следующие околии: Галичка (центр в Ростуше), Горнополошка (Гостивар), Долнополошка (Тетово), Кривоаланечка (Крива Паланка), Жеглиговска (Куманово), Кратовска (Кратово), Битолска (Битола), Горнодебарска (Дебар), Кичевска (Кичево), Прилепска (Прилеп), Охридска (Охрид), Преспанска (Ресен), Струшка (Струга), Крушевска (Крушево), Мариовска (Битола)⁶.

Перед столицей Карагеоргиевичей теперь вставала нелегкая задача «завоевания» «своего Юга» во времени, богатом на идеи се-

¹ См.: *Цветковска Н.* Македонското прашање во југословенскиот парламент меѓу двете светски војни. Скопје, 2000. С. 25.

² См.: *Jovanović V.* Jugoslovenska država I Južna Srbija 1918–1929. Makedonija, Sandžak, Kosovo i Metohija u Kraljevini SHS/ Beograd. 2002. S. 45.

³ Ibid.

⁴ См.: *Цветковска Н.* Македонското прашање. С. 27.

⁵ Там же. С. 28.

⁶ Там же.

паратизма, революции, когда терроризм становился средством достижения справедливости, когда национализм, патриотизм, коммунизм, сепаратизм и другие «измы» чрезвычайно затрудняли столь желанную органичность вхождения новых земель в Королевство сербов, хорватов и словенцев.

Итак, постараюсь здесь сжато обрисовать, прежде всего, ситуацию: социально-экономическую, политическую, революционную.

Первый. Природные рудные богатства: хромиты, олово, цинк, золото, серебро, включая сюда и мрамор, оставались почти нетронутыми. Соответственно и не было пролетариата в его европейском смысле, этой движущей силы в революциях. Практически, на тех же рудниках трудились крестьяне, не раввшие с землей, помогавшей им выжить в тяжелые времена.

Только один пример. Судя по запросу депутата Скупщины радикала М. Димитриевича от 11. 06. 1934 г. в Министерство лесных и горных ресурсов, управа рудника Боговина, где работало около 850 человек, не выплачивала заработную плату от 5 до 8 месяцев. Страдали не только сами шахтеры, но и их семьи¹.

Выручала, надо полагать, как всегда земля, ее плоды.

Это была крестьянская страна (76, 3% жителей сел²), где почти полностью отсутствовала какая-либо промышленность. В Битольском, Прилепском и Крушевском срезях в 1920 г. насчитывалось 23 мельницы. В Вардарской бановине было мельниц водяных и просто жерновых 4818 штук³.

11 октября 1921 г. власти из Скопле в своем донесении в Белград, министру МВД, в отделение общественной безопасности описывали ситуацию следующим образом: «промышленность постепенно развивается... в самом городе сейчас мы имеем новую паровую мельницу и одна строится, имеется две мастерские... Есть и фабрики по выпуску современной черепицы и черепицы глиняной»⁴.

¹ См.: *Бодрожић М.* Прилог о ставу посланика Вардарске бановине према ситуацији у том делу Краљевине Југославије од 1932–1934// Вардарски зборник, № 3, Београд, 2004. С. 159

² *Jovanović V.* Jugoslovenska država I Južna Srbija. S. 56.

³ См.: Архив Србије и Црне Горе Ф. 65. Д. 299. (Здесь и в последующем ряде дел номера страниц отсутствуют — *В.К.*)

⁴ Там же. Ф. 14. Д. 179. начальство округа скопльского министру МВД отделения общественной безопасности 11 октября 1921 г.

Можно было бы даже сказать, что на македонских землях люди жили вне времени. Но это не так, время брало свое, хотя и чрезвычайно медленно.

В 1937 г. бан Вардарской бановины М. Новакович писал в Белград по начальству уже следующие, не без скепсиса, строки: «Промышленность в бановине в своем большинстве не развита. Сравнительно большие текстильные фабрики находятся в Лесковце и его окрестностях. В Южной Сербии расположена одна фабрика алкалоида, фабрика цемента, много фабрик по производству растительного масла, мыла, большое количество модернизированных мельниц и несколько складов табака. Остальные небольшие фабрики, по сути, представляют собой расширенное ремесленное производство»¹.

В 1938 г. в Македонии было 103 предприятия, в которых было 3028 работников или 1, 1% от общего числа работников в Югославии².

По местам и местечкам, где не было промышленности и не проводились обширные общественные работы, например, дороги, сохранялось значительное число бедняков. Вследствие сокращения ремесленничества росло и количество пролетариев³.

В 1938 г., судя по данным биржи труда, в бановине насчитывалось 412 безработных. 20 июля 1938 г. Вардарский бан писал М. Стоядиновичу, что «эта биржа из бановины послала в этот год 26 000 людей на заработки, которые все устроены»⁴.

Однако в эту «прелестную картинку» слабо верится, учитывая, что существовала еще и скрытая форма безработицы, да и само слово «биржа» было, вероятно, мало знакомым в массе неграмотного народа.

Второй. Традиционность крестьянского труда. На полях выращивали пшеницу, кукурузу, табак, опийный мак, рис и другие поль-

¹ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 51. Бан Вардарске бановине М. Новакович Председателю Совмина и министру иностранных дел М. Стоядиновичу. Скопле, 7 октября 1937 г.

² См.: *Палешутски К.* Македонският въпрос в буржоазна Югославия 1918–1941. София, 1983. С. 32.

³ См.: Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 51. Л. Бан Вардарске бановине М. Новакович Председателю Совмина и министру иностранных дел М. Стоядиновичу. Скопле, 7 октября 1937 г.

⁴ Там же. 20 июля 1938 г. Скопле.

зующиеся спросом продукты земли. Сельское население традиционно продолжали грабить откупщики, скупая задешево и продавая в несколько раз дороже.

Так, покупая у крестьян табак по 50 пара за килограмм, они получали бешеный барыш, продавая его уже по 150–200 динаров¹.

Судя по критическому выступлению депутата в Скупщине от Лесковачского района Т. Тонича крестьяне были вынуждены продавать центнер пшеницы за 50 динаров, кукурузы — по 40–45 динаров, пара волов стоила 800 динаров, корова 300 динаров, в то время как один день депутата оценивался в 500 динаров, а занавес для туалета в скупщине стоил свыше 2000 динаров².

Тяжелое положение было и с опиём. Только в тогдашнем Скопле находился единственный пункт по его закупкам, где он приобретался по 100–150 динаров за килограмм вместо «нормальной цены» от 400 до 450 динаров. Эта «ненормальная» ситуация позволила вскрыть даже коррупционную аферу³.

В Скупщине звучали призывы открыть подобные пункты в таких местах как Кочане, Штип, Радовиште, Струмица, Велес, где занимались производством опиия⁴.

Во время мирового кризиса экономическое положение в здешних краях ухудшилось, например, производство хлопка упало почти на 40%⁵.

Перед началом Второй мировой войны положение несколько выправилось. Вардарский бан М. Новакович 7 октября 1937 г. писал председателю Совета министров и министру иностранных дел М. Стоядиновичу следующие строки по сельскому хозяйству, отличные от ситуации с тем же фабричным производством: «Экономическое положение в бановине благоприятное. Сельскохозяйственное производство здесь весьма различно: одни края занимаются зерновыми культурами, другие овощными, третьи животноводством, четвертые рыболовством, а юго-восточные края занимаются выращиванием экзотических растений,

¹ *Бодрожић М.* Прилог о ставу посланника Вардарске бановине. С. 158.

² Там же. С. 158.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 159.

⁵ Там же. С. 162.

как например, хлопком, рисом, арахисом, финиками, афионом (опийный мак — *В.К.*). Табак выращивается в восточном крае от Вранье до Преспе. Культура хлопка развивается очень хорошо. В этом году срез Струмичский обработал 1600 гектаров. Джебджеля, Валандово, Неготин, Кавадар и Овче поле все вместе около 2000 га. Самый лучший урожай в Струмице до 1200 кг на гектар, самый низкий на Овчем поле — до 700 кг. по гектару, где он начал выращиваться только в этом году. Министерство сельского хозяйства купило машины по отделению семян от хлопка. Семена употребляются для отжима масла»¹. Но не все было так гладко.

Большим местом в Вардарской бановине оставались и дороги, вернее, их отсутствие. Так, по свидетельству депутата Д. Поповича (выступление в Скупщине 10.03.1934 г.) крестьяне должны пройти 30 км до рынка, чтобы продать воз дров и выручить 20–30 динаров. Причем на рубку леса им нужен целый день, к этому следует добавить и необходимость приобретения на вывоз особого документа, за который они должны заплатить самое меньшее 500 динаров, «а если бедняк не может платить и если идет без бумаги, сторожа леса конфискуют дрова или платят штраф от 80 динаров»².

К этому следует присовокупить немного о настроениях самого крестьянства в новой стране.

22 июня 1921 г. в Белград ушло донесение от одного из высших армейских чинов, дивизия которого была размещена на македонских землях. В нем он, в частности, писал: «Здесьнее македонское население далеко отстало от любой культуры и прогресса. Оно долгое время было в рабстве и приучилось слушаться, при этом принимая все те характерные особенности, которые влечет за собой рабство.

Масса не способна думать... и еще меньше способна понимать данные ей великие политические свободы и ее цели.

Это факты, которые болгары использовали в своей длительной агитации в массе здешнего населения, имели, к сожалению,

¹ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 51. Бан Вардарске бановине М. Новакович Председателю Совмина и министру иностранных дел М. Стоядиновичу. Скопле, 7 октября 1937 г

² *Бодрожит М.* Прилог о ставу посланика Вардарске бановине. С. 163.

большой успех. Они в массах создали болгарское чувство, они привлекли ее для своих идей, для своего интереса...

Не является ничем новым, если в этом случае подчеркнут, что ядро болгарской интеллигенции, как и большая часть болгарских министров из нашей Македонии... неустанно работают, чтобы добиться для Македонии свободы, которую бы она имела только вместе с Болгарией...

В своей... акции они не выбирают средств и таким образом ставили болгарскую национальную идею ... на службу коммунизму...

Наибольший ущерб несут нам плохие воспитатели массы народа — учителя и священники...

Все эти обстоятельства внимательно отслеживали болгары и, когда видели, что наша администрация подготовила им почву, что население будет недовольно нашей громоздкой администрацией», то «развили агитацию... которая сейчас тормозит наш государственный механизм»¹.

Комментарии к этому любопытному письму я дам в своем дальнейшем освещении истории македонских земель.

Третий. Колонизационная политика Белграда по «разбавлению» сербами местного населения и связанная с ней аграрная реформа, объявленная в 1919 г. и растянувшаяся до 1930-х гг. В заявленном властями процессе передела земель (крупных турецких владений), связанного с отменой прежних порядков Османской Турции, прокламированная новыми властями «справедливость» «оказалась» на стороне сербов. Надо отметить, что новые поселенцы также обкрадывались нередко «своими чиновниками»².

Сами власти в процессе колонизации сербской Македонии не жалели денег на антимакедонскую пропаганду и жестоко преследовали всех тех, кто подрывал «спокойствие» в крае. Так, в 1924 г. София перед угрозой вооруженного вмешательства, способного вызвать очередной пожар на Балканах, была вынуждена арестовать большое количество македонских националистов и принять по отношению к ним ряд других репрессивных мер.

В той ситуации новый передел македонских земель, решаемый только очередной войной, чреватой революционными потрясени-

¹ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 14. д. 179. Министерство военное и флота 22 июня 1921 г. в МВД

² *Jovanović V. Jugoslovenska država I Južna Srbija. S. 212, 213.*

ями, не был нужен Европе, на которую «оглядывались» балканские правительства.

И хотя македонские националисты не «успокаивались», но жесткая политика Белграда себя оправдывала — гражданская война с обязательной ее «балканизацией» и «интернационализацией» не состоялась.

На бытовом уровне сербы относились к македонцам довольно презрительно. Грубые шутки и вульгарные анекдоты о македонцах бытовали весьма долго в сербской среде, включая и интеллигенцию, где их признавали болгарами, отрицая право на самоназвание.

В политике было несколько по-другому. Один из народных посланников, выступая в 1926 г. в парламенте, открыто говорил о том, что македонцы в действительности являются только сербами, которые были в свое время подвергнуты чуждой массивированной пропаганде.

С конца 1925 г. там было роздано свыше 70 тыс. га, в основном, колонистам¹.

Согласно приводимым В. Йовановичем данным из книги В. Бурзевского (*Ekonomskata položba na makedonskite selani megu dvetesvetski vojni. Glasnik INI, br. 2–3, Skopje, 1982. Str. 96–98*), 52, 4% земли получили колонисты, 39, 5% — македонские крестьяне, остаток в 8% был разделен между школами, армией и жандармерией².

А сколько поселенцев было вообще, можно задаться вопросом?

Судя по работе А. Апостолова «Колонизацијата на Македонија во Стара Југославија» (Скопје, 1966), на которую ссылается К. Палешутский, то к июню 1940 г. в Македонии было 280 колоний с 4167 семьями³.

Много это или мало?

По переписи от 31 марта 1931 г. в 29 околиях Вардарской Македонии, насчитывалось 1 574 243 человека. Здесь только не надо забы-

¹ *Палешутски К.* Македонският въпрос в буржоазна Югославия. С. 26.

² *Jovanović V.* Jugoslovenska država I Južna Srbija. S. 216.

³ *Палешутски К.* Македонският въпрос в буржоазна Югославия. С. 25.

вать, что туда входило 8 околий, подключенных из Сербии, а именно, Босилградска (Босилград), Ябланичка (Лебане), Лесковачка (Лесковац), Масуричка (Сурдулица), Пчиньска (Вранье), Польшаничка (Владички хан), Прешевска (Прешево), Власотиньска (Власотинци), в которых проживало 348 040 жителей или 22, 11% от общего числа, и часть Метохии из семи околий: Гњиланска (Гњилане), Горска (Драгаш), Грачаничка (Приштина), Качаничка (Качаник), Неродимска (Урошевац), Подгорска (Сува-Река), Шар-Планинска (Призрен), где жило 276 245 человек или 15, 55%¹.

Сербский историк Б. Петранович приводит другие данные, а именно, в Королевстве СХС проживало 630 000 македонцев, Примерно такую же цифру (около 600 000) называют британские аналитики².

Уже из приведенных цифр можно сказать, что число колонистов не было таким уж значительным.

Тем не менее, поселенцы, даже там, где их было меньше, играли в общественно-политической жизни «ведущую или почти ведущую роль», входя в абсолютном большинстве в Югославскую радикальную партию³.

Сербский историк Дж. Крстич в своей работе «Колонизација у Јужној Србији» (Сарајево, 1928) писал: «Результат нашей колониционной политики ни по количеству поселений и переселенческих семейств, ни по положению переселенцев, ни по способу их расселения в колониях и по потраченному времени и средствам не имеет успеха, которым наш государственный аппарат мог бы гордиться»⁴.

К этому надо добавить, что постоянные перемещения чиновничества с места на место препятствовали налаживанию нормальной государственной работе на местах. Сами власти, признавая этот крупный недостаток, подчеркивали необходимость найти способ, чтобы чиновники не чувствовали себя «временщиками»⁵.

¹ См.: *Цветковска Н.* Македонското прашање. С. 28.

² См.: *Јовановић V.* Jugoslovenska država I Južna Srbija. S. 46.

³ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 51. поселенцы, партия и выборы. Скопле, 14 мая 1938 г. Аноним

⁴ Цит. по: *Палешутски К.* Македонският въпрос в буржоазна Югославия. С. 65.

⁵ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 14. Д. 179. Начальство округа скопльского министру МВД, 11 октября 1921 г.

Однако это было весьма трудным делом. Именно прибыть на время в какое-либо место, обогатиться через взяточничество и уехать: вот, пожалуй, было традицией для местного чиновничества.

В качестве примера предложу следующую «картинку»: командир Битольской дивизии получил информацию о том, что на пути из Дебра в Стругу замечен «караван коней, нагруженных вещами одного полицейского чиновника, который пару месяцев назад прибыл в Дебар с одним чемоданом»¹.

Как подчеркивал В. Йованович, «чиновничество в южном крае характеризовали такие черты, как “сила турецкой традиции”, “балканский менталитет” и коррумпированность всех типов, что не мешало стремительному увеличению его численности»².

В 1931 г., в Вардарской бановине насчитывалось 22 319 «чиновников и служащих»³.

Местное население также не было расположено к «людям нездешним».

В корреспонденции человека, близкого к Министерству внутренних дел и объехавшего за 13 дней августа 1938 г. Скопле, Велес, Прилеп, Битоль, Охрид, Ресан, Кавадар, Куманово, отмечалось, что он всюду слышал негодование по отношению к т. н. ульезам, т. е. к приезжим, которые в Южной Сербии обжились и считали себя призванными говорить и работать во имя народа из Южной Сербии⁴.

Ко всему этому стоит добавить, что, судя по выступлению (18 марта 1933 г.) депутата Овчепольского района в Скупщине М. Стоядиновича, содержание аппарата по проведению аграрной реформы «юга Сербии» обошлось дороже, нежели сама реформа⁵.

И, конечно, неуспех, а, может быть, провал колонизации был обусловлен и нападениями «комитов» — членов различных рево-

¹ Jovanović V. Jugoslovenska država I Južna Srbija. S. 78.

² Ibid. S. 79.

³ Ibid.

⁴ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 51. Реферат министерства внутренних дел от 4 августа 1938 г. на основе информации нашего друга, проехавшего за 13 дней Скопле, Велес, Прилеп, Битоль, Охрид-Ресани, Кавадар и Куманово.

⁵ *Бодрожих М.* Прилог о ставу посланика Вардарске бановине. С. 161.

люционных отрядов, для которых террор был одним из средств их борьбы с «сербскими захватчиками».

Так, нападение на одно из сел в окрестностях Щипа (Штипа), совершенное 16. января 1923 г., вызвало отъезд многих колониистских семейств не только оттуда, но и из других мест Македонии¹.

Четвертый. Комиты или четники.

Вначале немного статистики. За период 1919–1934 официально учтено 467 нападений комитов, во время которых погибло 185 человек, ранено 253 служащих и 288 гражданских лиц².

На страницах донесений в Белград по начальству от представителей сербских властей разного ранга в первые годы постоянно присутствовала тема комитов, перехода ими границ. Соответственно, центру надо было обеспечить безопасность границ, не допускать перехода ее врагами Королевства, членами Внутренней Македонской Революционной Организации и ограничить вплоть до полной ликвидации ее антигосударственную деятельность на территории новых владений, точнее, на македонских землях. И враги эти были весьма серьезными.

Лидер ВМОРО Иван Михайлов перед Рождеством 1932 г. в интервью хорватскому политику Марко Дошену заявлял: «Македонцы еще давно сказали, что с сербом можно разговаривать только с винтовкой и гранатой. Я уверен, что мирным путем такая программа не осуществляется»³. Для него Белград, создавший из Македонии «южную Сербию», сотворил там «южный ад». «Или достойная свободная жизнь для человека и народа или — честная смерть. Среднего пути в борьбе за свободу нет!» — заключал Иван Михайлов в дружественном Загребе, где, по его выражению, Белградом был устроен «северозападный ад», от которого также нужно избавляться «любой ценой»⁴.

Борьба требовала оружия, денег, и, главное, людей.

С оружием дело обстояло неплохо, если учитывать, что на Балканах после прошедших войн его было вдоволь. Только два примера.

¹ См.: *Палешутски К.* Македонският въпрос в буржоазна Югославия. С. 32.

² См.: *Јовановић В.* Jugoslovenska država i Južna Srbija. S. 194.

³ *Кайчев Н.* Разговор на Иван Михайлов с хърватския политик Марко Дошен // Македонски преглед. 2005, Кн. 4. С. 119

⁴ Там же. С. 120.

Первый. В газете «Старое время» сообщалось: «По официальным сведениям из Охрида местная полиция в одном из сел обнаружила склад оружия — 120 пулеметов и патроны к ним. Пулеметы оказались болгарского типа и, по показаниям крестьян, находились под землей еще с начала войны. Между тем власти утверждают, что это один из складов Тодора Александрова, которых много в Южной Сербии. Вблизи склада был найден один болгарский комит, который при аресте пытался застрелиться. Предполагают, что пойманный комит имел задачу снабжать недовольное население оружием и подчинить его болгарским комитским отрядам»¹.

Второй. 14 июля 1926 г. Леринский воевода ВМРО Асен Горев выдал свидетельство своему четнику Христо Д. Хлебарову о том, что он направляется на лечение в Болгарию². Перед отбытием у него было принято А. Горовым следующее снаряжение: карабин № 1374 и нож, патронташ с 200 патронами, четыре больших гранаты, ½ кг пироксилина, парабеллум № 2084, патронов для парабеллума 150, обоймы для парабеллума 6, один плащ, один ранец и пр.³.

Итак, с оружием проблем не было.

Теперь о деньгах: левы, динары...

Одним из главных источников служили средства, полученные от местного населения, жившего в болгарском приграничье: Петричский и Кюстендилский края.

Не «забывались» и селяне, жившие по другую сторону границы. Причем, комиты здесь, случалось, действовали с крайней жестокостью. Так, в одном из документов, датированных весной 1921 г., сообщалось следующее: «Чета Глигорова 17 марта перешла границу около села Перпорие. Здесь от надежных людей получила продовольствие и проводника. В село несколько дней тому назад возвратились некие отходники, работавшие в Америке. Чета у них требовала денег для болгарского дела, на что они им ответили, что здесь Югославия, и они больше ничего не хотят знать о четах и неприятностях с ними. Эти тогда заперли их в до-

¹ Старое время. 26 февраля 1924 г., № 26. С. 3.

² Архив Србије и Црне Горе. Ф. 14. д. 28. Л. 10. Внутренняя мак. Орг. Леринский революционный район Свобода или смерть. 14 июля 1926 г., Македония.

³ Там же. Л. 11.

ма и подожгли, но крестьяне их спасли, чтобы не сгорели внутри»¹.

Печать того времени была полна сообщениями о действиях комитских отрядов (чет). Например, русские читатели «Старого времени» осенью 1923 г. могли прочесть: «нападение комитов в Южной Сербии на села и города, сопровождающиеся зверствами и поджогами, не прекращаются». Неизвестные в городе Штите во многих местах расставили бочки с порохом перед магазинами на главной улице, фасады которых были облиты керосином, чтобы взрывы легче могли произвести пожар, который был замечен в самом начале и ликвидирован с большими усилиями².

Тогда же промелькнуло сообщение об убийстве командира пограничной стражи майора Шаранцовича. «На изуродованном трупе убитого была прикреплена записка, что убийство совершено из мести за убитого комитского предводителя Ефтима»³.

Не отставали и качаки, у которых были свои счеты с сербами, и нередко зарабатывавшие себе на жизнь разбоем.

В качестве примера приведу одно из донесений в Министерство внутренних дел от 17 сентября 1921 г. В нем говорилось, что в «округе Скоплянском одна чета арнаутских качаков из 60 человек дождалась на дороге Скопле — Тетово и захватила в плен 60 путников, назначила сумму за выкуп и отвела их в горы»⁴.

Ставшие обыденными такие факты были обусловлены, как признавали сами власти, во многом коррумпированностью полицейской власти. Надо было заменять пограничную стражу, «оставленную, в основном, из городских арнаутов», на «людей из внутренней Сербии», увеличить количество жандармов и усилить над ними контроль⁵.

Все это, полагаю, делалось, но не так быстро.

И, теперь, вновь о комитах.

¹ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 14. Д. 29. Л. 101. Полковник 3 жандармской бригады от 4 июня 1921 г. коменданту всей жандармерии и др. адреса.

² Старое время. № 5, 5 ноября/23 октября 1923 г. С. 2.

³ Там же. № 8, 26 ноября 1923 г. С. 2.

⁴ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 14. Д. 179. Военное министерство и флота от 17 сентября 1921 г. в МВД.

⁵ Там же. Апрель 1921 г. В МВД.

Безусловно, они знали, за что ведут борьбу. Один из комитов писал, примерно в 1926 г., неким своим «дорогим Крсто и Боре»: «Всем вам шлем сердечное поздравление из этого милого края лазурного неба, дивно-прекрасных лесов, в которых поют гайдуцкие песни, и цветущих полей, заброшенных, вытоптанных отвратительными пресмыкающимися — от разных насильников греков и сербов. Пишу с дивного красивого места. Мой взор охватывает все родные горы.

Неописуемое одушевление, мятежная душа горит от желания, чтобы вновь броситься на проклятого врага и окончательно его уничтожить. Он... грабит, колет наш невинный народ. Но уже мало ему остается. Чаша терпения переливается. Закипят волны народного негодования и тогда куда пойдут палачи народа? Родные сыновья измученной и исстрадавшейся страны блуждают по непроходимым горным лесам, оберегая народ от ... тиранов, готовые положить жизнь на святой алтарь свободы»¹.

Грозная ВМРО вселяла страх, сеяла панику среди местного руководства, состоявшего в основном из сербов. Любой слух воспринимался как правда, заставлявшая чиновников обращаться к военным властям с просьбами о помощи. 15 мая 1921 г. комендант III армейской области, охватывавшей Вардарскую Македонию, писал военному министру следующее: «Комендант битольской дивизионной области сообщил мне, что на основе неточных и непроверенных данных о движении среди населения и акциях болгарских комитов полицейские власти неоправданно обращаются к военным властям за помощью. Своим поведением показывают свою неспособность управлять ситуацией, отсутствие ... хладнокровности, трусоватость и страх от воображаемой опасности... начальник округа Битольского шифром извещал коменданта II жандармской бригады что "среди народа района Преспанского проявился быстрый поворот. Народ пришел в смятение, и ожидает каждый час акции комита. Возникла настоящая паника. Начальник района спрашивает, что делать с архивом и государственной кассой"... Между тем комендант Битольской дивизионной области проверил извещение... и обнаружил, что в Ресне и окрестно-

¹ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 14. Д. 28. Л. 12. Письмо одного члена комитета дорогим Крсто и Боре. 17 июля 1926 г.

стях наблюдается мир и спокойствие и добавляет, что наши гражданские власти ответственны за эту неоправданную и непонятную панику народа»¹.

Однако дыма без огня не бывает, само существование и активность комитов вызывали «эту неоправданную и непонятную панику народа». Только тут надо, скорее всего, добавлять к последнему слову прилагательное — «сербского».

Лишь «популярный» терроризм, по убеждению многих его сторонников, мог «сломать» империю, жесткая политика которой по «сербизации» македонского населения снижала опасность ее революционизации. Белграду в немалой степени помогала зачастую кровавые, внутренние раздоры в среде ВМРО. Свой «вклад» вносила и борьба македонцев-автономистов со своими соплеменниками-федералистами, поступившими на сербскую службу.

Эта борьба началась еще в 1921 г. Тогда же, например, группа «сознательных» македонских революционеров конституировалась в организацию под названием «Македонская Федеративная организация», которая отделилась от ВМРО и начала борьбу по ее уничтожению. Руководителем этой новой группы стал Славе Иванов.

Как писал, и весьма страстно, один из членов этой группы, укрывшийся под инициалами С. И. (скорее всего это был сам Славе Иванов), Тодор Александров «сделал из ВМРО оружие в руках... болгарских политических партий, которые манипулировали ею, исходя из своих партийных интересов и интересов болгарской государственной политики. ... ВМРО служила и болгарскому Двору и военной лиге, с которой поддерживала тесную связь и получала инструкции». Александров не остался в долгу и поспешил в своем воззвании назвать «федералистов» «предателями и сербскими шпионами». Последовали вскоре и убийства с обеих сторон. В итоге небольшая группа С. Иванова была вынуждена укрыться на территории Королевства, власти которой (Н. Пашич прежде всего) снабжали ее деньгами для борьбы с ВМРО. В 1925 г. «беглецы» создали организацию под названием «Объединение против болгарских бандитов». Бывшие члены ВМРО тогда говорили: «мы эту ор-

¹ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 14. Д. 28. Комендант 3 армейской области министру военному и флота. 15 мая 1921 г., Скопле

ганизацию создавали, и мы ее уничтожим как пакостную и ненужную для македонских интересов»¹.

Опять началась кровавая борьба с жертвами с обеих сторон.

По другим сведениям, организация под аналогичным названием была создана двумя годами раньше, в сентябре 1923 г. Ее возглавляли Михаил Каламатиев, местный торговец и Коста Пеканац, старый сербский четнический воевода.

В 1923 г. число специально организованных лиц против комитов достигало почти 25 тыс.²

Под руководством ВМРО в Скопле, Щипе (Штипе), Велесе и других местах активизируется македонская молодежная тайная революционная организация, состоящая из студентов и учителей. Однако она действовала недолго. В 1927 г. уже состоялся судебный процесс. Из 20 студентов девять получили 90 лет тюрьмы, 11 освобождены после ужасов предварительного следствия³.

О ситуации, сложившейся в Вардарской Македонии с болгарами, последние информировали Лигу Наций. В январе 1930 г. их представители Гр. Атанасов, Д. Шалев, Д. Илиев — адвокаты из Кавадарцев, Скопле и Велеса — подали ее главному секретарю Эрику Друммонду петицию, в которой просили признать «болгарское меньшинство в Югославии, которое составляет компактную массу, живущую в Македонии»⁴.

Но королевское правительство в ответ на запрос секретариата Лиги Наций ответило, что «славянское население в Южной Сербии не является меньшинством ни по языку, ни по расе, ни по религии и неотлично от других сербов в Королевстве», поэтому оно не может иметь какие-либо права считать себя меньшинством⁵.

При всем этом еще в 1929 г. правительство стремилось усилить четническую организацию «Народна отбрана» («Народная оборона»), чьи подразделения в Македонии возглавлялись воево-

¹ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 51. Проект за продужену борбу против тайне револуционарне организације уперене против Југославије. Септембар 1937. Борец за своју Родину С.И. Белград

² *Палешутски К.* Македонският въпрос в буржоазна Југославија. С. 63.

³ Там же. С. 68, 69.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Там же. С. 71.

дой Илией Трифуновичем-Бирчаниным, генералом Ристичем и скопльским митрополитом Иосифом. Но они не давали результатов. Поэтому при финансовой поддержке бана Ж. Лазича в начале 1931 г. создается организация «Югославянска младеж от Вардарска бановина» («Югославянская молодежь Вардарской бановины»). Судя по ее составу, она не имела широкой социальной базы¹.

В Вардарской Македонии действовали и коммунисты. Однако их деятельность не была успешной среди населения.

Возвращаясь к федералистам, скажу, что упоминавшийся «С. И.», позиционируя своих сторонников «борцами за честь и величие Югославии» предложил в сентябре 1937 г. своих людей Белграду (премьер-министру и министру иностранных дел) для ликвидации Ивана Михайлова, проживавшего в Анкаре, равно как и хорватов Кватерника и Павелича, живших в Италии, близ Торино. Одновременно «С. И.» заявил о готовности образовать группу «от 10 до 15 людей верных и хороших патриотов, которые могут выполнить задание в стране по защите самых высших государственных интересов»².

Этот «заманчивый» план не был реализован.

Известно, что новое правительство в Софии под председательством Кимона Георгиева еще в 1934 г. приняла ряд известных мер против ВМРО, чьим шефом тогда был Иван Михайлов. Формально ВМРО была распущена, а Михайлов скрылся в Турции. Уже известный «С. И.» писал: «... если бы правительство Кимона Георгиева хотело его арестовать, оно бы это сделало... тот, кто следил за развитием дел с ВМРО и македонствующими, может сразу сказать, что ВМРО не распущена, а только как бы свернула свои флаги, это требование внутренней и внешней болгарской политики, чтобы, когда придет время, развернуть знамена ВМРО. Этот день приближается, и свернутый флаг понемногу разворачивается»³.

Пятый. В ход шло не только оружие, но и сама история, просвещение. На этом поле наступательной стороной была Сербия.

¹ *Палешутски К.* Македонският въпрос в буржоазна Югославия. С. 71.

² Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 51. Проект за продужену борбу.

³ Там же. Что сейчас с ВМРО? Ноябрь 1937 г. Сообщение С.И.

Еще в 1906 г. сербский проф. Йован Цвиич представил идейную и научную основу для «сербизации» Македонии. По его мнению, Македония в этнографическом и лингвистическом отношении была ближе к сербам, нежели к болгарам. Он считал македонское население аморфной массой, из которой легко можно сделать как болгар, так и сербов (Цвиич. *Ј.* Балканско полуострво. Београд, 1906)¹.

Практик Никола Пашич считал, что Македония может быть «сербизирована» за 10 лет. Главный удар был направлен против болгар, так как считалось, что их ассимиляция как национальной группы, которая в языковом, религиозном и этнографическом отношении стоит ближе всего к сербам, сравнительно легко осуществима.

Для этой цели власть закрывала все училища, церкви, читальни, библиотеки македонских болгар, запрещала болгарскую речь, периодическую и ежедневную печать, не допускала проникновение болгарской книги в Македонию. Болгарский язык был под запретом. В каждом учреждении на видном месте были надписи: «Говори только на официальном языке». В училище перед чтением молитвы ученики должны были громко три раза сказать: «Я настоящий серб, отец мой и мать моя настоящие сербы». Сербская власть в Вардарской Македонии (без Струмишского округа) уволило 5 болгарских владык, 647 священников, закрывало 677 церквей, 48 монастырей, 556 начальных (основных) училищ с 847 учителями и 33056 учениками и пр.²

Сюда можно добавить, что в церквях появились списки с сербскими именами, которые разрешалось давать новорожденным. Насильственно менялись окончания фамилий с «ов» на «ич»³.

Для детей из Македонии щедро открывались пансионы в Белграде и других крупных городах. Цель одна: воспитание просербской интеллигенции. Однако не все шло по-задуманному. Бан М. Новакович писал в октябре 1937 г. М. Стоядиновичу: «по городам молодежь, получившая образование в Загребе или в Белграде, идут немного влево. Они... фантасты и не имеют влияния на народ»⁴.

¹ *Палешутски К.* Македонският въпрос в буржоазна Югославия. С. 52.

² Там же. С. 49

³ Там же. С. 52.

⁴ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 51. Л. Бан Вардарске бановине М. Новакович Председателю Совмина и министру иностранных дел М. Стоядиновичу. Скопле, 7 октября 1937 г.

Но здесь бан в своем суждении относительно степени влияния был, думается, поверхностен.

Разумеется, массовое просвещение по-сербски осуществлялось в самой Вардарской Македонии, в ее городах и селах.

Какими они были?

Вначале информация из 1921 г. Судя по письму окружных властей Скопье, «на школы обращается большое внимание, в районе скопльском строится семь новых школ. В районе Велешком есть тридцать восемь школ. В самом Скопье община предприняла ремонт всех основных школ. Школы в городах хорошо посещаются, в селах слабее.

Средние школы в Скопье и Велесе, гимназии, торговая школа, учительская школа отлично посещаются... Для женских ремесленных школ (две в Скопье и одна в Велесе) Окружная скупщина вотировала большую помощь»¹.

В целом, в Южной Сербии в 1929 г. было 1401 начальная (основная) школа, из которых 261 школу посещали албанские дети².

Относительно средних школ можно, согласно данным В. Йовановича, узнать, что их было всего 18³.

Теперь позволю представить городскую «картинку»: Охрид — 1568 домов, 10416 жителей, суд, гимназия, основная школа, трудовая, вечерняя ремесленная школа и старые церкви, 4 адвоката. Приедор — 1040 домов, 6000 жителей, гимназия и две начальные школы, железный рудник Любия — 13 км от города, ярмарка с 2 августа. Прилеп — 4448 домов, 20623 жителей. Суд, финансовое управление, жандармское управление, архиерей, муфтий, гимназии, учительская школа, 7 начальных и вечерняя торгово-промышленная школа, 3 адвоката⁴.

В Скопье действовала средне-техническая школа — 17 учителей и 250 учеников⁵.

¹ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 14. Д. 179. начальство округа скопльского министру МВД. 11 октября 1921 г.

² *Jovanović V.* Jugoslovenska država I Južna Srbija. S. 135.

³ *Ibid.* S. 137.

⁴ Краљевина срба, хрвата и словенаца. Алманах, свезак III, део 7,8,9, 1927—1928, Сост. Виктор Манакин, Загреб, (без года выпуска) С. 696, 701.

⁵ Зборник Југославије њених бановина, градова, срезова и општина, 1931, Београд. С. 81.

В Вардарской Македонии были учреждены такие социальные учреждения, как детский дом в Скопле¹, богадельня в Битоли².

Нельзя обойти молчанием и профессиональное образование, прежде всего, крестьянского профиля.

Низшие сельскохозяйственные школы действовали в Битоли — 2 учителя, 1 профессор специалист по молоку³; в Лесковце — 2 учителя начальных классов, 1 профессор⁴. В Тетово работала сельскохозяйственная школа⁵. В Прешеве располагались сельскохозяйственная школа и хозяйственная школа⁶. В Црной Трави открыли школу каменщиков, так как тамошние жители были известны как каменщики во всей стране. Имелась также и одна техническая школа в Скопле⁷.

В Вардарской бановине действовали женские ремесленные школы, торговые школы, специализированные, торговые академии⁸.

В начале 1930-х гг. на одну тысячу жителей приходилось одно среднее училище. В оставшихся начальных школах изучали, прежде всего, сербский язык и литературу⁹.

Тем не менее, М. Новакович писал в Белград: «В народе чувствуется желание об открытии начальных школ, Каждое село хочет иметь свою школу. Многие новые школы строят. По возможности выделяем деньги из бюджета бановины»¹⁰.

В 1937 г. государство одобрило кредит из госдотаций на сумму 4800000 динаров на строительство гимназий в Скопле, Приштине (больниц в Штипе и Призрене)¹¹.

¹ Буџет Вардарске бановине за 1940—41 годину. Скопље. 1940. С. 75.

² Там же. С. 76.

³ Там же. С. 41

⁴ Там же. С. 42.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Там же. С. 46.

⁷ *Бодрожит М.* Прилог о ставу посланика Вардарске бановине. С. 164.

⁸ Буџет Вардарске бановине. С. 103

⁹ *Палешутски К.* Македонският въпрос в буржоазна Југославија. С. 51.

¹⁰ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 51. Новакович — Стоядиновичу. 16 децембра 1937 г.

¹¹ Там же. 14 октoбра 1937 г.

23 января 1938 г. была торжественно открыта четвертая начальная школа «Доситей Обрадович». Вместе с двором она занимала площадь в 13 тысяч кв. м. и могла принять свыше 700 детей. Стоившая около 2 млн динаров, не считая земли, школа отвечала всем условиям дидактического, гигиенического и эстетического характера¹.

Школы открывались, но не хватало учителей для тех же начальных школ.

В Скопле, например, действовала только одна Учительская школа².

Сделанное не означало законченного.

Так, депутат Костиц просил в Скупшине переместить сельскохозяйственный факультет из Земуна в Скопле. Он предлагал открыть на «юге Сербии» ремесленные и другие технические школы, в том числе школу для иконописцев, ювелиров и др. мастеров.

Народный представитель выступал за открытие низшей сельскохозяйственной школы в Скопле, в которой большое внимание уделялось бы растениеводству³.

Замечу, что в просвещение открыто вторгалась политика, точнее, элемент соперничества с Болгарией в этой сфере.

Один сюжет. Депутат Т. Фиданович в своей речи от 14 марта 1933 г. подчеркнул, что три года назад в Струмице была ликвидирована неполная гимназия, имевшая большое значение. Он просил вновь открыть эту гимназию, аргументируя тем, что в Болгарии на границе с Вардарской бановиной в одном селе была открыта такая же неполная гимназия, хотя в Петриче работала и восьмиразрядная школа. По мнению Фидановича, эти «болгарские гимназии не были нужны народу, а открыты с целью пропаганды против Югославии»⁴.

Здесь возможен только один комментарий: соперничество в области просвещения бывает и полезным.

Небольшая вставка о здравоохранении и суде.

¹ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 38. д. 10. 23 января 1938 г. Прессбюро.

² *Бодрожих М.* Прилог о ставу посланика Вардарске бановине. С. 164.

³ Там же. С. 164, 165.

⁴ Там же.

Смена власти с турецкой на сербскую не привела к коренным переменам в этой сфере. В 1921 г. в одной из справок в МВД, говорилось, что «в гигиенической сфере народ не на высоте», так как его стиль жизни не дает ему лучше жить. Подчеркивалось, что было предпринято все, чтобы народу объяснить то, что «от стиля его жизни зависит и его здоровье»¹.

Но «объяснение» без вливания денежной массы мало помогало.

Прошло больше четверти века, ситуация оставалась неудовлетворительной. По признанию самого бана, здравоохранение было очень плохим. В октябре 1937 г. он писал в Белград, «что от малярии в этом году болело около полумиллиона лиц. Институт гигиены располагал всего 200 000 динарами для покупки хинина, столько же дала и бановина. Нет даже 1 динара по больному»².

Бановинские больницы к 1940/41 г. действовали в Велесе, Власотинце, Вранье, Гнилане, Джевджелии, Куманово, Лебану, Лесковце, Охриде, Призрене, Прилепе, Приштине, Тетово, Штипе³.

О праве особо не стоит распространяться, учитывая взяточничество чиновников и жадность адвокатов. Сами власти в 1921 г. утверждали, что «правосудие стоит на высоте, и народ в него полностью верит». Тут же они подчеркивали, что «правосудие и ряд общинских судов слабы»⁴.

Более того, была замечено т. н. вмешательство политики в судебные дела, на что указывает в своей книге В. Йованович⁵.

Возвращаясь к просвещению, отмечу, что образовательным центром было Скопле, с 1929 г. — столица Вардарской бановины. В ней действовали средняя, гражданская и народная школы⁶.

В середине 1930-х гг. на эту же тему так живописал Слободан Йованович: «Скопле один из самых счастливых городов нашей

¹ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 14. Д. 179. Начальство округа скопльского министру МВД. 11 октября 1921 г.

² Там же. Ф. 37. Д. 51. Л. Бан Вардарске бановине М. Новакович Председателю Совета министров и министру иностранных дел М. Стоядиновичу. Скопле, 7 октября 1937 г.

³ Буџет Вардарске бановине. С. 82–95.

⁴ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 14. Д. 179. Начальство округа скопльского министру МВД. 11 октября 1921 г.

⁵ *Jovanović V. Jugoslovenska država I Južna Srbija*. S.107–108.

⁶ Буџет Вардарске бановине. С. 61.

страны, после Белграда, больше всего он выиграл с освобождением. Как и Белград, он за последние восемнадцать лет почти утроил число своих жителей. До войн он имел немногим больше тридцати тысяч жителей...

До войн Скопле имело определенную физиономию турецкого города. Несколько современных построек и несколько для того времени современных отелей... Сейчас Скопле имеет две части города: старый ... и новый, набитый современными постройками... Сейчас в Скопле есть большое количество людей, переселившихся из разных городов, расположенных севернее и южнее от Скопле. Восемнадцать лет жизни в новой среде не было достаточным для их ассимиляции.

... легко можно различить колонию Враньянца от колонии Кумановаца, также вам не будет тяжело Штиплянца отличить от Призренаца. Самый большой вклад дал Дебар и его окрестности... Точно также внесли свой вклад переселенцы из Велеса, Призрена, Тетова, особенно из Крушевца. Цинцарска колония (фракийские валахи) многочисленна и мощна. ... Почти три тысячи государственных, бановинских и общинский служащих ... Весь этот народ... принес свои особенные черты. Но весь этот народ, собранный в одной среде, содействовал совместной жизни.

... Культурная и любая общественная деятельность очень усложнена. ... Все живут своей локальной жизнью... Скоплянцы никогда не могли согласиться, чтобы во главе своей общины поставить человека, который был бы из их круга. ... скоплянцы за последние двадцать лет не имели... своего депутата»¹.

Эта зарисовка позволяет получить дополнительные сведения о процессах, происходивших в Южной Сербии, точнее, в Вардарской бановине.

Добавлю, что в Скопле выходила и своя дневная городская газета «Вардар».

В 1920 г. в Скопле был открыт Философский факультет как филиал Белградского университета. На него возлагалась «культурно-национальная миссия» стать проводником сербской культуры и просвещения².

¹ *Јовановић С.А.* О Скопљу (1936 // Вардарски зборник, № 5, Београд, 2006. С. 233, 234, 235.

² *Палешутски К.* Македонският въпрос в буржоазна Югославия. С. 50.

Вначале Философский факультет не пользовался «спросом». В октябре 1921 г. число студентов было незначительным и поэтому начало преподавания затягивалось¹.

Впрочем, потом положение улучшилось.

В 1933 г., в своем выступлении в Скупщине Д. Костиц информировал своих коллег о разговорах по ликвидации факультета и экономии в 200 000 динаров. Депутат полагал, что этого нельзя делать из-за такой небольшой суммы денег, которую может предоставить община Скопле².

В итоге, факультет продолжал действовать. Там, в частности, читались лекции по мировой культуре, ее исторических процессах, ходе развития, проблемах. В его стенах делились знаниями такие замечательные русские ученые, как Петр Михайлович Бицилли, историк культуры, Владимир Алексеевич Мошин, преподававший историю Византии и Римского царства, Евгений Васильевич Аничков, историк литературы.

Почти одновременно (с 1923 г.) в главном городе Вардарской бановины начал работать Народный университет, основанный по образцу Коларчева университета в Белграде. Основная цель была направлена к решению двух задач:

1) знакомить широкую общественность с новейшими научными достижениями из разных научных областей;

2) через лекции наиболее авторитетных представителей сербской и югославянской науки повышать общую культуру и образовательный уровень в широких слоях городского населения, а также поощрять молодое поколение отечественной интеллигенции к изучению основных проблем прошлого и настоящего краев.

На Народном университете, согласно статистическим данным за первые пять лет было 99 лекций по различным специальностям³.

Среди преподавателей были и русские имена, например, Петр Митропан, знакомивший слушателей с современной русской лите-

¹ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 14. Д. 179. Начальство округа скопльского министру МВД. 11 октября 1921 г.

² *Бодрожић М.* Прилог о ставу посланика Вардарске бановине. С. 164.

³ *Лилић Б.* Делатност народног универзитета предратне јужне Србије у Скопљу // Вардарски зборник № 4, Београд, 2005. С. 123.

ратурой в эмиграции и в СССР¹, Алексей Елачич, рассказывавший о славянских апостолах Кирилле и Мефодии, повествовавший о царствовании Екатерины Великой². Предполагаю, что для слушателей была интересна его лекция «Россия на переломе в начале царствования Петра Великого». В ходе лекции было спето русскими несколько арий из оперы Мусоргского «Хованщина» в исполнении русской актрисы Народного театра Анны Дориан. В мини-концерте принимали участие профессор Учительской школы Дмитрий Шатуленко, преподаватель музыки Сергей Красовский, профессор гимназии Виктор Петров³.

Добавлю, что лекции в Народном университете посещали, в основном, старшекласники⁴.

Шестой. Политика противоборствующих сил. К вопросу о самосознании населения.

Если говорить об отношениях Софии и Белграда, главных игроков на «македонском поле», то вначале немного фактов.

В 1921 г. в Белграде был убит болгарский посол Димитров. 23 марта 1923 г. лидер БЗНС Ст. Стамболийский подписал Нишское соглашение, по которому формально отказывался от притязаний на Македонию. 14 июня 1923 г. произошло убийство С. Стамболийского, принявшего за месяц до кровавой гибели ряд мер против революционных организаций. Новый глава Болгарии Александр Цанков при открытии Народного собрания упомянул «болгарскую Македонию»⁵, что только усложняло двусторонние отношения, которые уже были «подпорчены» вторжением комитских отрядов с территории Болгарии. Сменивший Цанкова уроженец Ресена (македонский болгарин) Андрей Ляпчев пытался «утихомирить» ВМРО «бескровно», без применения силы, убеждая И. Михайлова не создавать проблем с четами и т. д. Однако все уговоры были тщетны⁶. В октябре 1927 г. был убит в Штипе болгарофоб генерал Ковачевич. Ответ не замедлил последовать: убиты

¹ *Лилић Б.* Делатност народног универзитета предратне јужне Србије у Скопљу. С. 124

² Там же. С. 126, 127.

³ Там же. С. 128.

⁴ *Јовановић С.А.* О Скопљу. С. 236.

⁵ *Јовановић В.* Jugoslovenska država I Južna Srbija. S. 154.

⁶ *Божинев В.* Земното кълбо не престава да се върти. С. 195.

отец и брат И. Михайлова. В Юго-западной Болгарии (Петричском и Кюстендилском краях) вводился режим чрезвычайного положения. 13 января 1928 г. в Скопле убит В. Прелич — «инспириатор и вдохновитель гонений на болгар в Вардарской Македонии»¹. В 1928 г. И. Михайлов руками своих «подопечных» ликвидировал своего соперника генерала Ал. Протогерова. Вновь развернулась кровавая борьба между михайловистами и протогеровистами. В этой обстановке, как писал сам А. Ляпчев, «он не хотел быть палачом ВМРО», т. е. вел себя пассивно в развернувшейся распре, что дало преимущество михайловистам, наиболее радикальному крылу в ВМРО². Болгарские интересы в Вардарской Македонии в 1927 г. попыталась защитить, но безрезультатно, Великая ложа Болгарии, обратившись к своим «братьям» из Великой ложи Югославии. Потом было обращение Великой ложи Болгарии ко всем своим «собратьям» в мире с призывом остановить «кровавое вытеснение» болгар из Вардарской Македонии. Известно, что «братья» из Королевства ответили, что в Македонии «живут только сербы»³. В дело «оттепели» включился и царь Борис, пославший своего адъютанта на прием в югославское посольство (начало декабря 1929 г.) по случаю дня рождения короля Александра. Этот шаг и выражение сочувствия, проявленное болгарским правительством в связи с кончиной одного из югославских дипломатов, расценивались внимательно следившими за болгаро-югославскими отношениями британскими дипломатами как знак потепления между двумя странами⁴. Не отставал и Белград, куда 10 декабря 1933 г. прибыл с официальным визитом царь Борис и царица Йоанна в сопровождении принца Кирилла и министра иностранных дел А. Бурова. В официальном коммюнике говорилось о безотлагательности начала переговоров по заключению торгового договора, ветеринарной конвенции и соглашению по облегчению паспортного режима⁵.

Но все это для простых жителей «Юга Сербии оставалось пока «политикой».

¹ *Божинов В.* Земното кълбо не престава да се върти. С. 197.

² Там же. С. 203, 204.

³ *Jovanović V.* Jugoslovenska država I Južna Srbija. S. 158.

⁴ Цар Борис III в британската дипломатическа кореспонденция (1919–1941). Т. 2. (1934–1941). София, 2007. С. 169.

⁵ Там же. С. 282.

В Вардарской Македонии «македонский народ» был исключен из общественно-политической жизни, он не имел права организовывать свои политические партии, не имел права участвовать в органах власти в администрации. «Если хотел занять место незначительного чиновника, то должен был открыто и аргументированно заявить себя сербом, защитником существующей власти»¹.

То есть «македонец» — это иллюзия, химера, продукт враждебной пропаганды.

Но в истории известно, что все же в Народной Скупщине были македонцы от Вардарской бановины. Разумеется, они должны были называть себя сербами. В результате выборов в 1923 г. из 24 депутатов 17 были сербы, 4 албанца и 3 турка. Из 17 депутатов, заявивших себя сербами, 6 были македонцы². На выборах 1927 г., учитывая вышеназванное, только два депутата из двадцати двух, заявивших себя сербами, были македонцами³.

Если говорить о депутатской работе, то, как признавали сами власти, «многие депутаты ничего не сделали... Многие использовали мандат для личной выгоды, даже для обогащения, а многие полностью неспособны защищать интересы своих избирателей»⁴.

Хотя, следует сказать, что, судя по студии сербской исследовательницы М. Бодрожич, на статью которой я неоднократно ссылаюсь, некоторые депутаты от Вардарской бановины довольно активно выступали в Скупщине, отстаивая интересы своих избирателей, интересы своего региона.

Правда, сама предвыборная борьба была по преимуществу, «грязной», с использованием ряда незаконных действий и средств⁵.

Тем не менее, следует отметить, что в октябре 1933 г. депутат М. Димитриевич выступил в Скупщине за установление братских и дружеских отношений с Болгарией, так как они отвечают интересам осуществления «идеи мира и самого сердечного сотрудничества»

¹ Цветковска Н. Македонското прашање. С. 22

² Цветковска Н. Политичките партии во парламентарните изборни борби во вардарскиот дел на Македонија (1919–1929). Скопје, 2004. С. 151, 152.

³ Там же. С. 240.

⁴ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 51. Народные депутаты.

⁵ Jovanović V. Jugoslovenska država I Južna Srbija. S. 168–172.

ства в духе нашего общего балканского девиза: Балканы балканским народам»¹.

Это мнение, судя по последующим событиям, было далеко не единственным.

Примерно с середины 1930-х гг. начали, как было отмечено ранее, улучшаться и отношения с Софией. В 1937 г. был заключен болгаро-югославский пакт о «вечной дружбе». Его подписание было вызвано известными внешнеполитическими причинами. В частности, Болгария, признавая трудности по осуществлению «национальных идеалов» по всем направлениям, «прорвала кольцо» государств, входивших в Балканский пакт (1934 г.), получив возможность ввоза оружия для перевооружения армии. Тем самым после 1934 г., когда в Софии запретили ВМРО, и пакта 1937 г. двусторонняя ситуация нормализуется. И все же говорить о ликвидации македонского вопроса было преждевременно.

Судя по информации одного из федералистов, военный министр Христо Луков в 1937 г. во время приема делегации «македонствующих» сказал: «Потерпите, парни. Болгария не забудет Македонию, за которую дали огромные жертвы. Сейчас политики Болгарии требуют вести миролюбивую политику с Югославией, потому что Болгарии нужно вооружение. Когда Болгария будет хорошо вооружена, тогда мы знаем, какую политику вести»².

В этой связи весьма интересны впечатления скопльского торговца Ячуловича, посетившего летом 1938 г. Болгарию. В письменном виде она были переданы баном М. Новаковичем главе правительства М. Стоядиновичу.

«По Болгарии кружат намеренно и злобно вброшенные неправды о нашем режиме в Южной Сербии» "Если это так, почему нам запрещен свободный доступ туда, — говорят они, — когда и пакт о дружбе существует". Я им отвечал, что, прежде всего, нужно увериться в том, что этот пакт искренен и нужно перестать со старыми лозунгами македонского комитета. У нас нет потребности пускать людей, которые нам нарушают работу и спокойствие, а

¹ *Бодрожит М.* Прилог о ставу посланника Вардарске бановине. С. 167.

² Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 51. Что сейчас с ВМРО ноябрь 1937 г. Сообщает С.И.

каждому примерному болгарину въезд свободен и много таких ежедневно въезжают.

Народ Южной Сербии — потомок того народа, который потерпел поражение на Косово... Болгарские школы, которые здесь были во время турецкого управления, были плод болгарской пропаганды, а не потому, что народ болгарским себя считал. Поэтому народ сейчас не имеет болгарских школ, так как никому не нужен болгарский язык... На все это отвечали мне: "имеешь право так говорить, мы глотали 20 лет (так в тексте — *В.К.*) с целью создать Болгарию на четыре моря. Да, но ваша пушка уничтожила нас. Наша политика должна быть повернута на Добруджу и Солун. Югославия нам поможет. Болгария, выступая за искреннее и вечное соглашение, ввела строгую цензуру печати и ничего неблагоприятного мы за Югославию не можем написать". Об обновлении македонского комитета не может быть и речи. "Братства", которые раньше имели чисто политический характер, сейчас занимаются культурными и социальными вопросами»¹.

Здесь трудно комментировать эту «лукавствующую смесь» торговца, знающего, что нужно власти. Одно несомненно: и Софии и Белграду нужна была «передышка».

В самой Вардарской бановине сербы достигли многого: они, казалось, контролировали все, вплоть до денежных потоков — в 1939 г. Народный банк в Скопле имел 40 тыс. акций, из которых 35 тыс. принадлежало сербским банкирам².

Не происходило только одного — желанной «сербизации» жителей.

Так, в 1921 г., в одном из донесений говорилось: «Болгар на первый взгляд нет, как будто они исчезли. Вымерли... но это не точно. Они есть, так как в большинстве они простые люди, и когда его спросишь, кто он ... он ответит, мы македонцы. Это можно часто слышать в охридском районе, где и появился коммунизм, так как большинство голосовало за коммунистических депутатов. Под

¹ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 51. Новакович-Стоядиновичу. Из впечатлений о посещении Болгарии скопльского торговца Д. Ячуповича. 3 июня 1938 г.

² *Палешутски К.* Македонският въпрос в буржоазна Югославия. С. 43.

коммунизмом скрываются болгары, которые имеют связи через коммунистов с Софией»¹.

Среди населения продолжали действовать антисербские настроения даже среди чиновников, ставших ради карьеры или по другим причинам «сербами». Одним из свидетельств может служить пение ими на свадьбе своего коллеги из Прилепа (17 июля 1938 г.) таких «революционных болгарских песен», как «Од врх Пирин планине очајан глас се чује Македонија плаче», «Ако искаш правда, ако искаш ред», «Жив е то жив, а там на Балкану», а также песни о геройстве болгар во время войны с сербами, румынами и греками, т. е. второй балканской войны. Были слышны старые речи о том, что в Сербии сейчас нет уже даже овечьих пастухов, все переселилось на новые земли и стали чиновниками. Это ненормальное положение могло быть исправлено только через раздел: «Македонию македонцам, Хорватию хорватам, а не сербам и словенцам... Сербские чиновники хотели бы, чтобы у них была самая высокая плата, потому что они сербы. В этой стране нужно вводить федерацию, только тогда будет достаток у каждого, в противном случае кровь прольется в этой стране»².

Однако такой «кровавый» радикализм был свойственен больше речам, нежели делам.

В одной из бумаг (4 августа 1938 г.) Министерства внутренних дел сохранился реферат о «путешествии» «друга», проехавшего за 13 дней Скопле, Велес, Прилеп, Битоль, Охрид, Ресан, Кавадар и Куманово. В этом любопытном документе утверждалось, что среди молодой интеллигенции популярна идея о создании автономной Македонии в рамках Югославии, идут речи о локальном патриотизме, о сохранении македонского языка, о заботе о македонской культуре, об организации разбросанных македонцев по Югославии. Сам народ, утверждалось в реферате, «далек от этой новой промакедонской акции. Всюду чувствуется свобода, которой никогда раньше в Македонии никогда не было. Никто больше не надеется на Болгарию и комитет»³.

¹ Архив Србије и Црне Горе. Ф, 14. Д. 179. апреля 1921 г. в МВД

² Там же. Ф. 37. Д. 51. По информации коменданта III армейской области, доставленной Стоядиновичу в донесении от 6 августа 1938 г.

³ Там же. Реферат минвнутдел от 4 августа 1938 г. на основе информации нашего друга, проехавшего за 13 дней Скопле, Велес, Прилеп, Битоль, Охрид, Ресан, Кавадар и Куманово.

Там же подчеркивалось, что в «Охриде, некогда Вандее болгарофильской пропаганды, дела совсем переменились. На улицах что мещане говорят только на сербском. Большое количество туристов улучшило их материальное положение и отделило их от каких-то клиентов из Болгарии»¹.

Ситуация, действительно, изменилась. Неизменной оставалась идея о самостоятельной Македонии.

Вновь получала распространение организация, выступавшая за автономную Македонию. В ней утверждали, что народ в Македонии — это не сербы и не болгары, а македонцы. Автономисты активно старались привлечь молодежь, стремились завлечь к себе людей, имеющих хотя бы какое-либо влияние в своей среде. Наиболее широко организация действовала в небольших городках. Ее лидер Спира Китинчев ставил прямую задачу: создание «Македонской партии», прежде всего, с помощью хорватского федералиста В. Мачека².

Однако такая задача была трудно осуществима в условиях, когда «македонцев» еще не было для власти

В тех условиях, когда жители «южной Сербии» не могли иметь своей партии, они надеялись достичь цели при помощи действующих партий.

Судя по документам, македонцы в своем большинстве выступали сторонниками демократической партии, полагая, что через нее могут легче воплотить в жизнь свою желанную цель. В радикальной партии их было меньше уже по той причине, что ее считали «сербской национальной партией по преимуществу». Преследуя свои интересы, «антисербы» шли в оппозицию вместе с хорватским политическим деятелем В. Мачеком³.

По мнению самих властей, при проведении тайных выборов 75% населения голосовало бы за оппозицию, чтобы, повторяю, с

¹ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 51. Реферат минвнутдел от 4 августа 1938 г. на основе информации нашего друга, проехавшего за 13 дней Скопле, Велес, Прилеп, Битоль, Охрид, Ресан, Кавадар и Куманово.

² Там же. Председатель объединения четников в Скопле — Стоядиновичу 8 сентября 1938 г. о своих впечатлениях по поездке по Вардарской бановине.

³ Там же. 14 мая 1938 г. О способе проведения выборов Скопле.

их помощью достичь автономии, а потом потребовать объединения с Болгарией и «расширения границы в этническом смысле», т. е. имея в виду греческую Македонию¹.

При этом подчеркивалось, что македонцы считали белградских сербов «узурпаторами, пришельцами, эксплуататорами, постоянно... неприязнелиски настроены и объединенными силами систематически работают над вытеснением... по всем направлениям»².

Одновременно власти Скопле признавали: «Время стагнации в хорватском вопросе, ликвидация болгарского революционного комитета, наши хорошие отношения с Болгарией, и, напоследок, наши отношения с Италией и Австрией (исчезла поддержка хорватского сепаратизма)» — все это привело к открытому, без конспирации призыву: «Македония для македонцев», или сербскими словами: «Южная Сербия — южносербиянцам». Для достижения этой цели македонцы призывались активно участвовать в выборах в Скупщину с целью получения, неважно через какую партию — проправительственную радикальную или оппозиционную демократическую, как можно большего количества депутатских мандатов, чтобы в парламенте бороться за осуществление лозунга — «Македония для македонцев»³.

В такой ситуации, для властей было главным «не давать им пройти в большом количестве в парламент», по их мнению, «необходимо еще какое-то десятилетие для консолидирования ситуации в национальном смысле, нужно больше и лучше и планомерно помогать нашим (сербам местным уроженцам и т. н. пришельцам) в этих краях... видеть их как можно больше в числе представителей Южной Сербии в парламенте»⁴.

Добавлю, что для властей «македонец (и серб и экзархист) позитивен, реальный и грубый материалист ... их больше всего удов-

¹ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 51. Реферат минвнутдел от 4 августа 1938 г. на основе информации нашего друга, проехавшего за 13 дней Скопле, Велес, Прилеп, Битоль, Охрид, Ресан, Кавадар и Куманово.

² Там же.

³ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 51. 14 мая 1938 г. О способе проведения выборов Скопле.

⁴ Там же.

летворит народное благосостояние, экономическое процветание, при все большем равноправии.

Мила им автономия Македонии, но им милее, чтобы через умную табачную, афионскую и вообще хозяйственную политику они добьются денег, благосостояния. Кто на том поле даст больше, то они будут с ним»¹.

Весьма грубо, но вся сложность, помимо национального вопроса, заключалась в том, что, по мнению провинциальных властей, ни политики, ни государственные деятели не имели достаточного представления о ситуации на «Юге». Отсюда и проистекали «фатальные ошибки в сфере проведения экономической и национальной, государственной и партийной политики»².

В то же время ситуацию, связанную с македонскими делами, можно было разрешить лишь на международном уровне, точнее, с очередным переделом Балкан в результате надвигавшейся мировой войны.

Болгария могла бы «забыть» Македонию «на пятьдесят лет вперед», но при условии присоединения к ней давно желанной Южной Добруджи. Именно так утверждал царь Борис в беседе с британским дипломатом Дж. Рендлом в январе 1939 г.³.

Однако все хитросплетения и «обещания» в политике были разрушены второй мировой войной, по результатам которой монархические режимы Болгарии и Югославии были ликвидированы и начато строительство новых государств на иных основах.

Все это и позволило в рамках Федеративной народной республики Югославии создать македонскую государственность. Да, Македония стала республикой, македонцы получили возможность и право управления. Но в рамках большой Югославии она оставалась «провинцией», причем беднейшей. К концу 1970-х гг. «братство и единство» уже изрядно поистрепалось и о «братской» Македонии в Белграде высказывались весьма грубо. Сама Македония запомнилась современному миру землетрясением в 1963 г., политическими спорами с Грецией, отказавшей стране в праве называться Македонией, албанской проблематикой, вплоть до воен-

¹ Архив Србије и Црне Горе. Ф. 37. Д. 51. 14 мая 1938 г. О способе проведения выборов Скопле.

² Там же.

³ Цар Борис III. С. 185.

ного противостояния в 2001 г., и нерегулярными сообщениями о вспышках македонско-албанских столкновений, многочисленными памятниками героям древности, прежде всего, Александру Македонскому.

К настоящему времени, после того как в 1991 г. Македония покинула разваливающуюся СФРЮ, эта славянская страна может служить лишь «почвой» для «выращивания» на ней «македонских европейцев» или очередной оккупационной зоной, в которую уже постепенно и последовательно превращается Македония. Обретя свободу от «тоталитарной» Югославии, Македония теперь должна доказывать свою толерантность к албанцам через, грубо говоря, самоликвидацию и вхождение в европейское пространство, но в нем македонцев уже не будет — одни «европейцы».

И как итог — сам феномен нации все больше приобретает черты архаики (в России в новом паспорте уже отсутствует графа «национальность», скоро исчезнет и «пол»: останется один ИНН), и если она еще существует, то только благодаря еще не до конца «вымытой» истории и «подчищенной» действительности, под личиком которой скрывается великое «ничто».

Р.С. Есть все же большая надежда на историю, которая может или содействовать превращению страны в историко-археологический заповедник, или не дать уничтожить национальное самосознание народа.

Сербия: плюс история минус

Памяти академика Васо Чубриловича

Итак, в 1918 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев было создано. Но Сербия, это национальное государство с многовековой историей, исчезла с политической карты мира. Сербские знамена, под которыми народ неоднократно шел в бой и сражался за свою независимость и свободу, обрели покой в музеях. Тогда причем здесь история Сербии и зачем писать о том, «чего нет»? Да, Сербия — как государство ушла в историю, но сама идея воссоздания великой Сербии под новым названием Королевство сербов, хорватов и словенцев продолжала не только жить в умах, планах, проектах сербских политиков, но и начала претворяться в жизнь. Уже сама внутренняя ситуация в Королевстве по многим параметрам свидетельствовала о сложности поставленной задачи. В многонациональном государстве проживало 4704876 (39%) сербов, 2889102 (23, 9%) хорватов, 1023588 (8, 5%) словенцев, 759656 (6, 3%) мусульман, 630000 (3, 3%) македонцев, 512207 (4, 3%) немцев, 472079 (3, 9%) венгров, 483871 (4%) албанцев, 183563 (1, 6%) румын, 143453 (1, 2%) турок, 11630 (0,1%) итальянцев, 198857 (1, 6%) славянские меньшинства, 42756 (0,3%) представители других национальностей¹.

Общая численность населения на 1921 г. составляла чуть больше 12 млн человек. Основные конфессии — православие (сербы), католицизм (хорваты и словенцы), ислам (большая часть населения в Боснии и Герцеговине, Косово и Метохии, Македонии). Различия в культуре и исторической жизни народов лишь подчеркивали сложность государственного бытия нового Королевства, слепленного на послевоенном пепелище. Последняя фраза не обмолвка. Она в основном относится к Сербии, которая за годы Первой мировой войны «потеряла» около 400000 солдат. Сотни тысяч умерли от голода и болезней. Более 50% промышленного оборудования было вывезено из строя. Практически четверть населения Сербии (свыше 1000000 человек) погибла в войнах 1912—1918 гг.²

¹ *Petranović B. Istorija Jugoslaviji 1918—1988. Prva knjiga. Beograd. 1988. S. 32.*

² *Ibid. S. 56.*

Появление Королевства СХС означало объединение в одном государстве почти всех сербов. Исключения составляли лишь небольшие колонии сербов в Венгрии и Румынии.

С одной стороны, фактически была решена задача, которую поставил еще в XIX в. видный сербский политик И. Гарашанин.

С другой — сербство растворялось в «море» других национальностей и народов, вошедших в новое государственно-политическое объединение. Если же говорить о сербской идее в ее югославском обличье, о ее проводниках-сербах, стоявших у руля королевства, надо, прежде всего, подчеркнуть ту мысль, что само объединение югославских земель вокруг Сербии следует рассматривать как сложный и противоречивый процесс. Путь был определен, но он проходил, образно говоря, в таком дремучем лесу, что благополучный исход был под вопросом.

Принцип самоопределения наций, благополучно перебравшийся из XIX века в XX столетие, имел определенные шансы стать для нового королевства тем детонатором, с помощью которого можно было взорвать в нем порядок и расчленить страну, скроенную на скорую руку.

В сущности, Версаль здесь не хотел просчитывать вперед, а, может быть, и просто знал будущее.

Если не ошибаюсь, у Бертольда Брехта есть такие слова: «Плодоносить еще способно чрево, которое вынашивало гада».

И разве не Версаль «родил» Гитлера, был одной из его «мамок»?

У сербства был уже традиционный набор врагов, бывало, становившихся интеллигентами, но не интеллигентными людьми. Нож, веревка, бомба, револьвер — обычный набор национального революционера. У диссидента — перо, бумага, готовность к жертве, в основном, к чужой. Понятие блага у всех них подменялось категорией свободы, таким феноменом солипсизма.

Только два примера.

Албанцы. Это племя, насчитывавшее около полумиллиона людей, жившее по обычаям родового строя, населяло «обширные» пространства Косово, Метохии и Македонии. Идея Великой Албании, включавшей сербские и македонские территории, была той силой, которая двигала албанцев на восстания и теракты против сербов. В свою очередь, православные не забывали албанцам плату в 150 тыс. жизней за возвращение на исторические земли в годы

балканских войн и имели все основания не считать шиптаров даже национальным меньшинством. Их как бы просто не существовало: были албанцы — чистильщики улиц, старьевщики, барахольщики и пр. Не было, грубо говоря, албанской нации. Даже в многочисленных книгах по истории югославского государства чрезвычайно редко можно встретить хотя бы какое-либо упоминание об албанцах.

Ситуация была чрезвычайно тяжелой и запутанной: великоалбанские настроения можно было нейтрализовать только предоставлением определенных льгот и вкладыванием средств в просвещение. Разумеется, власти предпринимали определенные меры: открывались школы, библиотеки, читальни. Однако гораздо успешнее шла работа мусульманских учебных заведений, учителя которых не владели свободно сербским языком, а их воспитательная работа могла быть означена как антисербская¹.

В сущности, те же медресе служили рассадниками албанского национализма, но отнюдь не югославизма в его сербском обличье. В последующие годы войны это обнаружилось с достаточной ясностью.

Безусловно, Белград в своих целях использовал мировой опыт, в частности, переселенческую политику. Для того чтобы «разбавить» концентрацию албанского населения тысячи сербских крестьян были переселены в Вардарскую Македонию и Космет, где получили землю, небольшую финансовую помощь, и другие льготы. Однако желаемого результата получить не удалось уже по той причине, что, повторяю, власти не были в состоянии проводить сколько-нибудь долгосрочную программу по поддержке колонистов, вынужденных хозяйствовать дедовскими методами. В сущности, переселенческая политика и практика послужили дополнительными импульсами к усложнению ситуации. Албанское население так и осталось «закрытым» обществом, живущим достаточно долгое время на сербской земле, чтобы считать ее своей и смотреть на власть сербов как оккупационную.

В сложившейся ситуации очень легко во всем обвинить Белград, который, действительно, не смог за два десятка лет расчистить исторические завалы. Но, оставляя в стороне иронию, следу-

¹ Димић Л. Културна политика у Краљевини Југославији 1918–1941. Трећи део. С. 130.

ет подчеркнуть, что мира и не могло быть между сербами, считавшими себя цивилизованным народом, и «дикарями-шиптарами».

Национализм победителей мог de jure подчинить иные народы, но не мог нейтрализовать зачастую только тлеющий их национализм. Как известно, под пеплом угли гораздо дольше сохраняют свой жар: именно таким был и албанский сепаратизм с его Косовским комитетом.

Македонцы. В новом королевстве македонская проблема была «решена» вхождением части «сербских исторических земель» в сербские руки. Крепость решения обеспечивали четыре дивизии и два десятка тысяч комитаджей из «цивильного» населения, получавших жандармское жалованье. К этому надо добавить и такую структуру, действующую в этом регионе, как Сербскую националистическую организацию. Можно вспомнить и Организацию югославских националистов, которая в своей работе здесь также volens-polens содействовала упрочению позиций Белграда, его силы. Добавлю, что в законодательстве Королевства имелся пункт, по которому лица, служившие в болгарской армии во время последней войны, могли быть осуждены на пятнадцатилетнее тюремное заключение¹.

Если учесть, что множество македонцев было в свое время одето в болгарские шинели, то следует признать одно — сербы были талантливыми учениками Николо Макиавелли. Они были готовы защищать свои новые\старые земли в борьбе с известным Коминтерном, делавшим ставку на раздувание революционного пожара на Балканах и, соответственно, на создание Балканской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Достаточно успешно сербский Белград боролся со своим старым соперником за Македонию — ВМРО. В сущности, в этом противоборстве Белград имел гораздо больше преимуществ, нежели разъединенные и враждующие между собой македонские националисты, зачастую больше занятые своими междоусобицами, чем вопросами объединения.

Схватка сербства с национализмом населявших страну народов была характерна для всего межвоенного периода существования королевской Югославии. При этом следует подчеркнуть, что идеологи сербства видели задачу создания единого цивилизован-

¹ Македонский вопрос в документах Коминтерна. С. 325, 327.

ного пространства различных традиций и культур только через сильную государственную власть. Курс на Европу с «отрицанием» каких-либо сепаратистских устремлений, вызванных этноконфессиональными различиями, политическими играми и культурной принадлежностью к тому или иному миру, был провозглашен.

Однако стратегия Белграда по реализации идеи «югославянства» при этом не исключала контроль над ней. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что эта идея, получавшая распространение в сербской молодежной среде и не принимаемая хорватами, все же была скрытой, во многом еще неясной формой сербизма наоборот, цель которого заключалась в создании нового человека — югослава.

Однако процесс растворения сербов в югославянстве требовал определенных условий, прежде всего консенсуса всех народов. А этого не было и не могло быть по причинам исторического характера.

Добавлю, что сам термин «югославянство» многими трактовался в духе великосербской идеи¹. При этом не следует забывать, что феномен национализма/национального движения, включающий в себя культурную, политическую и экономическую компоненты, тесно связан с вводимым мной принципом фоллоумизма (от англ. follow me — следуй за мной. Применяется в текстах относительно стран, не обладающих самостоятельной внешней политикой и следующих в своем политическом курсе в кильтеваторе государства-«опекунов». — *В.К.*).

В случае с королевской Югославией это означало одно — сербский югославизм. «Все люди равны, но некоторые — равнее». Этот тезис из «Фермы животных» (Другое название — «Скотский хутор») Джорджа Орвелла достаточно ярко отражал внутреннюю ситуацию в небольшой мультиэтноконфессиональной стране.

Сама конституция 1921 г., определявшая государство как конституционную, парламентскую и наследственную монархию, была круто замешана на централизме с перевесом исполнительной власти над законодательной, короны над народом. Так, декларации о демократизме не помешали поставить вне закона коммунистов. Правительства страны, в основном, составлялись

¹ *Димић Л.* Културна политика у Краљевини Југославији 1918–1941. Први део. С. 323.

не в Народной скупщине, а во дворце Александра. Например, хорватскую оппозицию он пугал «ампутацией» Хорватии, связями сербов со словенскими и мусульманскими верхами, хорватскими диссидентами, усилением полицейского режима. Будучи главой армии, он опирался на тайную организацию «Белая рука», возглавляемую командиром королевской гвардии генералом П. Живковичем¹.

В сущности, министры были лишь исполнителями и проводниками королевской воли и политики. При этом отмечу, что посты премьер-министра, главы скупщины, министра иностранных дел почти всегда находились в руках сербов. Разумеется, это не означает, что они должны были вести просербскую политику, но сам факт концентрации власти в сербских руках налицо. Совершенно по иному складывалась ситуация в экономике, для которой была характерна картина неравномерного развития.

Например, если в 1919 г. в Сербии насчитывалось около 70 промышленных предприятий, то в Хорватии и Словении их было чуть менее тысячи².

На сербских равнинах главенствующую роль в экономике играло сельское хозяйство с его различными формами кооперации — от кредитных до потребительских. Сербская промышленность в основном была сосредоточена в прежних ее центрах таких как Белград и Крагуевац.

Так, к 1928 г. в Белграде насчитывалось 676 предприятий, он уступал лишь Загребу с его 762 фабриками³.

В структуре промышленности доминировало производство пищевой продукции, как наиболее легко окупаемой и не требующей больших вложений.

Сербия оставалась страной мелкого крестьянского хозяйства с небольшим сравнительно числом предприятий пищевой, текстильной и горнодобывающей промышленности, что характерно для слаборазвитых стран.

Совершенно иная ситуация была в Словении, Хорватии, Воеводине, чье культурное, экономическое и политическое развитие

¹ *Petranović B., Zecević M. Agonija dve Jugoslavije. Šabac, 1991. S. 66, 68*

² *Ibid. S. 60.*

³ *Ibid. S. 68.*

было тесно связано с Западом, его технологиями «облагораживания» балканской жизни.

И если сербская буржуазия в своей деятельности опиралась на политическую доминацию сербства и на свое влияние в госаппарате, то хорватская, например, на финансовый капитал и Церковь.

Деловой мир в Сербии нуждался в специалистах по различным отраслям хозяйствования и был вынужден приглашать их из других стран. Накопление капиталов шло медленно, и только финансовая помощь от «своего» государства помогала удержаться на пути действительного пути развития экономики, не скатываясь в «болото» простого воспроизводства.

И последнее: национальный дух, национализм не был личной собственностью сербов: он являл себя и в хорвате, и в македонце, и в боснийце и т. д.

И если то же сербство, державшее в своих руках ключевые позиции в армии и дипломатии, выступало под флагом централизации власти и господства Белграда в целях упрочения своей власти, то наиболее организованные и сильные в экономическом и политическом отношении хорваты, естественно, стремились к достижению большей самостоятельности.

Затрагивая сферу сербского хозяйства, следует добавить, что после 1918 г. в Сербию мощно идет иностранный капитал, наиболее активно вкладываемый в горнодобывающую промышленность. Медные рудники в Боре — французский, цинковые и оловянные рудники в Трепче — английский, угольные шахты вблизи г. Алексинца — бельгийский. Сахарные заводы контролировал чешский капитал. Серьезные позиции иностранный капитал занимал и в текстильной промышленности.

Именно он, а не сербский капитал, первенствовал в организации производства¹.

Но было бы ошибочным говорить о некоем бездействии властных структур в этой области. Сербские дельцы получают доступ к государственному кредитованию и к госзакупкам. Все эти и другие подобные льготы содействовали расширению сербской деловой активности.

¹ Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1982. С. 409.

Однако такая, во многом протекционистская, политика вызвала раздражение и недовольство общественного мнения в той же Хорватии.

Здесь нет нужды упоминать о каком-либо широком проникновении сербского капитала в экономику других югославянских земель уже по той причине, что буржуазия была разделена в национально-политическом, конфессионально-цивилизационном отношении, и, как следствие, отсутствовала общая согласованность целей, стремлений, интересов. Наблюдались лишь определенные тенденции сближения в сфере крупного капитала. Средний и мелкий — оставались в национальных границах.

«Домашний» капитал в аграрной Сербии не мог активно развиваться и по причине кризисов, время от времени потрясавших мировое сельское хозяйство, соответственно и сербское село. К этому надо добавить и традиционную диспропорцию сельского и городского населения. Перенаселенность аграрного сектора отрицательно сказывалась на эффективности крестьянского хозяйства. Хотя для постороннего человека Сербия могла показаться неким раем для бедного крестьянина, но для многих из тех, кто трудился на ее земле, жизнь выглядела совсем иначе — без перспектив и будущего, которые можно искать только за пределами Балкан.

Обычно молодежь, выросшая в семье, где небольшой надел не мог прокормить всех, уходила в города. Там она могла найти и заработок и обрести ту личную свободу, более того, анонимность, которой она была лишена в деревне с ее традиционной моралью, укладом и стилем жизни. Но даже эти процессы шли медленно. Сербия продолжала оставаться крестьянской.

Страшным ударом для экономики Сербии явился кризис 1929—1933 гг.

И здесь огромную помощь пострадавшим в Сербии оказали центральные власти в Белграде, т. е. государство, центральный аппарат которого в немалой степени был представлен сербами и «разбавлен» русскими.

Стоит заметить, что только в Военном министерстве трудилось примерно 700 русских специалистов. Большое их количество было привлечено к работе в Министерстве связи. Русские привлекались даже в аппарат Министерства иностранных дел.

В политической сфере неординарность ситуации состояла и в том, что в Сербии сформировались два консервативных политиче-

ских центра: один около короля Александра, другой — вокруг лидера радикалов Н. Пашича.

Безусловно, оба они отстаивали централизм в управлении государством, в котором, грубо говоря, сербы доминировали над остальными народами.

Их разнил ответ на вопрос: кто будет хозяином в стране?

Для Пашича хозяином в Югославии должна выступать конституционная и парламентская монархия, обладающая мощным полицейским и бюрократическим аппаратом управления, позволяющим держать под контролем Белграда внутреннюю ситуацию, в новых землях особенно. При этом тезис тех же радикалов о том, что сербы, хорваты и словенцы — один народ, отходил на задний план.

Король же упорно работал, прежде всего, над утверждением и укреплением монархической, самодержавной власти. Именно власть монарха без какого-либо посредничества могла, по его мнению, гораздо успешнее решать задачи государственного единства, нежели скупщина с партиями и их политиками. Сама фигура монарха должна символизировать народное единство и государственную целостность.

6 января 1929 г. король издал известный манифест, где, в частности, говорилось об административно-территориальном переустройстве страны на бановины, чем нанес сокрушительный удар сторонникам федеративного устройства королевства. Свои действия король оправдывал «высшими народными и государственными интересами и их будущностью».

Больше всего хлопот сербам и их королю доставляла Хорватия с ее настойчивыми требованиями большей независимости.

Нужно было время и большая работа для действительного сближения этих двух славянских народов, имевших разные исторические судьбы, развивавшихся в лоне различных культур и влияний.

Однако жизнь диктовала свои правила. Уже с 1920-го г. сербы стали заменять хорватов на крупных административных постах. В армии карьеру мог сделать, прежде всего, серб. В самой Хорватии полиция и администрация были в сербских руках¹.

Подчинение «диким» сербам было унижительно для «культур-

¹ *Неманов Л.* Сербо-хорватская проблема // Русские записки. № 17. 1939. С. 170.

ных» хорватов. Сербский монархизм претил хорватским республиканским чувствам. Королевство как форма государственного объединения народов после провозглашения Вильсоном права на самоопределение народов выглядело неким атавизмом для тех же хорватских националистов. Да и сама политика сербов, во множестве представленных в госаппарате, давала множество поводов для обвинения центральных властей (читай — сербских) в беззакониях, взяточничестве, даже в телесных наказаниях, что вызывало особое возмущение в культурных Хорватии и Словении.

Вероятно такие же чувства испытали хорваты, когда в 1924 г. Пашич выдвинул идею отделения Хорватии, но без Далмации и Славонии, которые оставались бы за Сербией¹.

(Ситуация фактически повторилась в 90-х гг. XX в. Но и тогда сербы потерпели поражение вследствие предательства «уропатриотов», в том числе из России, равнодушия сербства к судьбе своих соотечественников, живших на пределах Хорватии, Боснии и Герцеговины. Как результат последовали этнические чистки с выселением сербов. Само слово «серб» и производные от него беспощадно преследуются. В частности, они исчезают из географических названий. В Хорватии традиционно могут жить только «православные хорваты», но не сербы, которым жизнь там «заказана». Практически человек вынужден жить по формуле — «Своя рубашка ближе к телу». Понятия «предатель» и «герой» все чаще могут заменять друг друга в зависимости от настроения и планов центра.)

В сущности, вся политическая жизнь Королевства (или «Великой Сербии») была связана так или иначе с национальным вопросом, в частности, с сербохорватскими противоречиями в этой сфере.

Борьба с переменным успехом шла по многим направлениям. Хорваты горько шутили, что они «раньше... были авангардом Европы в Азии, а теперь стали арьергардом Азии в Европе»².

И хорватский национализм не уступал сербскому, пользуясь всеми доступными ему способами для развала сербской гегемонии в форме унитарного Королевства. Для этого использовался целый

¹ Неманов Л.. Сербо-хорватская проблема // Русские записки. С. 174.

² Там же. С. 172.

комплекс приемов, методов, средств начиная от политической борьбы в цивилизованных рамках многопартийного государства и завершая террором. Все, в чем хорваты превосходили сербов, служило наглядным доказательством сербского примитивизма: здесь были и земляные полы в сельских домах и неграмотность массы сербства и пр. Враги сербства усердно создавали стереотипы о дикости сербов, о наглости их политики по объединению своего народа. Босния и Герцеговина объявлялись ими исключительно мусульманским и хорватским доменом, Косово и Метохия — албанским, Воеводина — венгерским, а Славония и Далмация, дескать, исторически принадлежали хорватам.

Но и сами сербы не забывали преступлений, совершенных в ходе недавней войны теми славянами, которые сражались под знаменами Австро-Венгрии. Поэтому сама идея «югославянской нации» не была так уж близка и самим сербским массам, не забывавшим, на чьей стороне воевали хорваты в Великой войне.

В то же время нельзя сказать, что вся политическая элита сербского народа была настроена и действовала с позиций «племенного национализма». В ней были и свои «непримиримые» и свои «соглашатели», действовали «победители» и «побежденные».

В Сербии, например, развернулось так называемое югославянское народное движение во главе с монархистом Димитрием Лютичем. Его идеология была рассчитана не на «партийную» интеллигенцию, а на крестьянство, на «почву», не зараженную инородными «телами и веяниями». Бог — господин вселенной, царь — рачительный хозяин государства, глава семьи — распорядитель дома: вот, по мнению Лютича, — символ народного здоровья. Только та страна счастлива, продолжал он, которой управляет монарх, на такой земле люди действительно свободны и в полной мере обладают всем спектром качеств национального характера. Соответственно, концепция Лютича имела ярко выраженный антикоммунистический характер. Более того, он и его движение «Збор» одну из своих основных задач видели в борьбе с коммунистами — разрушителями традиции, религии, нации, с их пропагандой, рисовавшей, в частности, «картинки с выставки» о жизни в СССР.

И в последовавшем в 1940 г. признании СССР он усматривал страшную опасность для страны, когда «матушка Россия» все больше сливается в глазах его народа с образом «батюшки Сталина».

Признание СССР понято народом, рассуждал Лютич, как признание «Совдепии Россией». Соответственно, все коммунистические заблуждения автоматически становятся истинами, а преступления — достоинствами¹.

В свою очередь коммунисты, стремясь заклеить его в глазах общества, представляли Лютича фашистом, что не является верным. (Современные исследователи феномена фашизма рассматривают его в мировоззренческом плане как идеологию консервативной революции, включающей в себя: национализм, окрашенный в мистические тона, веру в государство или мистический этатизм, идею социального государства, структурирование общества по профессионально-корпоративному признаку, т. е. корпоративизм, ориентацию на традиционные ценности, ксенофобию вплоть до расизма, веру в конструктивные возможности политического насилия, идею расширения «жизненного пространства нации», антипарламентаризм, вождизм, милитаризм.)

Говоря о национально-государственных взглядах Лютича, следует подчеркнуть, что в них сочетались идеи югославянства, всеславяинства, сербского традиционализма, органического консерватизма.

В тех вопросах, которые касались внутренних дел, он любил цитировать блаженного Августина: «В том, что нужно — необходимо единство; в том, что различно — требуется свобода; в остальном — любовь»².

Однако не следует забывать, что он был одним из тех, кто приветствовал решение короля Александра в январе 1929 г., упрочившее унитаризм управления.

Из слов Лютича следовало, что хорваты могут говорить обо всей Югославии как своей стране, но не имеют права выделять Хорватию в отдельное «царство»³.

И не следует забывать, что, в сущности, Лютич и его немногочисленное движение «играли» в национальном вопросе на стороне короля Александра.

В «Збор» наряду с сербами, входили и хорваты и словенцы, и все же в патетических высказываниях его лидера чувствуется лю-

¹ *Ljotić V.D. Odabrana dela. I knjiga. Minhen. 1981. S. 211.*

² *Ibid. S. 3.*

³ *Ibid. S. 144.*

бовь, прежде всего, к Сербии, к Великой Сербии. Именно на сербов он делал ставку в прозреваемом им столкновении с хорватами¹.

Он был государственный, охранитель и монархист. Но прокламируемые им идеи югославянства не могли охватить ни сербов, ни хорватов, ни словенцев уже по той причине, что государство распалось, количество защитников его в тогдашнем оформлении сокращалось, монархическая идея, особенно после смерти короля Александра, угасала. (Сейчас она может держаться «на плаву» только «благодаря» нашим «цивилизаторам», ловко, умно, талантливо эксплуатирующих нашу «страсть» к прошлому.)

Не менее интересна деятельность созданного в 1937 г. Сербского культурного клуба. Основная цель этой институции заключалась в обихаживании сербской культуры в рамках югославянства без какой-либо примеси политики. Он был создан интеллектуалами, представителями политической и экономической элиты. Определенная нейтральность клуба давала возможность участвовать в его работе людям различных политических взглядов и мировоззрений. Подчеркивалась несовместимость деятельности клуба с разжиганием какой-либо этноконфессиональной вражды. Наоборот, одна из задач состояла в том, чтобы между сербскими, хорватскими и словенскими культурными кругами устанавливать связи и развивать сотрудничество по вопросам общего характера. При этом деятельность СКК наиболее активно развертывалась в пограничных областях, где сербство — его национальная и духовная компоненты — было подвержено «чуждым влияниям». Подкомитеты СКК в Вуковаре и др. местах выступали за выделение сербских территорий из Хорватской бановины и включение их в сербскую территориальную область. Одновременно СКК поддерживал и поощрял требования хорватских сербов о предоставлении им всех прав, которые Загреб требовал от Белграда. Особое внимание здесь уделялось далматинским сербам и Дубровнику, критиковался тезис о том, что эти территории имеют исключительно хорватский характер. Подкомитеты в Скопле и Штипе развивали бурную деятельность, пытаясь через историю доказать сербский характер Македонии. В ход шли самые разнообразные средства и приемы, вплоть до того, что «македонский язык» как таковой исчез тысячу лет то-

¹ *Ljotić V.D.* Odabrana dela. 1981. S. 212–217.

му назад. В том же духе СКК действовал и в многонациональной Воеводине, где, по его мнению, также существовала опасность для культуры сербства со стороны мадьяр¹.

(По данным на 1936 г. там было: 30% — наследники св. Савы, венгры — около 27%, дальше следовали немцы, румыны и др.)².

В противовес тем, кто утверждал, что Македония — болгарская земля, Босния и Герцеговина — хорватская и мусульманская, Косово и Метохия — арнаутская, Воеводина — венгерская и т. д. СКК выдвинул лозунг: «Где дышит хотя бы один серб, там и Сербия». Солидарность наследников св. Саввы, прежде всего, означала активную деятельность в просветительской, экономической и социальной сферах во всех краях и слоях сербства. Торжественно заявлялось, что время отчуждения от своей истории, время не помнящих родства бесповоротно ушло³.

Работа самого СКК шла в двух направлениях: чтение лекций по важным национальным и культурным проблемам, а также выдвижение и поддержка всех акций по оживлению частной инициативы в национальной и культурной сферах сербов. Свое влияние СКК стремился распространять через такие родственные организации, как Союз сербских культурных обществ, Союз сербских хозяйственных учреждений, Совет патриотических, военных и рыцарских организаций. Цель СКК — стать национальным, культурным и духовным центром сербского народа не выглядела утопичной или чрезмерно претенциозной: из 70 его членов-основателей 22 были университетскими людьми, шестеро занимали высшие должности в правительстве и его аппарате, восемь находились на ключевых постах в ассоциации промышленников и банкиров и пр. Забота о сербской культуре объединяла в рядах СКК демократов и монархистов, унитаристов и федералистов. В СКК выступали с лекциями известнейшие люди. Достаточно назвать имена Десанки Максимович и Исидоры Секулич. Возглавлял СКК профессор Белградского университета Слободан Йованович. Секретарем был участник сараевского убийства преподаватель того же университета Васо Чубрилович, с которым мне в 1980-х гг. довелось встре-

¹ *Димић Л.* Културна политика у Краљевини Југославији 1918–1941. Први део. С. 506–514.

² Там же. С. 554.

³ Там же. С. 514–515.

таться. В надзорный комитет входили генерал Живко Павлович, ректор университета Драгослав Йованович, председатель Кассационного суда Драголюб Янкович, директор Ипотечного банка Торгового фонда Теодосий Ристич. Отсюда совершенно естественно, что именно интеллигенция должна была играть ведущую роль в сербстве, его пробуждении, возрождении, развитии. От нее требовалось забыть «моральное пьянство» двадцатых годов, «похмелье» тридцатых и перейти, наконец, к энергичной работе для народа, его культуры, включению в народное движение, обозначаемое как «просвещенный патриотизм». СКК считал, что та культура, которая теряет связь с народом, не имеет перспектив. Ангажированной литературе противопоставлялись национальные ценности святосавского духа. При этом подчеркивалось, что социальная литература дегенерировала в марксизм, а коммунизм есть не что иное, как продукт иностранной пропаганды¹.

Не обходил стороной СКК и идею интегрального югославянства. По мнению его членов, она была ошибочна в корне, так как объединяла в один народ сербов и хорватов. По мнению Слободана Йовановича, понятие югославянство требовалось трактовать и отстаивать как государственную идею, но не национальную².

При этом главного врага СКК видел не в хорватах, интегральном югославянстве, коммунизме, диктатуре, иностранной пропаганде, а, прежде всего, в слабости сербства, выраженной в отсутствии единства, размежевании интересов³.

С течением времени на фоне убыстряющихся европейских событий и нерешенности внутренних национальных проблем деятельность СКК вместо прокламированной толерантности все больше приобретала черты чисто сербского традиционализма в его наиболее жесткой форме: конструктивные размышления на тему сербской культуры в рамках югославянства, трезвость оценок деятельности сербских политиков постепенно уступали место политическим декларациям, где не было югославянства.

¹ Димић Л. Културна политика у Краљевини Југославији 1918–1941. Први део. С. 515–524.

² Там же. С. 535.

³ Там же. С. 539.

В свое время инициатор СКК сказал знаменательную фразу: «Жизнь многолика, а идеал одноцветен. Если жизнь не подчинится простым принципам идеала, это для нее это будет бесцельная трата сил. Если же идеал захочет уничтожить многоликость жизни, то он превратится в мертвую, пустую форму». Именно это и произошло с СКК, который многоцветье жизни свел к политике¹.

Однако это была не столько вина СКК, сколько знак продолжавшейся революции с ее зарницами национализма.

Если в СССР все были советскими людьми, то в государстве, переименованном в 1929 г. в королевство Югославия — югославами. Сами исторические имена земель получали новые названия. Например, Хорватия превратилась в бановину Савскую, где устанавливался жесткий полицейский режим. Такая стратегия только усиливало стремление «разделаться» с Александром крайних хорватских националистов, так называемых усташей. (Возникновение их организации не случайно относится к январю 1929 г. Сторонники фашизма Муссолини и Гитлера выступали за вооруженную борьбу по освобождению Хорватии. Они были в поле зрения некоторых разведслужб, в том числе венгерской, и имели ряд своих баз в странах Европы, прежде всего в Италии.) Он счастливо избежал двух покушений в Загребе, но в 1934 г., когда он находился с официальным визитом во Франции, балканским террористам удалось осуществить свой план и скрыться на территории других стран.

Сербы хоронили своего короля с посмертным титулом «Король-Витязь Александр I Объединитель». Сербский Патриарх Варнава служил заупокойную литургию. От возглавителя Русского императорского дома на похоронах присутствовал глава младороссов А.Л. Казем-Бек, возложивший огромный венок «Александр — Кирилл». Были высокопоставленные представители и других стран, в частности, генерал Геринг, самолеты которого спустя несколько лет будут бомбить королевский Белград.

На сороковой день смерти Александра, 17 ноября, был издан специальный газетный выпуск «Россия», где поместили свои статьи И. Шмелев, Д. Мережковский, З. Гиппиус, И. Бунин, А. Деникин, И. Голенищев-Кутузов, В. Немирович-Данченко, А. Ксюнин, М. Алданов, И. Лукаш, П. Струве, С. Горный, И. Северянин,

¹ Димић Л. Културна политика у Краљевини Југославији. Први део. С. 560–561.

К. Бальмонт, А. Куприн. «Это был венок, сплетенный... и возложенный на могилу короля от имени благодарной русской эмиграции, которой во всех ее начинаниях помогал король». Можно вспомнить, что под его покровительством в сентябре 1928 г. именно в Белграде состоялся первый съезд зарубежных русских писателей, которых он принимал не как «гонимых и заброшенных эмигрантов, а как сыновей Великой России»¹.

Непосредственно после трагедии в Марселе проф. А.В. Карташев подчеркнул, что Король Александр был «великий серб с русской душой»².

По причине малолетства короля Петра II было назначено регентство, порученное принцу Павлу (1934–1941), на плечи которого и легла основная тяжесть по управлению государством, целостность которого находилась под вопросом, поставленным Загребом.

«Великая Сербия» не хотела слышать о каком-либо переустройстве королевства на федеративных началах. Ученик Пашича Милан Стоядинович, возглавлявший некоторое время кабинет министров (1935–1938), в ответ на требование хорватской стороны ответил дипломатично, но жестко: предлагаемые изменения связаны с пересмотром конституции, внесение «поправок» в которую возможно лишь после совершеннолетия короля Петра II. На «выстрел» Стоядиновича хорватский крестьянский лидер Мачек достаточно ясно и грозно произнес, что хорваты ждали семнадцать лет и могут потерпеть еще какое-то время, но события торопят, и помощь хорватов сербам может понадобиться раньше наступления королевского совершеннолетия. «И не будет ли поздно вести с ними переговоры», когда Петр II достигнет требуемого возраста?»³.

История подтвердила правоту хорватского политика, но она оправдала и тактику Стоядиновича, не пожелавшего пойти наговор с Мачеком, предлагавшим мир на условиях устроения федеративного государства и предоставления Хорватии в ее исторических границах, включавших Славонию и Далмацию, политической

¹ *Маевский В.* Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. Т. 2. Нью-Йорк. 1966. С.202.

² Там же. С.200.

³ *Неманов Л.* Сербо-хорватская проблема. С. 178.

автономии — соответственно, все это требовало пересмотра конституции.

Для сербства хорватский мир означал очередную ступень, ведущую их родину в Белградский пашалык (здесь для уяснения можно сопоставить Россию с Московским княжеством).

Такая перспектива была неприемлема для Белграда. Сербохорватский спор на фоне Мюнхена не мог не вызывать тревогу у политиков в Югославии, срочно нуждавшейся хотя бы в замазывании проблемы.

В определенной степени сербам помог аншлюс Австрии в 1938 г. уже по той причине, что «некоторые загребские элементы, работавшие против Белграда и рассчитывавшие на возвращение Габсбургов на австрийский престол, ныне должны вычеркнуть эту преступную возможность из своих счетов»¹.

Несмотря на оживление торговых и экономических отношений с Германией, Белград (королевское регентство и правительство Стоядиновича) был верен союзу с Парижем, избегая всего того, что могло бы обострить отношения с Берлином.

То же правительство Стоядиновича, «следуя традиции» всячески затягивало вопрос признания Советской России. Однако еще в далеком 1923 г. в газете «Време» (15 ноября. № 685) появилась любопытная статья под заголовком «Политика воспоминаний или жизни». В частности, в ней были такие строки: «Все мы чувствуем, что без России, какая бы она ни была, мы не можем начать осуществление великих славянских идеалов, которые она несет своим собственным существованием. Своей душой, которую не может омрачить, ни придушить никакое изменение режима ни даже тот, который ныне властвует на престоле царей, мы, наконец, и не имеем права вмешаться во внутренние дела России... Если мы попадаем в положение выбора между политикой воспоминаний и политикой действительности, то мы думаем, что даже тени наших воспоминаний, если они нас любили, не осудят, если мы пойдем за реальностями, ибо она жизнь, а мы хотим жить... Поэтому обязанность нашего правительства... допустить хотя бы торгового представителя существующей России, которого Чехословакия и все

¹ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934—1940 годов. Сборник документов в двух книгах. Кн. вторая 1938—1940. М., 1998. С. 81.

другие страны уже давно имеют. Нельзя от нас требовать, чтобы мы... за любовь воспоминаний, пренебрегая собой, шли к преступлению против своих народных интересов».

Вопрос о признании СССР в явной или скрытой форме всегда присутствовал в политико-общественной жизни и настроениях страны, особенно Сербии. Например, в 1933 г. после подписания странами Малой Антанты, куда входила Югославия, Лондонского пакта с Советской Россией о ненападении, эта тема была поднята в парламенте. 22 марта М. Стоядинович, выступая в сенате, говорил: «Сегодня слышал, что некоторые гг. сенаторы требуют, желают и думают, что необходимо признание нашим государством СССР, ставя его в ряды государств, желающих мира в Европе... Существует два мира: один внешний на границе, другой внутренний, социальный мир всякого государства. Я не хочу отрицать, что Советы ведут миролюбивую политику, благодаря которой избегают открытой войны на своих границах; я не отрицаю и того, что Советы весьма заинтересованы в сохранении мира внутри своего государства, поддерживая его драконовскими мерами и весьма драконовскими средствами. Но, господа, нам здесь в Югославии нужна еще одна гарантия, которую до сих пор от советского правительства мы не получили: это — гарантия невмешательства Советов в наши внутренние дела... Пока Советы не прекратят коммунистической агитации у нас в Югославии, до тех пор не может быть и речи о признании советского правительства»¹.

Однако, как писал в 1934 г. русский дипломат В. Н Штрэндман, широкие слои населения Югославии под влиянием большевистской пропаганды «не делают разницы между добродетельной матушкой Россией и поработившей ее большевистской антирусской властью», что министр иностранных дел «неоднократно был принужден давать объяснения депутатам и сенаторам касательно существенной разницы между советской властью и русским народом»².

В 1938 г. упомянутый дипломат подчеркивал, что в Югославии «велась пропаганда со стороны группировок, в то время убеждавших Москву заключить с ними различного рода политические и военные договора... Успех пропаганды настолько велик, что состоя-

¹ Цит. по: *Маевский В.* Русские в Югославии. С. 221–222.

² Чему свидетели мы были. Кн. первая 1934–1937. М., 1998. С. 58.

тельные люди открыто говорят о целесообразности поступления в коммунистическую тайную партию, чтобы при приходе большевиков в Югославию они их не тронули. Прихода большевиков ожидают как какого-то избавления. Мне известны народные собрания в провинции, где народ прямо высказывался за необходимость их приглашения»¹.

Понимая всю опасность коммунистической пропаганды, тесно связанной с Россией, с ее строительством «новых небес», Стоядинович был последовательным противником установления каких-либо сношений с большевиками. «Но вместе с тем, — как подчеркивал Вл. Маевский, — он отказывался вступить в идеологический фронт борьбы против большевизма: реальный политик понимал, что за этим фронтом стоит угроза России, как таковой, и принимать участие в борьбе против Советской России — это значит вести борьбу, в которой сербский народ ничего не поймет и на которую не пойдет»².

Обычно, говоря о М. Стоядиновиче, историки подчеркивают его германофильство. Но не следует забывать его усилия по укреплению югославянской идеи в сербском оформлении. Так, в результате его деятельности была образована югославянское радикальное объединение, в которое вошли словенцы во главе с А. Корошцем и боснийские мусульмане, руководимые М. Спачо.

В стороне оставались лишь хорваты, которые не желали «идти в ногу» с Белградом.

В свою очередь «Збор» выступал непримиримым врагом уступок Загребу.

Эту ситуацию в своих пропагандистских целях поспешили использовать коммунисты, выступив сторонниками переустройства государства на федеративных началах. Их тактика может быть объяснена лишь только через «постепеновщину»: надо сначала «слопать» монархию, чтобы потом через демократизацию придти к «социализации».

Заключение югославо-итальянского соглашения (25 марта 1937) позволило сербам в обмен на «лояльность» в абиссинском вопросе на время забыть об итальянских притязаниях на побере-

¹ Чему свидетели мы были. Кн. вторая 1938–1940. С. 264–265.

² *Маевский В.* Русские в Югославии. С. 208.

жье Адриатики. Однако дипломатическая и экономическая активность Белграда с Римом и Берлином не означала еще готовности переметнуться от Франции и Англии к Италии и Германии.

14 марта 1938 г. Гитлер въехал в Вену. Соответственно, после аншлюса Германия стала для Югославии пограничным государством.

29 апреля 1938 г. Англия и Франция заключили оборонительный союз, но Германия знала свою силу — 29 сентября был Мюнхен и конец Чехословакии.

Европа спешно заключала союзы, соглашения, договора.

В гонку договоров, зондажей и консультаций включился и наместник князь Павел. 31 мая 1939 г. он, по настоянию М. Стоядиновича, вместе с женой княгиней Ольгой выехал в Берлин с визитом, во время которого намеревался прозондировать будущее югославо-германских отношений. Результаты посещения должны были снять опасения, что Югославия подвергнется разделу: Адольф Гитлер заявил о незыблемости германо-югославской границы, т. е. о «вечном» мире. В качестве своего особого расположения вождь Германии приказал вернуть Сербии две пушки, принадлежавшие Александру Карагеоргиевичу, переданные в Венский военный музей при его переходе в Австрию.¹

Этот «сувенир-передарок» все же мог расцениваться и по иному: Белград в определенных обстоятельствах имел реальные шансы стать очередным Мюнхеном.

Возможно, это понимали в сербской столице и, в конечном итоге, решились пойти на «худой мир» с Загребом, нежели ожидать худшего.

Говоря о последних событиях в истории сербо-хорватского противостояния, В.Н. Шtrandман писал в декабре 1939 г.: «Как известно, недавно в Королевстве проведена, хотя еще не вполне закончена, реформа по самоуправлению Хорватской бановины. (В августе 1939 г. между премьером Югославии Цветковичем и представителем Хорватии Мачеком с согласия принца-регента Павла было достигнуто давно желанное хорватами соглашение о восстановлении парламента и создании новой бановины/региона Хорватии с определенными правами на самоуправление. Эта уступка, сделанная в преддверии войны, по сути дела, может быть

¹ *Маевский В.* Русские в Югославии. С.217.

охарактеризована как один из ее предварительных результатов. — В.К.) Естественно, эта широко задуманная реформа явилась подходящим моментом, тем более, при нынешнем вооруженном состоянии Европы, для большевистской агитации, которая, с одной стороны, подстрекала хорватов к постоянно новым требованиям больших свобод, с другой — науськивала сербскую часть населения Югославии на тех же хорватов и против правительства, которое якобы разрушает дело единства королевства и т. д.»¹.

Соглашение не удовлетворяло ни «крайних» хорватов, ни тех сербов, которые не были сторонниками автономизации Хорватии. В частности, члены СКК с их кредо «сильное сербство в сильной Югославии» негодовали по поводу границ новой бановины, в которой оказалось около миллиона сербов.

Хорваты же, получившие больше земель, чем когда-то имели, подчеркивали, что соглашением реализована лишь часть их народной программы.

Сербы были уязвлены и бесцеремонностью в отношении к сербам во время чисток новыми властями чиновничества. Лидеров СКК возмущала таинственность, окружавшая процесс соглашения, отсутствие настоящих сербских представителей, вместо которых заседали политические «бухгалтера» и простаки. Сербский культурный клуб подчеркивал, что он никогда не согласится оставить районы с сербским большинством в бановине Хорватской. Требуя ревизии договора, они настаивали на том, чтобы сербам дали право свободного волеизъявления по вопросу о том, хотят ли они, чтобы их районы остались в хорватских границах или выступают за присоединение к сербским территориальным единицам².

Для реализации ревизии нужно было чувство понимания, которого не было.

В Мачек 14 октября 1939 г. на торжественном обеде у патриарха Гаврилы Дожича подчеркивал, что хорваты вели борьбу ни против сербов, ни против славянства, а только за признание своей национальной индивидуальности, и сейчас, после достижения своей цели, они могут с величайшей готовностью вступить в славянство

¹ Чему свидетели мы были. Кн. вторая. С.264.

² *Димић Л.* Културна политика у Краљевини Југославији. Први део. С. 526–529.

и югославянство. Однако практика показывала другое: на местах творилась неправда, вопли недовольства доносились до Белграда¹.

Оставалась надежда лишь на всемирного лекаря — время.

Но его не было. Национализм набирал силу в королевстве.

Если говорить о Сербской Православной Церкви (СПЦ) в этой ситуации, то ее положение было довольно тяжелым. Особенно тяжело было с «мыслящим тростником», то есть с интеллигенцией, которую охватывал дух безверия, шатания, разброда.

С одной стороны, раздавались требования о необходимости воспитания православной интеллигенции, своеобразной элиты, которая могла бы силой своего влияния на массы формировать общественное православное мнение.

С другой — указывалось на целесообразность борьбы самой Церкви со своими идейными врагами, которые нападают на нее со всех сторон, в то время как она молчит².

Конечно, определенные шаги предпринимались в сфере просвещения через деятельность по выпуску духовной литературы, издание православных журналов, например, «Светосавье», подготовку священнослужителей.

В сущности, какого-либо «средостения» между властью и сербством не было и по вопросу конкордата правительства с Ватиканом.

Заглавную роль в развернувшейся с 1935 г. борьбе сыграл Патриарх Варнава и Святой архиерейский собор.

Священноначалие Сербской Православной Церкви в своем представлении к правительству обращало внимание на то обстоятельство, что предлагаемый договор с Ватиканом возводит римокатолическую церковь в положение доминирующей государственной конфессиональной институции, в то время как позициям Сербской Православной Церкви, объединяющей большинство населения страны, автоматически наносится явный ущерб. В сообщении для печати подчеркивалось, что «СПЦ, будучи церковью большинства в Югославии, не может равнодушно смотреть на то, что какой-то другой конфессиональной институции предоставляются права, которыми не обладала СПЦ даже тогда, когда была госу-

¹ *Слијепчевих Ђ.* Историја Српске Православне Цркве. Друга књига. Београд, 1991. С. 569–570.

² Там же. С. 571–572.

дарственной». Следует отметить, что этот документ примечателен и по тому, что в нем архиереи во главе с Патриархом обращаются ко всему православному народу нашего Отечества с призывом: «во время шатаний и разброда в мире, держаться святой веры православной, веры отцов наших и преданно поддерживать свою свято-савскую национальную Церковь».

Неизбежное столкновение между СПЦ и правительством приобрело в глазах сербского народа четко выраженный политический характер.

Правительство Стоядиновича терпело неудачу за неудачей.

Так, член парламентского комитета по Конкордату Марко Ружичич, выступавший на стороне правительства, был лишен священнического сана.

Болезнь и смерть Патриарха Варнавы также «обыгрывалась» противниками Стоядиновича. Слухи о том, что отравление Патриарха было связано с правительством, также ослабляли позиции последнего.

До настоящего времени причины смерти возглавителя СПЦ до сих пор до конца не разьяснены. Существует несколько версий: одна из них имела «правительственную окраску», другая связывалась с двумя русскими эмигрантами, приближенными к Патриарху и внезапно исчезнувшими после кончины своего господина.

Еще до кончины Патриарха своеобразным апогеем в истории столкновения между сторонниками «светосавства» с государством Стоядиновича стала лития во здравие больного главы СПЦ. Несмотря на запрет официальных властей, ее устроители заполонили народом центральную улицу Белграда — «Кнез Михайлову» в час пик. В этой ситуации, власти, считая себя правыми, пошли на применение силы. Против участников молебствия были брошены жандармы. Лития стала «кровавой».

Итог по своим результатам был таков: депутаты в парламенте в июле 1937 г. большинством голосов одобрили договор с Ватиканом.

Но, в свою очередь, Святой архиерейский собор принял решение отлучить от Церкви всех голосовавших за Конкордат министров и народных представителей, исповедывавших православие. Хотя, надо думать, эта жесткая мера вряд ли была проведена в практику. Во всяком случае, известно, что духовник М. Стоядиновича направил письмо в Синод с заявлением, что

ему известны религиозные чувства пасомого, равно как и его приверженность к Сербской Православной Церкви. В конечном итоге мир и Церковь пришли к соглашению на основе равноправия всех конфессий в стране. При этом, по требованию высшей церковной иерархии СПЦ, власти предприняли ряд мер против тех чиновников, действия которых вызвали «кровавую литию»¹

В 1940 г. Югославия признала СССР. Как писал Вл. Маевский, «по вопросу же признания советской власти давление шло с двух противоположных сторон: Германия и Италия, — любезно поддерживая своего нового союзника СССР, — прозрачно намекали, что пора перестать занимать враждебную позицию по отношению Советов; Англия и Франция также влекли Югославию в этом же направлении, будучи уверены, что СССР недолго выдержит характер наблюдателя и, несомненно, выступит против Германии»².

30 апреля 1940 г. в Москву прибыла югославская торговая делегация во главе с бывшим министром Джорджевичем, крупным финансистом, а 16 мая вернулась в Белград, подготовив почву для подписания торгового договора (31 мая). Со стороны СССР его подписал посланник в Болгарии А.И. Лаврентьев.

24 июня ТАСС сообщило об установлении дипотношений между СССР и королевством Югославия. Советским посланником в Югославии был назначен агроном по образованию Виктор Андреевич Плотников. От Белграда в Москву поехал Милан Гаврилович, лидер сербской крестьянской партии.

«Сербская пресса пришла в полный восторг... газеты... стали воспевать сталинский режим, его достижения и привлекательность. Русской же печати было совершенно запрещено критиковать советскую действительность»³.

Однако все эти «песни в адрес СССР» совершенно не гарантировали спокойствия и нерушимости границ королевства в условиях уже начавшейся войны, в которой Германия одерживала только победы. Берлин был гораздо ближе и опаснее, чем «матушка Россия».

¹ *Слијепчевих Ђ*. Историја Српске Православне Цркве. С. 579—594.

² *Маевский В*. Русские в Югославии. С. 221.

³ Там же. С. 231.

В этой ситуации правительство в Белграде решилось пойти на присоединение к Тройственному пакту (25 марта 1941 г.), входя фактически в орбиту Германии.

Однако народ — ни в столице, ни в провинции — не хотел входить в тонкости высокой политики своих правителей и не скрывал своей неприязни, мягко говоря, к пакту с Гитлером, со «швабами», давними неприятелями сербов.

Известно, что создававшаяся ситуация была использована группой офицеров во главе с генералом Д. Симовичем для совершения государственного переворота. 27 марта 1941 г. под лозунгом «лучше рат, чем пакт» («лучше война, чем пакт») военный Белград смешал германскую карту.

Судя по некоторым данным, руководители заговора поддерживали связи не только с английским посольством в Белграде, но и с советским военным агентом полковником Самохиным, который рассыпал заговорщикам мощь Красной армии¹.

Однако какой-либо реальной помощи от Москвы не последовало.

Вячеслав Молотов заявил специальному эмиссару из Белграда полковнику Савичу (4 апреля), что СССР не может в настоящий момент пойти на подписание пакта о взаимной помощи, так как не готов вступить в конфликт с Берлином. Пока, по его мнению, можно было обсудить договор дружбы без особых обязательств, что было воспринято, по вполне понятным причинам, критически сербской стороной².

На стороне вождей переворота, противников пакта с фюрером решительно выступила Сербская Православная Церковь во главе с новым Патриархом Гавриилом (Дожичем). Еще до заключения договора с Гитлером он посетил принца-регента Павла и заявил ему свое категорическое осуждение планируемого акта.

Глава Сербской Церкви, судя по некоторым совпадениям, например, срочном созыве Архиерейского Собора накануне переворота, был посвящен в акцию Симовича и его сторонников в армии. 27 марта в своей речи с балкона здания Патриархии он говорил следующее: «В эти дни перед нашим народом судьба снова поставила вопрос, какому царству мы больше расположены.

¹ *Маевский В.* Русские в Югославии. С. 248

² Там же. С. 255.

Сегодня на заре... на этот вопрос был дан ответ: расположены мы царству небесному, т. е. царству Божьей истины и правды, народного согласия и свободы. Этот вечный идеал, носимый в сердцах всех и согреваемый в святилищах наших православных храмов и написанный на наших народных знаменах, — сегодня утром засветился чистый и светлый как солнце, очищенный и омытый от грязи»¹.

Белград ликовал. Балканский южный темперамент находил свой выход в демонстрациях, пылких угрозах врагам по первой мировой войне, избиении попавшихся под горячую руку некоторых сотрудников немецкого посольства и пр.

Однако были и такие сербы, которые отчетливо понимали всю неотвратимость гитлеровского нападения. 6 апреля в 5 часов утра Берлин передал по радио объявление войны Югославии. Через несколько часов на улицах и площадях ее столицы рвались немецкие бомбы.

Начиналась очередная война с Германией и ее союзницами.

К этому времени относится следующая дневниковая запись Йозефа Геббельса: «Балканы больше не будут пороховой бочкой Европы. И Россия не сможет больше совать свой нос, как перед первой мировой войной. Вена с ее доброй, старой демократией тут не справилась. Мы должны навести здесь полный порядок. Это сейчас и происходит... Я прочел много материала о Сербии — страна, люди, история. Безумная страна! И еще более безумный народ. Но мы с ней управимся»².

Автор более чем неправ.

Балканы будут еще долго оставаться «пороховой бочкой», которую Европа непредумышленно или умышленно готовила и готовит.

В первом случае речь может идти «о случае», связанном с «благословением» создания Королевства СХС.

Во втором — о крушении югославского «братства и единства».

Для теории и практики локальных войн балканская территория является идеальным проверенным на практике театром военных действий (ТВД).

¹ *Маевский В.* Русские в Югославии. С. 256.

² Цит. по: *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 248.

Именно Балканы — один из ключей, отмыкающих дверь к России, всемирному господству.

Поэтому Россия «совала» и будет, думается, хотя и с меньшей активностью, «совать свой нос» на Балканы. При этом фактор времени не имеет значения уже потому, что первенствующая роль принадлежит органической традиции.

Если говорить о Сербии, то она может пропасть или уже исчезла, но сербство — с его коллективным бессознательным — пока остается, хотя и «портится» в связи с общей стабилизацией и упрощением контрольных функций «лечащих» стран.

Примечание: «коллективное бессознательное» — в данном контексте строго национальная категория и может рассматриваться как некая душа, вбирающая в себя весь спектр ценностных ориентаций в их духовном и историческом контекстах в широком временном поле или как своеобразная психическая компонента генома человека в обществе и общества в личности. Может изменяться в связи с резким нарушением условий жизнедеятельности, прежде всего вызванного вторжением некоего механически-деструктивного или ценностно-созидательного характера. В том и другом случае «чужое» пожирает «свое». Результат различен: расстройство желудка, мутация, гибель от заражения.

Вся история человечества может рассматриваться с позиций указанного феномена идентичности.

И Геббельс абсолютно прав в том смысле, что только «безумство» могло подвигнуть сербов на сопротивление в 1914 году той же Вене, учитывавшей в своей политике фактор идентичности.

Поясню: указанный феномен с одинаковым или почти одинаковым успехом свойственен всему человеческому общежитию в его различных формах и ступенях организации и бытия — от племени до «империи», от цивилизации до культуры, от семьи до общества, Равным образом он проявляет себя в производстве, в потреблении. В интеллектуальной сфере этот принцип также находит свое применение через обслуживание или служение. Любое сообщество, всякое государство стремится выстраивать и защищать свои национальные интересы, жизнь, уклад, культуру и, главное, распространять свое представление о благе самыми разнообразными методами и средствами. При этом характерно и стремление распространить свою систему ценностей через войну, просвещение, торговлю и пр. — все зависит от таланта ее масте-

ров и проводников. Сам феномен в абсолюте должен представлять собой своеобразные соединенные штаты человечества, объединенные одной системой бытия. На современном этапе он наиболее ярко представлен через идею глобализации мира. Одновременно, как и любая идея универсального характера, она имеет свой антипод — контекстуальную идею, суть которой в контексте той или иной культуры. Тем не менее, это противопоставление не означает противостояния.

На сербской почве стремление к идентичности можно увидеть в великосербском национализме, т. е. в желании распространить или восстановить свое влияние и формы контроля на исторических землях, некогда входивших в орбиту сербских царств.

Сам национализм/национальное движение можно назвать стадийным только в схематичной форме.

В прошлом столетии — веке национальных движений — сербский национализм достиг апогея во время правления короля Александра.

Закат его связан с событиями второй мировой войны, а также такими разновеликими факторами, как Тито, с волнами национальных движений.

Средства сербских националистов — самые различные: от административного ресурса до убийств, от просвещения для себя и насмешливого презрения для других.

Стремление к идентичности можно увидеть с одной стороны в этнических чистках, с другой — в появлении в мире югославов.

Следует знать старую философскую мысль — не только мы творим время, но и время творит нас.

Эта аксиома позволяет понять историю неудачи «сербизма» в югославском обличье. К этому следует добавить и тот факт, что вся история сербства «безумно» трудна, как по грандиозности замыслов, выдержанных в византийском стиле (вспомним 1929 г. и образование Югославии), так и по своим провалам — этим спутникам политической истории Сербии (события, связанные с «обкарнанием» территории Сербии — Космет, а также потерей выхода к морю через Черногорию).

Сюда добавлю, что само возвращение сербов в границы XIX века, развал всех трех Югославий — королевской, социалистической и союзной — свидетельствует о победе «племенного» принципа построения национальных общин на Балканах.

Я не сказал «государств» по двум причинам: первая связана с вхождением в Европейский союз, вторая с тем, что от прежнего суверенитета остается или может остаться только герб и флаг.

Все это не может не касаться и Сербии. В лучшем случае ей уготована роль европейской провинции, музея под открытым небом, места для настоящих мужчин с оружием.

«Безумие» сербов может быть связано с их ориентацией, хотя и теряющей силу, на Россию, на стремление быть с ней в общепараллельном потоке идентичности, позволяющим сохранить себя на внутриэтническом уровне православно-славянских государств.

Более того, в политике любого сильного государства, безусловно, должна быть примесь романтизма. В противном случае оно теряет лицо, как это случилось и происходит со многими державами и странами далекими и близкими, строящими себя на рациональной основе.

Геббельс «не управился» с Сербией.

Это сделали другие. Причин этому множество.

Забываются обычно три:

патриоты, деятельность которых сводилась зачастую к фразе (Крайна);

усталость населения (мизерный приток добровольцев, заявивших о своей готовности помочь своим соплеменникам в той же Славонии, не говоря уже об определенном бездействии на фоне событий в Боснии);

отсутствие личности, сопоставимой с Тито, который провел свою страну через многие испытания, трудности, обвинения.

Немного о Тито.

Его «фашистско-гестаповская»¹ Югославия во времена Информбюро, позднее стала инициатором и организатором всемирного Движения неприсоединения, душой которого он стал.

Конечно, ему можно поставить в вину и лагерь «Голи оток» («Голой остров») на Адриатике для «врагов» Народной Югославии. (Тогда в Югославии в ходу была максима, что только тот может считаться интеллигентом, кто побывал на «Голом отоке».) И говорить, что хорват Тито «не любил» сербов с их «Великой Сербией».

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 499.

Не миновала чаша различных обвинений и его последнюю, четвертую, жену Йованку Будисавлевич Броз, которой, в частности приписывалось шпионство в пользу СССР.

Даже те потоки грязи, полившиеся на него после смерти, осквернение места последнего упокоения, например, словами — «Josip Broz Tito — ustaša. Jovanka Broz — srpska kurva»¹, не смогли и не могут вычеркнуть его имя из истории Югославии, из памяти ее жителей, с благодарностью вспоминаящих время Тито.

Впрочем, и его вдова, проведшая четверть века под домашним арестом и освобожденная только в 2000 году, получила свою долю похвал, но уже после кончины в декабре 2013 г.

У Тито было много наград. Но, пожалуй, самой большой — культ его личности, который надо было заслужить делами.

И они были: создатель в годы Второй мировой войны и одновременно Гражданской войны на территории Югославии Народно-освободительной армии в 600 000 человек, о которой могли только мечтать борцы с фашизмом в Европе, он не сломался во время конфликта со Сталиным в годы Информбюро, был строитель не советской, а своей, югославской, модели социализма.

Тито, «любичица бела», как о нем пела молодежь, прошел путь от руководителя возрождавшейся из руин новой страны, охранявшегося советскими чекистами², до одного из мировых лидеров.

Вокруг него не могло не быть тех, кто думал по-другому о жизни в стране и имел свои мысли о титовском пути.

Но «бравара» Тито (слесаря по первой рабочей специальности) не могли не уважать.

На его похороны в 1980 г. прибыло свыше сотни первых лиц различных государств, чтобы сказать последнее «прощай» одному из великанов строительства «новых небес» в изменяющемся мире.

И сейчас можно встретить надписи на стенах домов надпись «Бравару, врати се, све ти је опроштено» («Слесарь, вернись, все тебе прощено»).

Я работал в титовской Югославии и могу сказать, что страна при нем цвела, чего не скажешь о последующем времени. Это цветение не забыто. И до сих пор люди разных национальностей, едут в Кумровац, где родился Тито, чтобы поклониться памяти своего

¹ *Matvejević P. S puta po Srbiji. // Status. № 2, 2004, Mostar. S. 116.*

² Советский фактор в Восточной Европе. С. 209, 220.

вождя. Их, отмечу, сам видел, осталось немного, но они есть, те, кто строил «братство и единство», разрушенное новыми демократами.

Отсюда: не столько в политике или экономике, а в настроении, в душе сербства надо искать корни минувшего и настоящего.

И здесь нельзя не назвать «романтика» Слободана Милошевича.

Друзья называли его «Молодой Ленин», враги — «балканский мясник».

Он прошел путь от вождя сербства до одинокого белградца, от героя до неудачника, выданного на суд в Гаагу собственным народом, точнее, властями, а потом и жертвы с мученическим венцом, надетым теми, кто его предал.

Добавлю, что его путь «наверх» в определенной мере был связан с Меморандумом Сербской академии наук и искусства (САНИ) 1986 г.

Этот академический документ, утверждающий необходимость национальной программы, которая бы вдохновляла нынешнее и будущее поколения сербов, был воспринят одними как националистический по своему содержанию, призывающий к пересмотру межреспубликанских границ, в то время как другие увидели в меморандуме подтверждение своих мыслей, своих оценок происходящего. Я бы даже сказал, что этот документ восходит к «Начертаниям» И. Гарашанина с поправкой на время и задачи.

Тогда на сербском политическом горизонте взошла новая звезда — Слободан Милошевич, ставший главным защитником сербов, сербства на территории Югославии. В то «горячее» время, надо думать, стал популярен старый лозунг, что «где дышит хотя бы один серб, там и Сербия».

И, как подчеркивает Оливера Милосавлевич, «“Защищая Вуковар, Дубровник, Сараево, Задар, сербский национализм имел в виду не Югославию, а сербские“ границы»¹. Точнее, создание этнической большой Сербии, объединение всех сербов под одной «крышей».

Народ хотел в нем видеть «нового Тито», не получилось.

Тито нельзя было повторить: все было уже испорчено, Югос-

¹ *Milosačević O. Fatalističko tumačenje razaranja Jugoslavije// Status № 2, 2004, Mostar. S. 32.*

лавия распалась, Сербия устала от «великих и малых потрясений» — от войны, лжи, обещаний...

В итоге, как говорил Тарас Бульба своему сыну Андрею — «Я тебя породил, я тебя и убью», так и народ, вначале радостно внимавший своему вождю, потом распрощался с ним холодно, как неоправдавшим доверия.

Теперь Сербия стремится вызвать доверие у Европейского Союза, куда они, возможно, в недалеком будущем войдут вместе с Косово. И для новых поколений 1999 год и последующая необъявленная война с Сербией займет несколько строк в новой истории этого народа.

Можно сказать, что наступает новая эра для славян. Старую «сдадут в архив», точнее, «до востребования» вместе с Россией.

Если же задаться вопросом о том, что принес прошлый и нынешний века славянским народам Балкан в цивилизационном отношении, то ответ будет один: желание стать европейцем. Достаточно сказать, что весной 2014 г. половина представителей Сербии в ПАСЕ проголосовали за резолюцию, осуждающую «российское нелегальное присоединение Крыма».

И если многие идеи, установки, постулаты не получили своего развития или провалились, то объяснение случившегося, повторю, следует искать, иронически говоря, в «свободе воли».

Что будет потом? Можно ли ожидать новое славянофильство и каково будет его место в европейской культурной и политической истории?

Ожидать можно чего угодно; спасателей много, Спаситель один.

Черногория: век минувший и посткриптус к началу нынешнего

Памяти Йована Бойовича

История Черногории исследуемого периода с высот нынешнего времени, после разрушения социалистической федеративной республики Югославии, бедна праздниками и памятными датами общегосударственного значения. После вхождения в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев Черногория вместе с потерей прежней независимости «растворялась» в новом объединенном славянском государстве.

В 1921 г. в Черногории было около 313 тыс. человек¹, в то время как общее количество людей, проживавших в Королевстве сербов, хорватов и словенцев составляло примерно 12 млн.

Говоря о структуре управления, сложившейся после вхождения Черногории в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев, следует отметить, что власть на черногорских землях принадлежала исполнительному народному комитету, избранному Подгорицкой скупщиной. В его функции входили такие задачи, как установление общественного порядка, формирование судебной, полицейской и военной властей, организация местных органов управления, открытие школ. Однако за 5 месяцев своей работы он немного успел выполнить: вся его деятельность была сосредоточена на борьбе с мятежниками, сторонниками прежней власти².

Подгорицкая скупщина и комитет были распущены 20 апреля 1920 г.

Управление Черногорией вверялось уполномоченному королевского правительства. Вскоре уполномоченного заменил инспектор МВД, управлявший страной до весны 1922 г.

Именно тогда, 22 апреля 1922 г., в Белграде было принято решение об административном делении страны на области. С того времени Черногорией стал управлять великий жупан.

¹ *Радусинович П.С.* О Црној Гори и њеном становништву. Андријевица. 2002. С. 289.

² *Вујовић Д.Д.* Црна Гора у Југославији (1918–1941) // Црна Гора. Београд, 1976. С. 295.

Более того, из официального обращения изымалось само имя Черногория, большая часть которой включалась в Зетскую область.

Новые административные образования не соответствовали ни историческим, ни этнографическим границам. Вся местная власть области и срезов находилась в руках чиновников, назначаемых из Белграда, так что о самоуправлении можно говорить с большой натяжкой¹.

Противники объединения, выступавшие за восстановление независимого черногорского государства во главе с прежним властителем страны князем Николаем I, терпели поражение за поражением.

Однако неудачи не останавливали их. Уже тогда, в конце 1918 г., появились в Черногории «старые отечественные» офицеры, бросившие лозунг «За отделение от Белграда, за самостоятельную, свободную Черногорию». В начале следующего года на черногорских землях вспыхнуло инспирированное ими восстание. В обессиленной после Первой мировой войны стране началась братоубийственная борьба.

Действия сепаратистов тайно поддерживала не заинтересованная в создании сильного унитарного югославского государства Италия, корабли которой перевозили в черногорское приморье или в северную Албанию сторонников бывшего короля, заявлявшего, что никогда не позволит совершиться объединению Черногории с Сербией, так как «объединение не отвечает его личным интересам».

При этом само крайне тяжелое послевоенное социально-экономическое положение страны отнюдь не способствовало выработке у населения доверия к Белграду, политика которого в Черногории вызывала неудовольствие в массах. «Черногорцы охладевают к делу единства или, точнее, растет число тех, которые против него», — говорилось в докладе к премьер-министру Л. Давидовичу. По селам Черногории вспыхивали неорганизованные бунты, которые сепаратисты стремились использовать для того, чтобы стихийное движение крестьян направить в русло движения за отсоединения Черногории от Югославии. Независимо от всех крестьянских движений вспыхнуло неорганизованное и обреченное на неудачу восстание в сентябре 1919 г. в 29-м полку².

¹ *Vujović D. D.* Црна Гора у Југославији (1918–1941). С. 295.

² *Vrčinac L.* Гаљевина srba, hrvata i slovenaca od ujedinjenja do vidovdanskoг procesa. Beograd, 1956. С. 19.

В декабре правительственные войска после шестидневных боёв взяли Цетинье. С этого времени сторонники черногорской государственности только оборонялись. И хотя к концу 1919 г. они были окончательно разгромлены, вооружённые столкновения длились в течение всего 1920 г.¹

Окончательно они завершились в 1921 г. после смерти бывшего короля Николая.

Большие трудности центральному правительству доставляли и сторонники Октябрьской революции в России.

В 1919–1920 гг. под их руководством были организованы первоймайские и ноябрьские праздники².

На выборах в скупшину в ноябре 1920 г. из тех, кто пришел к урнам, 40% отдали голоса коммунистам, 20% — республиканцам, остальные — монархическим партиям³.

Поэтому неудивительна победа коммунистов на общинских выборах осенью 1920 года в известном Петровце, в котором они с 1919 г. имели свою ячейку и успешно распространяли социалистические и коммунистические идеи. Красная коммуна Петровца, длившаяся 307 дней⁴, перестала существовать только в июле следующего года, когда черногорские коммунисты были уже «под запретом».

Тем не менее, они продолжали действовать: в октябре 1921 г. под их руководством вспыхнуло восстание под лозунгом пролетарской революции, за советскую Черногорию⁵.

В определенной степени это была своеобразная реакция на узаконенное Белградом гонение на коммунистов после покушения

¹ *Бојовић Ј.Р.* О неким специфичностима револуционарног покрета у Црној Гори током 1919–1920 године // Петровачка комуна 1920 године — прва комунистичка општина на Јадрану (Зборник радова са научног скупа одржаног 23, 24 и 25 новембра 1984), Титоград, 1986. С. 53.

² Там же. С. 54.

³ *Пајовић Р.* Општински избори у Црној Гори 1920 године, с посебним освртом на победу комуниста у Петровцу на мору // Петровачка комуна. С. 59.

⁴ *Зеновић У.* Револуционарне традиције Петровца // Петровачка комуна. С. 45.

⁵ *Стиенский Р.М.* За советскую Черногорию. Очерки революционного движения в Черногории М., 1934. С. 13.

на принца-регента Александра и убийства министра внутренних дел М. Драшковича.

В обоих случаях в терактах были замешаны представители этой партии. Следует добавить, что тогда все 58 депутатов-коммунистов были лишены парламентской неприкосновенности и отданы под суд. Было арестовано около 2 тыс. функционеров Коммунистической партии Югославии, которая перешла на нелегальное положение.

В Черногории коммунисты не захотели признать свое поражение и пошли на авантюру. Толчком к выступлению населения послужила засуха и неурожай, нищета крестьянства. В ход шло все, даже тезис о ранее независимой Черногории.

При этом еще задолго до восстания коммунисты вели соответствующую работу. Один из коммунистических агитаторов — Вукашин Маркович, еще в России работая над консолидацией революционных сил на Балканах, «связывал отдельные группы балканских революционеров с Коминтерном, писал к себе на родину письма и прокламации, жарко агитируя за советскую Черногорию»¹.

По приезду на родину он рассказывал о Ленине, партии большевиков, их программе по уничтожению социальной несправедливости и устройству мира на справедливых основаниях.

Однако разрозненные крестьянские выступления жестоко подавлялись. Так, было сожжено более сотни дворов пиперов, живших в скалах близ Подгорицы. Сотни их погибли за 1921–1922 гг. в схватках с сербскими войсками, в полицейских участках, от голода и т. д.²

Тем не менее, борьба продолжалась. В 1923 г. в одной из революционных прокламаций говорилось: «Чем скорее победит мировая революция, тем скорее настанет царство коммунизма и братство всех народов. В этой революции организуйте советскую власть и коммунистические партии. Без советской власти и без коммунистической партии не может рабоче-крестьянский союз ни победить фашистов и буржуазию, ни удержать свою диктатуру над буржуазией. Так учит ленинизм, большевизм. По этой только ленинской, большевистской науке балканская беднота победит бур-

¹ *Стиенский Р.М.* За советскую Черногорию. Очерки. С. 16.

² Там же. С. 15.

жуазию и восстановит на Балканах союзную советскую республику и коммунизм»¹.

Такие призывы рассылались по всей Черногории, ее племенам. При этом следует подчеркнуть активную заинтересованность Коминтерна в черногорцах, революционная деятельность которых могла послужить делу революции на Балканах, разваливанию королевской Югославии, созданию на ее месте Балканской социалистической федеративной советской республики.

Так, в докладной записке в Балканскую комиссию ЦК РКП (б) и ИККИ — «Мероприятия по обеспечению успеха болгарского восстания извне» 29 августа 1924 г. указывалось на желательность организации восстаний со стороны тех же черногорцев, наряду с хорватами и македонцами².

И хотя Коминтерн не добился тогда желанного результата, он не оставлял Черногорию без надлежащего внимания. В 1935 г. коммунисты подчеркивали в своей прессе необходимость соединения всех революционных сил «за классовое и национальное освобождение», «за права рабочих и крестьян... За труд, землю и мир... за самоопределение черногорского народа до отделения, за рабоче-крестьянскую советскую Черногорию»³.

Эти идеи находили многочисленных сторонников, что с достаточной ясностью показало последующее время.

В то же время нельзя представлять Черногорию как оплот коммунистов: кроме них в стране, как и на всей территории Королевства, действовали радикалы, демократы, республиканцы и пр. Собственно черногорской партией можно считать федералистов, требовавшие равноправного положения черногорцев с другими народами королевства в составе федеративной Югославии. При этом следует подчеркнуть, что на парламентских выборах, проходивших в королевстве каждые два года, федералисты добивались определенного успеха: в 1923 г. они получили два депутатских мандата, в 1925 г. — три, в 1927 г. — один. Коммунисты были настроены пойти с ними на сотрудничество, однако сторонникам федеративного

¹ *Стиенский Р.М.* За советскую Черногорию. Очерки. С. 38.

² Македонский вопрос в документах коминтерна. С. 354.

³ *Лакић З.* Свијест о Петровачкој комуни у револуционарном покрету Црне Горе // Петровачка комуна. С. 133.

устройства страны претил их радикализм и бескомпромиссность политических требований¹.

Именно на основе сплочения всех оппозиционных режиму сил коммунисты попытались создать общий фронт борьбы с диктатурой. Однако «вечный» антагонизм между федералистской партией и сторонниками унитаризма, как и ранее, мешал достижению единства. Но не только это. Нужно подчеркнуть значительную популярность в черногорском обществе югославской национальной партии, собравшей в своих рядах многих из тех, которые поддерживали курс Белграда, провозглашенный в манифесте короля Александра от 6 января 1929 г.

Однако самой влиятельной политической силой в черногорском обществе стала сформированная главой правительства Миланом Стоядиновичем югославское радикальное объединение, вобравшее в себя все цвета национальностей Королевства Югославии.

К сказанному необходимо добавить, что население Черногории в основном поддерживало все же сторонников централизованного устройства своего «сербского» государства.

Именно Милан Стоядинович, воспринимаемый как сторонник Н. Пашича и его идей обустройства югославского государства, на парламентских выборах 1925 и 1927 гг. был избран от Черногории.

В мае 1936 г. была проведена бановинская конференция, на которой был избран исполнительный комитет во главе с Миланом Стоядиновичем².

В новую партию вошла большая часть радикальной партии, а также некоторые сторонники демократической и крестьянской партий, большое количество бывших приверженцев югославской национальной партии.

Гражданская оппозиция Белграду в Черногории состояла из федералистов и левого крыла бывших партий, распущенных в 1929 г.: речь идет, прежде всего, о радикальной, демократической, крестьянской, республиканской партиях³.

¹ *Vujović D.D.* Црна Гора у Југославији. С. 307–308.

² Там же. С. 315.

³ Там же.

На парламентских выборах в 1938 г. победу одержали сторонники М. Стоядиновича. Однако перевес правительства был не слишком велик: в Черногории за курс М. Стоядиновича проголосовало 40 017 человек, в то время как объединенная оппозиция набрала 34 195 голосов¹.

Тем не менее, власть продолжала оставаться в руках Белграда, прилагавшего и ранее немалые усилия к сохранению Югославии.

Рассматривая вопросы просвещения, следует подчеркнуть, что если по уровню грамотности Югославия была на одном из последних мест в Европе, то в этом была и определенная «вина» Черногории, в которой в 1921 г. насчитывалось около 70% неграмотных², в то время как в Словении — 8, 85%, в Сербии — 65, 43%³.

Практически почти все сельское население не умело ни читать, ни писать: грамотность для черногорцев была роскошью. Государственные субсидии на просвещение в Словении были в 4 раза больше, чем на Черногорию, т. е. само государство как бы подпитывало неравномерность развития части населения⁴.

В стране, в которой множество людей еле-еле сводили концы с концами, считалось непозволительным вкладывать деньги в просвещение: в школы, университеты, театры и пр. В то же время в межвоенный период грамотных среди лиц старше 10 лет было около 43%. Причем среди неграмотных женщины традиционно составляли большинство. Так, судя по регионам, неграмотных было: в приморском регионе — 46, 1% (62, 3% женщин); в срединном — 51, 2% (76, 1%); в горном — 53% (77, 1%); в полимско-плевальском — 68% (87, 3%)⁵.

В 1929–1931 гг. в Зетской бановине, которая охватывала Черногорию, Герцеговину, Новопазарский санджак и южную часть Далмации, насчитывалось 373 основных школы, в которых училось 28 070 школьников⁶. Также в ней действовали 3 гражданских школы со 143

¹ *Вујовић Д.Д.* Црна Гора у Југославији. С. 321.

² *Димић Л.* Културна политика у Краљевини Југославији. Први део. С. 44.

³ *Там же.* *Трећи део. Београд. 1997.* С. 419.

⁴ *Там же.* С. 426.

⁵ *Радусиновић П.С.* О Црној Гори. С. 197.

⁶ *Вујовић Д.Д.* Црна Гора у Југославији. С. 325.

учащимися¹. В стране было три типа учебных заведений: торговые, индустриально-ремесленные и сельскохозяйственные. В Черногории до 1926 г. отсутствовали развитые в Словении, Хорватии и Славонии, Воеводине гражданские школы². В то же время в бановине работали: 10 государственных и 3 частных гимназии — 4084 учеников; 2 учительские школы — 169 студентов; 1 торговая академия — 159 студентов; 1 морская академия — 106 курсантов; 13 девичьих специализированных школ — 390 учениц, обучавшихся различным ремеслам. 10 других ремесленных школ — 559 учеников; 8 детских садов³.

Для образования священства в Черногорско-приморской епархии с центром на Цетинье было открыто 5 семинарий.

В дальнейшем число школ все же постепенно увеличивалось. В 1939/40 уч. г. в Черногории уже действовало 440 основных школ с 38 000 учениками, 20 восьмилетних школ и гимназий с 9000 учениками и 10 специализированных школ с 996 учащимися⁴.

При этом отметим, что родители мальчиков видели в учебе вернейшее средство для последующего устройства на госслужбу⁵. Поэтому неудивительно, что многие «белые воротнички» — выходцы из Черногории.

Закон предписывал всем лицам до 25 лет, не получивших образования, в обязательном порядке посещать курсы по ликвидации неграмотности, которые должны быть открыты при всех народных школах от 1 ноября до 1 марта в вечерние часы. После наступления 25-летнего возраста посещение не было обязательным. В армии также проводилась необходимая работа по ликвидации неграмотности. Предусматривалось законодательством и открытие для домохозяек начальных женских и курсов, на которые принимались от 15 до 30 лет⁶.

¹ *Вујовић Д.Д.* Црна Гора у Југославији. С. 325.

² *Димић Л.* Културна политика у Краљевини Југославији. Други део. С. 162.

³ *Вујовић Д.Д.* Црна Гора у Југославији. С. 325.

⁴ *Радусиновић П.С.* О Црној Гори. С. 197.

⁵ Там же. С. 275.

⁶ *Димић Л.* Културна политика у Краљевини Југославији. Други део. С. 131.

Закон предвидел и образование специальных общин, цель которых заключалась в создании и содержании школ. При этом каждая школьная община имела соответствующий местный школьный комитет. Все эти органы должны были заботиться обо всем: от покупки книг для бедных учеников до устройства кухонь и поликлиник¹.

После 6 января 1929 г. и переименования страны в Королевство Югославия министерство просвещения стремилось и еще глубже и сильнее пропитать школу государственной югославской идеологией. В школах основывались общества, имевшие подчеркнуто югославский характер: Ядранская стража, стрелковый союз, союз югославянских школьных объединений и др.²

Преподаватели музыки в средних и учительских школах могли выбрать песни для ученических хоров исключительно из министерского списка. В музыке — только национальная, из западной литературы — только классическая. В преподавании истории, географии, языка — учителя должны были развивать и воспитывать дух югославянства.

Особое внимание в преподавании уделялось истории, словесности, географии — «главные предметы для развития национального самосознания и гордости». При этом на уроках истории преподаватели должны были обращать внимание своих учеников на те сюжеты, которые соединяют, а не разделяют народы королевской Югославии. Одновременно учителя должны были соблюдать «симметрию» в преподавании национальных историй³.

Один народ, одно государство, один король — вот суть новой югославской идеологии, которая пронизывала все учебные заведения на всей территории страны. И именно воспитанию молодежи белградские власти уделяли особое внимание.

Так, обучение в основной школе в Черногории длилось четыре года. По закону от 1929 г. она должна была открываться там, где в радиусе 4 км имелось тридцать детей школьного возраста. В особо тяжелых условиях проживания было достаточно и двадцати учеников⁴.

¹ Димић Л. Културна политика у Краљевини Југославији. Други део. С. 136.

² Там же. Први део. С. 262.

³ Димић Л. Културна политика у Краљевини Југославији. Други део. С. 136.

⁴ Там же. С. 125.

При этом конфессиональное преподавание было обязательным. Вел его учитель или священник в зависимости от желания родителей¹. Впоследствии все преподаватели Закона Божьего, назначаемые из подданных королевства указом министра просвещения, должны были принять священнический сан.

Закон позволял ученикам участвовать в торжествах только общегосударственного и общенационального значения или в школьных праздниках.

Учителями могли быть только те, кто закончил государственную учительскую школу. Вступая на государственную службу, учитель приносил присягу. Однако история королевской Югославии, которой они присягали, приближалась к своему завершению. И немаловажная роль в будущих процессах строительства новой Югославии отводилась крестьянству.

Только в Черногории свыше 80% населения были крестьяне, т. е. доминировала аграрная структура со всеми вытекающими последствиями в социальной, общественной, культурной сфере. Обрабатываемая земля занимала чуть больше 20% ее скалистой территории. На 100 га обрабатываемой земли приходилось 236 жителей, в то время как в Воеводине — 81, в Сербии — 163, в Хорватии и Славонии — 158, Македонии — 136².

Стальной плуг, символ модернизации, вводился чрезвычайно медленно. Небольшие участки земли, в основном, не больше двух гектаров, могли прокормить с трудом только одну семью. В 1931 г. такие земельные владения составляли 45, 6% всех крестьянских хозяйств. По Югославии — 33, 8%³. «Трудные» почвы, неразвитость агротехнических приемов, — все это и многое другое объясняло получения урожая, которого едва хватало на одну семью, не говоря уже о рынке. В 1939 г. на 1 жителя в Югославии приходилось 510 кг зерновых культур, а в Черногории — 107 кг⁴.

Достаточно сказать, что сам труд в сельском хозяйстве, которым в основном занимались женщины, был практически не механизирован: все оставалось на том же уровне, который был и сто и

¹ Димић Л. Културна политика у Краљевини Југославији. Други део. С. 126.

² Там же. Трећи део. С. 415.

³ Вујовић Д.Д. Црна Гора у Југославији. С. 296.

⁴ Там же.

пятьсот лет назад. Те же древние деревянные орала были основным орудием для так называемой вспашки на каменистых землях.

Тем не менее, после окончания Первой мировой войны наблюдался определенный прогресс и в сельском хозяйстве. Если в 1922 г. площадь сельскохозяйственных угодий составляла 165 369 га, то в 1939 г.— 611 836 га¹. Соответственно, под зерновыми культурами в 1922 г. было 41 495 га, а в 1939 г.— 56 342 га². В приозерных районах (вблизи Скадарского озера), межгорных котловинах, долинах рек крестьянство могло выращивать пшеницу, кукурузу, ячмень, картошку.

В 1939 г. по сравнению с 1931 г. увеличился сбор плодов: слив — на 43, 2%, яблок — на 130, 7%, груш — на 54, 3%, ореха — на 77% и т. д. При этом следует заметить, что увеличению сбора фруктов, вне всякого сомнения, содействовала и работа четырех питомников, где можно было приобрести качественные саженцы плодовых деревьев³. Среди них самым популярной была слива, из которой гнали ракию.

Главная отрасль — горно-пастбищное животноводство. При этом сами горные пастбища и луга достигали 40% от всей территории Черногории. В 1921 г. в Черногории насчитывалось 625 905 голов скота — коров, лошадей, овец, коз и т. д. В 1939 г. поголовье выросло почти вдвое и составило — 1 101 567⁴.

Однако приемы выращивания и содержания скота в основном сохранялись на «дедовском» уровне. Почти 50% крестьянских хозяйств не имели тягловой силы для обработки земли⁵.

Традиционный уклад жизни обуславливал определенную закрытость черногорской семьи, общества, территории. В горных районах со слабыми коммуникациями именно обычаи во многом определяли нормы поведения черногорского населения. Передаваясь из поколения в поколение, они охватывали и регулировали почти всю жизнь черногорца, причем не только поведение, но и мышление⁶.

¹ *Вујовић Д.Д.* Црна Гора у Југославији. С. 296.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *Димић Л.* Културна политика краљевине Југославије 1918–1941. Трећи део. С. 457.

Прошлое проявлялась, жило и действовало через коллективную память. Традиция была фундаментом жизни¹.

Европейский пиджак был все еще отличительным знаком образованности, принадлежности к Европе, в то время как для крестьян органичной была одежда своих предков. Глядя на платье черногорца или черногорки, можно было легко определить край проживания, принадлежность к тому или иному племени, его обычаи.

Дома в основном строились из камня, которого было вдоволь в горной стране. Села состояли из 30–60 домов, а часто и из 2–3 жилищ².

Причем плодородная земля была настолько ценна, что на ней никогда черногорцы не строили свои дома. Черногорская семья в среднем состояла из 6 человек — земля, горы требовали работников.

Большинство людей рождалось, жило и умирало в своих селах.

Не было особого достатка в пище, так что для многих постился гораздо дольше установленного количества дней. Хлеб был основной пищей крестьян. На втором месте в бедняцких краях шла фасоль, которую ели каждый второй день. Жира употребляли меньше, чем в городе³. Мясо больше всего ценилось, но меньше всего елось: две трети белка было растительного характера.

Вера, традиции, обычаи предков, вплоть до кровной мести, воинственность и честность этих балканских спартанцев не уступали «без боя» своего места массовой культуре.

Замечу, что в сознании православных черногорцев все еще крепко держались суеверия, колдовство, вампиры и прочая нечистая сила. Однако все это не мешало черногорцам также твердо выставлять себя православными людьми, готовыми отдать жизнь за свою веру.

Традиция была фундаментом существования, героическое прошлое была той почвой, в которой жила и укреплялась национальная гордость, находившая «пищу» в подвигах предков, сражавшихся постоянно со своим вечным и племенным неприятелем — турками. Приверженность обычному, устоявшемуся рождала постоянный страх перед последствиями нововведений, входящих в противоречие с традиционным укладом жизни.

¹ *Димић Л.* Културна политика краљевине Југославије 1918–1941. Трећи део. С. 458.

² Там же. Први део. С. 47.

³ Там же. Трећи део. С. 455.

Переходя к характеристике социально-производственной базы Черногории, сразу подчеркну, что в стране, где сохранялись традиции родо-племенного строя, она создавалась крайне медленно. До 1918 г. в ней было 8 промышленных предприятий. Тем не менее, и здесь наблюдалось определенное продвижение. Так, к 1938 было введено в строй 12 новых фабрик¹. Уже на следующий год насчитывалось уже 24 предприятия, на которых трудились 1 335 рабочих².

В 1939 г. из 1 386 рабочих в промышленности — 934 были неквалифицированными, 183 — квалифицированных, 9 — технических работника и 36 — административного персонала³.

В стране, богатой лесом, в 1931 г. работало уже 28 пилорам для первоначальной обработки древесины⁴.

Еще одна деталь, позволяющая судить о состоянии черногорского хозяйства: до 1918 г. в стране было электрифицировано всего 2 населенных пункта, к 1939 г.— 28 мест⁵.

Немаловажный показатель для характеристики экономической инфраструктуры — дороги: до 1914 г. в стране было 523, 5 км проселочных трактов и железная дорога Бар–Вирпазар. В межвоенный период прокладывается 71 км железнодорожного полотна. Здесь следует назвать узкоколейки Плавница–Подгорица и Билеча–Никшич. На 100 кв. км территории Черногории приходилось 0, 5 км железнодорожного пути, в то время как в среднем по Югославии этот показатель составлял 4, 2 кв. км⁶.

Несколько лучше обстояло дело с ремесленными мастерскими, которых в 1935 г. насчитывалось около полутора тысяч. Тем не менее, и тут Черногория стояла по этому показателю на последнем месте. В 1939 г. на ее территории одна мастерская приходилась на 247 жителей, в то время как в Сербии — на 53, в Словении — на 53, в Хорватии — на 78, в Македонии — на 112, в Боснии и Герцеговине — на 191⁷.

¹ *Вујовић Д.Д.* Црна Гора у Југославији. С. 298.

² Там же.

³ *Радусиновић П.С.* О Црној Гори. С. 283.

⁴ *Вујовић Д.Д.* Црна Гора у Југославији. С. 298.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 300.

⁷ Там же. С. 299.

Почти так же обстояло дело и с предприятиями торговли, которых в 1935 г. насчитывалось около 2 тыс.¹.

Безусловно, в бановине действовали кредитные учреждения, однако их количество было весьма незначительно — 13 банков, из них — 8 черногорских и 5 филиалов югославских банков. Слабость финансового капитала не позволяла оказывать сколько-нибудь существенного влияния на экономику страны: в 1931 г. в 8 черногорских банках было всего 20 млн динаров².

Тяжелые экономические условия заставляли одних черногорцев эмигрировать в Северную и Южную Америки, других перебираться в Космет, чтобы обживать новые земли и «разбавлять» албанское население, третьих становиться горожанами.

За счет притока сельской молодежи увеличивается население таких центров, как Подгорица, Никшич, Цетинье, Иванград, Бело Поле, Плевле. И если в 1921 г. только 14, 7% населения имело доходы, не связанные с сельскохозяйственной деятельностью, то в 1931 г. этот процент повысился на 6, 2%.³

В приморском регионе с его центрами в Баре, Которе — 62% населения было занято в сельском хозяйстве, лесном деле, рыболовстве; 11, 6% — в промышленности, ремеслах; 8, 1% — в торговле, кредитном деле, транспорте; 12, 2% — числились служащими, находились в армии. В срединном, куда входили такие города, как Подгорица, Цетинье, Даниловград, эти цифры составляли — 75, 3%, 6, 8%, 4, 5%, 7, 5%. В горном — с такими центрами, как Колашин и Никшич, — 88, 3%, 3, 5%, 2%, 3, 3%. В полимско-плевальском регионе с гг. Андриевица, Бело Поле, Плевле, Бераны и др. — 86, 4%, 4%, 2, 8%, 4%⁴.

В приморском регионе преобладало земледелие и плодоводство, в горном — животноводство, в срединном больше представлена земледелие, в последнем — плодоводство и лесное дело⁵.

¹ *Вујовић Д.Д.* Црна Гора у Југославији. С. 300.

² Там же. С. 302.

³ *Радусиновић П.С.* О Црној Гори. С. 195.

⁴ Там же. С. 273.

⁵ Там же. С. 273–274.

Среди городов наиболее были развиты Бар и Улцинь, известные приморские центры. В этом регионе трудилось и половина от общей численности всех рабочих в Черногории¹.

В 1931 г. в сельском хозяйстве, лесном деле, рыболовстве было занято 130 925 тыс. человек (79, 6%) от общей численности активного населения; в промышленности и ремеслах — 8 937 (5, 4%); в торговле, кредитном деле и транспорте — 4 730 (2, 9%); в государственной службе, в группах служащих, лиц свободные профессий, в армии — 12 421 (7, 6%); в остальных категориях — 7 430 (4, 5%)².

В социальной структуре населения рабочие составляли 5, 9%, а служащие — 5, 1%³.

Подробные комментарии излишни: мало рабочих, много чиновников.

По данным из 1925 г. в 32 населенных пунктах городского типа жило 60 400 жителей, в то время как в 1313 сельских поселениях проживало 260 000 жителей⁴.

К концу 1930-х гг. в Черногории был один театр на 250 мест, 12 кинотеатров на 2060 мест и два музея. На каждого 194 жителя приходился один радиоприемник⁵. С 1932 г. открыли свои двери музыкальные школы на Цетинье (1932 г.) и в Подгорице (1937 г.).

Разумеется, развитие шло, но необходимо было время, а его оставалось мало. В сентябре 1940 г. в Цетиньском монастыре Патриарх Гаврила Дожич после святой Литургии говорил: «Все сотрясается, все качается, земля грохочет. В эти тяжкие и судьбоносные времена должны мы себя спросить: в чем наш долг? Вот в чем: сегодня, когда все уничтожается, когда рушатся дома и города, когда одна торпеда уносит тысячи жизней на морское дно, мы должны осознавать эту ситуацию и сплотиться, чтобы сохранять то, что кровью и через муки создали»⁶.

6 апреля 1941 г. в 5 часов утра Берлин передал по радио объявление войны Югославии. Жизнь черногорского народа вступала в

¹ Радусинович П.С. О Црној Гори. С. 284.

² Там же. С. 275.

³ Там же. С. 196.

⁴ Там же. С. 194—195.

⁵ Там же. С. 197.

⁶ Слипчевич Ђ. Историја Српске православне цркве. Друга књига. С. 600.

привычную военную колею. Королевство терпело поражение, но не черногорцы. Именно Зетская дивизия, сформированной в основном из черногорцев, успешно ведя бои против итальянцев, успела захватить в плен свыше тысячи солдат и офицеров¹.

Но силы были не равны, поддержки не приходилось ждать. 17 апреля 1941 г. Королевство Югославия капитулировало. Черногорцы возвращались домой. Оружие, которое они не собирались сдавать, скоро опять пригодилось.

P.S. Последующая история Черногории тесно связана с войной против немецких захватчиков и их «спутников» под лозунгом «Красная армия с нами, мы победим»², потом с существованием в качестве федеративной единицы в составе второй Югославии со столицей в Подгорице, переименованной в 1946 г. в Титоград (в 1992 г. было возвращено прежнее название).

Соответственно какой-либо серьезной «отдельной» политической линии, противной курсу, начертанному Тито, просто не могло быть. Хотя, во времена Информбюро больше всего на Голом отоке и в Петровой яме оказалось черногорцев³.

Из лиц, критиковавших Тито, упомяну кавалера ордена Кутузова, Народного героя Югославии, государственного деятеля, одного из ближайших сподвижников «Старого» Милована Джиласа, автора опубликованной за пределами Югославии в 1957 г. и переведенной на десятки языков книги «Новый класс: Анализ коммунистической системы», в которой рассматривалась тема возникновения в СССР, Югославии и других социалистических странах нового правящего класса «привилегированной партийной бюрократической верхушки», за которую он получил семь лет заключения. (В 1986 г. книга была опубликована на Родине.)

Но сам черногорский народ, в основном старшее поколение, сохранил благодарную память о времени его управления большой страной, когда жилось несравненно легче, нежели в нынешнее время.

¹ *Vujović D.D.* Црна Гора у Југославији. С. 324.

² *Лакшч З.* Триста лет межгосударственных отношений Черногории и России // Россия и Балканы в течение последних 300 лет / Русија и Балкан током посљедних три стољећа. Подгорица–Москва, 2012. С. 297.

³ Там же.

Хотя такое отношение было не у всех. В одной из черногорских церквей есть современная фреска, где Тито вместе с Марксом и Лениным помещены в ад.

Экономика... Из отраслей можно, например, назвать добычу бокситов и, конечно, самую запоминающуюся — туризм.

Все как у всех или почти как у всех. Главное, что она за годы СФРЮ перестала числиться «отсталой».

Вернее второе, чему причиной была сравнительная бедность страны, ее замедленное развитие, обусловленное рядом факторов — от географическо-политического до этнографического своеобразия жизни.

Культура... Тоже традиционный набор: университет, академия, творческие союзы... Разве что упомяну одно русское имя — основателя на базе городского театра Народного театра в Титограде В.И. Щучкина, получившего широкую известность в русском театральном мире еще в бытность его белградской жизни.

Распад СФРЮ, начавшийся в 1991 г., привел к образованию в 1992 г. Союзной Республики Югославии (СРЮ), в которой Черногория, как записано в конституции, провозгласила себя «демократическим, социальным и экологическим государством».

Первым президентом страны стал Момир Булатович.

Потом наступило время военных действий, когда старая идеология «братства и единства» была сметена национализмом/национальными движениями. После событий 1999 г., связанных с Косово и бомбардировками силами НАТО югославской территории, власти Черногории взяли ускоренный курс на отделение от потерпевшей поражение Сербии и «вхождение в Европу».

Введение, в конце 1990 гг. немецкой марки, затем евро в 2002 г. стало одним из доказательств избранного пути. В итоге, в 2006 г. по итогам референдума (чуть более 50% проголосовало за свой суверенитет), Черногория провозгласила себя независимым государством.

Герб — двуглавый орел с львом на груди.

Язык — черногорский, официальный по конституции 2007 г. Однако не везде он был воспринят родным.

Судя по результатам переписи населения, проведенной в 2011 г., черногорский язык признали своим 37% населения или около 230 тысяч человек.

В целом языковая тема не так проста. Несомненно одно — курс на независимость требовал и своего языка.

Современная политика чаще всего увязывается с именем М. Джукановича, периодически возглавляющего Черногорию. В прошлом с ним были связаны сюжеты по «отходу» от Сербии, с контрабандой табачных изделий, сейчас с планом превращения страны во второе Монте-Карло, с вступлением в ЕС и в НАТО.

В 2014 г. Черногория, вернее, ее правительство, поддержала санкции ЕС против России.

Интересно, чем?!

Отношение черногорцев к русским? Традиционное.

Здесь можно напомнить, что в 1830 г. митрополит черногорский Петр Петрович Негош в своем завещании, обращаясь к своему народу, написал: **«На смертном одре передаю вечному проклятию анафеме, как его (черногорца), так и его род и потомков, чтобы он исчез бесследно и его дом был истреблен и погран... кто бы вас (черногорцев) отлучил от верности благочестивой и христолюбивой России... и кто бы подумал отступить от покровительства... единой родной нам России, да даст Бог сильный, чтобы с него живого плоть отделялась и любое временное и вечное благо отступило!»**¹

¹ Цит. по: *Лакич З.* Триста лет межгосударственных отношений Черногории и России.

Конец балканской истории: европейские горизонты

*Будешь горьким, расплюют,
Будешь сладким, все равно, заклюют.
И что делать «бедному балканцу»?!*

В свое время Константин Николаевич Леонтьев, самый яростный неприятель «душещипательного» славянофильства, написал, что если славянство и призвано «к чему-либо творческому, положительному, как особый ли мир истории или только как своеобразная часть европейской цивилизации, и в том и другом случае им нужна сила.

Сила государственная выпала в удел великороссам. Эту силу великороссы должны хранить, как священный залог истории, не только для себя, но и для всеславянской независимости.

Быть может, со временем для пособия самой Европе, против пожирающей ее медленной анархии.

И таким образом для всего человечества»¹.

Эти строки были написаны около полутора сотни лет назад. С тех пор чего только не происходило со славянами! Они побывали и в «империалистах» и в «спутниках», были завоевателями и побежденными, предателями и героями, меняли маски и лица в соответствии с требованиями политического времени и программы, заложенными в нас Творцом. Самая славянская и в то же время неславянская Россия также прошла и проходит нелегкий путь.

Быть великой хорошо, только всем не угодишь, даже самой себе. Отдать всего себя славянству легко, такое уже случилось в 1914 году, до сих пор не можем по ряду показателей догнать 1913 год.

А что славянство, славизм?! Ответ единственный: славяне есть, славизма, славянства нет. Разумеется, как существительное собирательного характера «славянство» есть, но только в грамматике, политике, риторике.

С практикой хуже: сама история балканских народов с их междоусобными конфликтами, терактами, войнами, шедших под деви-

¹ Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1912. С. 170.

зом «нам чужого не надо, но и свое не отдадим», неоднократно доказывала, что «братство и единство» было лишь дорогой, которую «минировали» сами жители «пороховой бочки».

Диогену было лучше, он жил один в своей деревянной бочке, да и Александр Македонский не притяжал на его жилище. «Балканцев» — много, у всех свои привычки, родимый образ жизни, своя вражда, которая не ржавеет, отечественные предания и много всего того, о чем написала Ирина Антанасиевич.

И, конечно, балканская «бочка» взорвалась. Она же была «пороховой».

Есть такая русская пословица: «не было бы счастья, да несчастье помогло».

«Взрывы» на Балканах открыли новые горизонты.

Николай Алексеевич Некрасов писал в поэме «Кому на Руси жить хорошо?»

Порвалась (есть другой вариант автора: «распалась» — *В.К.*) цепь великая,

Порвалась — расскочилась:

Одним концом по барину,

Другим по мужику!..

В результате «взрывов» и «порвалась цепь великая...» балканских народов, «скованная «было людьми, политикой, идеями...»

«Заморозить» очередную «весну народов» не получилось. Бывшее социалистическое «братство» уступало место национальному «единству». Свою роль здесь сыграл и миротворец в военном мундире, который стал «исправлять» историю «гуманитарными бомбардировками». Нынешний цивилизованный западный мир был един в своем стремлении «наказать» Белград. И у него это весьма эффективно, я бы сказал, «громко» получилось.

А что Россия?

Она переживала тогда сложные времена, был очередной «перелом», на которые так богата наша история. Народ был занят проблемой выживания, хотя и тогда нашлись люди, немного, сам стоял, но были, устроившие демонстрацию у стен американского посольства в связи с бомбардировками в 1999 г. Югославии.

Да и «демократизирующаяся Россия» не хотела идти на конфликт со своим учителем. «Друг Борис» не хотел ссориться с «другом Биллом» из-за Милошевича, который во многом стал жертвой собственных амбиций.

Мир меняется с трудом. Войны продолжают заливать кровью землю. И самым, пожалуй, кровавым стал XX век с его двумя мировыми войнами и множеством локальных войн и конфликтов. Более того, военные средства, случается, под флагом миротворчества, используются для достижения поставленных целей. И это опять не ново в нашем подлунном мире. Достаточно вспомнить *ultima ratio regum*. Именно последний довод королей и был применен к Югославии.

Косово 1389 г. повторялось в конце XX века.

Но!

Был и выход, вернее, коридор. Европейский. И, как в свое время Римская империя «вбирала в себя» народы, так и нынешняя Европа стремится стать и быть объединительницей стран без границ, войн, едиными правилами «общежития». Впереди перед Балканами — европейские горизонты.

Только вот надолго ли? И такие уж ли они широкие?

И сможет ли сама Европа успешно «переварить» балканцев?

Не знаю.

А пока, иронично замечу, миру — beer, желательно хайнекен.

Приложение о войне на Балканах в конце прошлого тысячелетия

В начале XXI столетия я побывал в качестве переводчика небольшой журналистской группы вновь на Балканах. В частности, переводил рассказы местных жителей о недавней войне, оставившей след не только на стенах церквей, домов, но и в душах людей, разного положения, разных взглядов на происходившее.

После этой поездки у меня сохранилась несколько записей. Надеюсь, что они не утратили своей ценности и сейчас.

Рассказ из Загреба

«На второй день, когда хорватская армия двинулась в операцию «Блеск» (1995 г. — В.К.), в ходе которой освободила часть западной Славонии, которую держали сербы, их командующий Миле Мартич приказал нанести ракетные удары по Загребу. Эти ракеты были специально подготовлены для Загреба и начинены кассетными боезарядами (бомбами). Они разорвались в нескольких местах. Одно из них центр города, на улицах которого было почти как всегда полно людей, автомобилей, хотя и была объявлена тревога. И на этом месте было несколько горевших автомобилей. Думаю, что где-то здесь, вблизи, погибло два человека. Еще в нескольких местах упали бомбы, одна из них вблизи больницы. По моему мнению, цель налета не в том, чтобы причинить конкретный ущерб. Больше всего они рассчитывали на то, чтобы посеять панику в городе. Вероятно, это послужило причиной использования кассетных бомб. Между тем, в Хорватии это вызвало обратный эффект. У людей усилилось отторжение сербов. Позже это обнаружилось в антисербской операции «Буря», когда хорваты мстили сербам в Крайне».

Рассказ о хозяине лавки в Загребе сербе Михаиле Зеце: «его имя получило известность вследствие того, что в конце декабря он был убит в своем доме. Его жена и дочь были похищены, а потом, два дня спустя они были найдены мертвыми на горе Слем, вблизи Загреба. Предположительно он был одним из богатых людей в Загребе. Хорваты в то время его обвиняли в том, что он помогал сербам, которые восстали в Крайне. Для некоторых это была основная причина для его ликвидации».

«В конце октября 1991 г., т. е. в разгар борьбы между хорватскими силами и югославской армией, на территории президентского дворца, в котором был президент Туджман, произошел взрыв. И сейчас случившееся тогда остается загадкой. Хорватия обвиняет югославскую армию в бомбардировке президентского дворца и намерении убить законного президента Хорватии. Сербь и армия со своей стороны утверждали, что это не их рук дело; что это хорватская армия подложила взрывчатку с целью обрушить гнев на югославскую армию. И до сих пор нет полных объяснений. В то время было на самом деле много полетов военных самолетов. День или два перед этим бомбили телевизионную башню вблизи Загреба. Но в то время никого не было поблизости, кто бы мог видеть, что случилось. Правда, хорватское телевидение сняло этот взрыв издалека. И этот снимок можно сейчас найти. Когда мы прибыли, внутрь пускали только операторов. И для каждой журналистской группы была своя история: где находился президент, что происходило. Это усилило сомнения в правдоподобности того или другого рассказа. По тому, что мы в то время думали о случившемся, одна и другая стороны имели достаточно оснований говорить о покушении на президента или о рассказе о покушении. Армия, во всяком случае, очень желала избавиться от президента Туджмана, так как его считали ответственным за войну, нападения на армию, разрушение Югославии. В то время хорватская власть могла использовать взрыв, безопасный для президента, для того, чтобы вызвать возмущение хорватской и международной общественности армией и Югославией. Следовательно, чтобы помогло процессу разделения».

Рассказы из Вуковара

Хорватка, вспоминая 1991 г. и захват сербами города, говорит: «есть и погибшие. А другим некуда возвращаться. Я вернулась, Боже сохрани, как снег падаешь, никого не было. Едва осталась жива. Ничего нет. В тапочках, вот и все. Ничего нет. Нет здесь и работы. Сын у меня работает, а что это за заработок — 1200 кун на троих. А что можно с этими деньгами? За электричество и все остальное нужно платить. А нужно и кушать. Государство построило для нас эти дома. Но дома нельзя есть. У нас есть земля. А земля не разминирована... Идут туда работать, надеясь, что пронесет. Испытывают судьбу. Если удастся, то удастся. Слава Богу, еще никто

не пострадал. Мы живем с небольшого огорода. У меня есть пенсия своя. У меня есть пенсия в 560 кун. Видишь, как тут живет. Было нам когда-то хорошо, а сейчас... Живут здесь только хорваты. Поэтому все и разрушили, не осталось ни одного целого (дома — *В.К.*). Ни одного. Ни одного. Даже могилы на кладбище пострадали. В каждый памятник стреляли. Можете пойти на кладбище и увидите. Не оставили в покое ни мертвых, ни живых. Наша улица довольно длинная... Спасибо, что однажды придет смерть. У нас осталась только небольшая часовня, а церковь разрушена. Вообще не осталось от церкви ничего. Сербов здесь нет. У нас и нет ничего... Есть молодежь, много молодежи. Все возвращаются. Есть дети... Послушайте, у кого-то кто-то погиб. Еще не нашли всех. Не нашли еще всех погибших. Еще не знают, кто жив, кто мертв. Вот дом, в нем убили и отца и мать, и брата. Всех троих убили... Из нашего села. Не из нашего. Какая разница: всех убили. И если бы я не убежала и не мой зять... не осталась бы жива. В тапочках убежала. Но лучше бы умерла».

«Что касается операций «Блеск» и «Буря» там было полно жертв. Была большая резня, в которой пострадали хорваты. Была резня и здесь. Бросали живых и раненых. Наш доктор, бывший доктор Станомирович, серб, брал кровь у раненых хорватов и давал своим раненым, чтобы спасти их. А он давал клятву лечить хорватов и сербов одинаково. А он жил здесь до войны... Был наш доктор, лечил нас и т. д... А сейчас ходит по Хорватии. Как ему не стыдно... Для меня он военный преступник».

«И сейчас разгуливают по Вуковару и Борову те, которые убивали. Все знаем. Но что делать? Мы должны в свои дома вернуться. Здесь наши очаги. А есть и пришлые. И Сербия и сейчас помогает сербам в их поселении здесь, утверждая, что они как будто жили тут. Все это для того, чтобы получить их голоса на местных выборах. Но я верю, что пока здесь один хорват дышит, сербам будет тяжело...»

«У меня зять не имеет руки, дочка, служившая в армии, ранена в ноги и сейчас болеет. Зять ни к какой работе не пригоден. Не может отрезать хлеба, чтобы поесть. А что говорить об остальных — у кого нет руки, ноги, кто стопроцентный инвалид и передвигается в коляске. Как может смотреть мать на своих детей в инвалидной коляске?»

«У нас, хорватов, мягкая душа и мягкий характер. Мы не смотрели: кто серб, а кто хорват. Был бы мир и согласие. Мы не знали, что сербы уже 50 лет приготавливают для нас. Мы их вооружали, уплачивая налог, не задумываясь над тем, серб или хорват будет вооружен на наши деньги, вычитаемые из заработной платы. Мы не знали, с кем едим хлеб до 91 г.»

«Я была ранена. Я имела все. А сейчас ничего. Сейчас должна начать с того, как в то время, когда вышла замуж. Покупали одно, другое. А сейчас, откуда деньги? Небольшая пенсия... Зять не работает нигде.

Только бы началось производство чего-нибудь. Тогда хорваты возвращались бы в Вуковар в большем количестве. Лишь бы запустили какое-либо производство. Люди бы имели, чем заняться, имели бы плату. А сейчас не от чего жить. Нет перспективы здесь».

«О Тито могу сказать, что самое лучшее, что он сделал — это границы. Если бы он не провел границ Хорватии, Боснии и Герцеговины, Словении, Македонии — было бы больше крови. Хорошо сделал, что сделал».

Рассказ другого жителя. «Наступили так называемые демократические перемены. Из однопартийной системы демократия начала формировать партии. В каждой республике начался рост национализма. Больше всего и самым кровавым образом это проявилось на здешней территории. Все, в основном политики, разжигали нетерпимость, ненависть. Началось манипулирование массами — здесь было начало кровопролития... И началось с того, что Хорватия хотела отделиться, стать самостоятельной республикой. Сербь, которые жили здесь, в то время выступали за Югославию. Дело дошло до антагонизма. Значит, до войны».

«В то время в основном начала вооружаться Хорватия. Тогда существовали незаконные вооруженные формирования. И это при том, что еще была Югославия. Так как сербы выступали за тогдашнюю систему и Югославию, стали обостряться межнациональные отношения. Хорваты вооружались. Сербь также начали объединяться. И так все началось. В Вуковаре дело дошло до того, что некоторых сербов забирали. Они исчезали. Была реакция на события в Книне, которые происходили годом раньше. И как следствие — обострение национальных отношений, особенно в Борово. После вмешательства хорватских полицейских все пошло вразнос плюс блокада казармы ЮНА в Вуковаре».

Рассказ другого жителя. «Я серб. Во времена ХДЗ (Хорватское демократическое объединение — В.К.) и Туджмана вплоть до последних выборов был антагонизм. Был переходной период под юрисдикцией ООН и мирная реинтеграция, которая, можно сказать, вызывала положительные эмоции. Она прошла довольно спокойно без повторения каких-либо межнациональных кровавых инцидентов, что очень хорошо. Думаю, что сейчас ситуация нормализуется. Людям надоела война. В основном их занимают чисто житейские проблемы».

«У меня есть друзья хорваты, поддерживаю с ними хорошие отношения. С некоторыми и до войны был в хороших отношениях. С другими — нет. Все зависит от человека. Индивидуально. Как понимает время, которое прошло. Есть и такие, которые хотят вернуться в Сербию. А другие — сюда. В Вуковар, по некоторым сведениям вернулось около 6 тыс. хорватов. Имеется около 12 тыс. сербов. Это насчет того, сколько населения в городе».

«В прежней Югославии мы жили вместе одной красивой жизнью. Была работа. Была лучше жизнь, чем сейчас. Все было так, пока не начались те, скажем, возмущения. Все мы жили вместе. Никто никого не спрашивал, ни кто ты, ни что ты, хорват или серб. Здесь жили представители свыше 28 национальностей. И все жили хорошо. Экономическая ситуация была приличная. Не было столько безработных. Хотя в тот момент, в таких гигантах как «Борово», начал ощущаться кризис... Все можно было решить мирным договором, нормальным. Но в то время не было настоящих политиков, которые могли решить это. На практике всех охватила национальная лихорадка. Может быть, если бы те люди, которые сейчас у власти, были бы тогда, то не случилось бы, думаю, войны».

«Дети ходят в одну школу. Только сербы в одну смену, хорваты в другую. Там, где я живу, есть хорваты, которые вернулись, и наши дети играют с их детьми... Я думаю, что в памяти людей все еще свежи ужасы войны, большая кровь. Еще не отболело все это. Кто-то может простить. Кто-то может загнать в закоулки памяти. Еще помнится трагедия. Может следующее поколение сможет легче дышать».

«Я не знаю, есть ли здесь дом сербской молодежи. Может быть, при церкви есть некое сообщество при фольклорной секции».

«Я собираюсь жить здесь дальше».

Рассказ другого очевидца. «Мы из Винковцев, вблизи отсюда. Во время войны я был в хорватской армии. Война — это несчастья, мучения народа, трагедия. И ненависть еще останется долго жить в народе. Я никогда не смогу забыть то, что творилось в Хорватии».

«До войны мы с сербами жили нормально, пока не случилась трагедия. А когда случилась трагедия — это сумасшедший дом, хаос. Нет доверия даже к соседу. Можно упрекать сербов, что они не предупреждали своих соседей о том, что произойдет. Сербы все знали, но не говорили хорватам. В нас летели гранаты, били с самолетов. Только позже, когда много народа пострадало, только тогда сербы среагировали. Но было поздно. Когда было разрушено все, только тогда они проснулись. И не все, а только некоторые».

«Те, которые остались, также пострадали, как и мы. Гранаты не выбирали домов. Тогда они реагировали, но было поздно. Те, которые остались, почти изолированно живут».

«У нас были друзья сербы, пока все не началось. Я контактирую еще с сербами. Но отношение свелось на «добрый день» и «как дела». Больше нет тех разговоров, какие были раньше. Тогда было совсем нормально: не было важно — кто ты и что ты. Как мы слышали, есть кафе, где собираются сербы, есть те, куда идут хорваты. Все разделено. Но эта информация типа одна баба сказала».

«Было много сербов, которые воевали на нашей стороне. Только позже...»

«Я был в армии Франьо Туджмана и уважаю его идею и сейчас. Однако он запятнал себя в процессе приватизации».

«Нынешняя жупания разорена. Нет промышленности. Нет ничего. Власть помогает, но очень мало. Мы ведь не одни такие. Построено и отремонтировано много».

На вопрос о старой и новой власти: «я разницы не замечаю, так как далек от нее. Я обычный рабочий. Гражданин. Живу на то, что зарабатываю. У меня есть свои политические интересы, но как идея. Материальное положение все равно одно».

«Кажется, что раньше — до войны — чуть-чуть лучше жилось. Но опять — кому как».